

10.335
1960

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

3

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1960

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й Г Р У З И И

Год издания четвертый

64 796

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ОНИ ВИДЕЛИ ЛЕНИНА

К. ГВАЛИЯ. С письмом у Ильича	3
Ф. ШАВИШВИЛИ. «Молодец, Шлиссельбург!»	4

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ. Мальчик у моря. Стихи	6
ГЕОРГИЙ НАТРОШВИЛИ. Весь этот мир — твой! Рассказ	7
МЕДЕЯ КАХИДЗЕ. Цикл стихов.	12

РАССКАЗЫ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

ОТИЯ ИОСЕЛИАНИ. Беги и строгий инженер. Из цикла «Девушки с автозавода».	16
АЛЕКСЕЙ ГОГУА. Негаснущий огонь.	17
КОРА ЦЕРЕТЕЛИ. Старший брат.	25

✓ ЕЛЕНА НИКОЛАЕВСКАЯ. Стихи о Грузии.	30
КОРРАДО АЛЬВАРО. Случай из хроники. Рассказ.	32
АЛЕКСАНДР АБАШЕЛИ. Женщина в зеркале. Научно-фантастический роман. Продолжение.	37

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

И. В. ТЮЛЕНЕВ. Битва за Кавказ. Из книги «Через три войны». Продолжение.	54
---	----

См. на обороте.

3
МАРТ
1960

ОЧЕРКИ

ВЛ. МАЧАВАРИАНИ. Из французских записей. 68

Обсуждаем произведения,
выдвинутые на Ленинскую премию

И. ЧХИКВИШВИЛИ—«Лицом к лицу с Аме-
рикой»; ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ — Стихи
Максима Рыльского; ВЕРИКО АНДЖАПА-
РИДЗЕ — «Судьба человека»; С. КОБУЛА-
ДЗЕ — Пейзажи Армении; А. МАЧАВАРИ-
АНИ — «Тропою грома». . . . . 76—80

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

С. ТРЕГУБ. «На холмах Грузии». 81
Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ. Творчество перевода. 85,

САТИРА И ЮМОР

И. ИОСЕЛИАНИ — Басенная история; ино-
странный юмор . . . . . 94—95

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.

Ответственный секретарь М. ЗАВЕРИН.

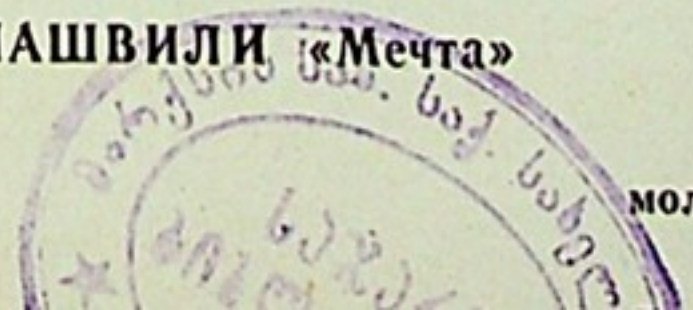
Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

საქართველოს
ხელოვნების
მინისტროს
გამართავს

Ж. МЕДЗМАРИШВИЛИ «Мечта»

Выставка произведений
молодых художников Грузии.

С ПИСЬМОМ У ИЛЬИЧА

скоре после установления Советской власти в Грузии мне поручили доставить в Москву, в Управление делами Совнаркома письмо Серго Орджоникидзе, адресованное Владимиру Ильичу Ленину. Письмо это содержало важные материалы о результатах меньшевистского хозяйничанья в Грузии и просьбу оказать молодой республике экономическую и военную помощь.

В первых числах апреля 1921 года я был уже в Москве. Рано утром пришел в Управление делами Совнаркома и, сдав пакет, считал свою миссию курьера-посыльного выполненной. Но мне велели подождать. Оказывается, Владимир Ильич выразил желание встретиться с человеком, который привез письмо. Он хотел побеседовать по ряду вопросов, связанных с жизнью и задачами республики, где только что была установлена Советская власть.

Для меня эта встреча с Владимиром Ильичем была полной неожиданностью. Я никак не думал, что увижу Ленина. К тому же меня смущал мой убогий костюм. Это были годы разрухи, и мне пришлось добираться в Москву с большими трудностями — по дороге приходилось даже рубить и таскать дрова для топки, чтобы паровоз мог двигаться вперед. И без того ветхая шинель моя изнасилась в дороге, сапоги прохудились. Но сотрудники Управления успокоили меня, указав на других посетителей, ожидавших приема у Ленина. На многих были лапти, некоторые выглядели не лучше меня. Да, тяжелые то были времена!

Наскоро приведя в порядок свою одежду, я постарался овладеть собой и вошел в кабинет главы Советского государства.

Низко склонившись над своим письменным столом, Владимир Ильич что-то быстро и сосредоточенно писал. Потом поднял голову, увидел меня, встал и пошел навстречу. Я тоже шагнул в его сторону. Ильич крепко пожал мне руку и, указав на кресло, предложил сесть.

Ласково, но в то же время пытливо глядя на меня, Владимир Ильич поблагодарил за присланное ему письмо. Затем он сказал, что внимательно прочитал его, ознакомился с приложенными к нему документами и выразил сожаление о том, что внутренние и внешние враги причинили так много горя народам Закавказья, в том числе и Грузии. Ленин обещал, что молодой республике будет оказана посильная помощь, которая даст возможность ей быстрее стать на путь социалистического преобразования. «Советская Грузия скоро станет цветущей», — сказал он.

Затем Ильич попросил меня, если я в курсе дел, рассказать о чистурских марганцевых рудниках, о морских портах Грузии — Поти и Батуми, о жизни грузинских рабочих и крестьян.

В ходе беседы он задавал мне дополнительные вопросы, делал за-
метки. Видимо, Ильич остался доволен моими ответами, потому что
сказал мне: «Вы, батенька, хорошо осведомлены в этих делах».

После этого Владимир Ильич начал говорить об осуществлении ре-
шений X съезда партии, о крутом повороте от политики «военного ком-
мунизма» к новой экономической политике.

Разъясняя задачу правильного осуществления национальной поли-
тики партии в нашей многонациональной стране, в том числе в Закав-
казье и в Грузии, Ленин заострил внимание на необходимости беспощад-
ной борьбы с конкретными проявлениями как великодержавного шови-
низма, так и местного национализма, указал на важность укрепления
дружбы народов с учетом обычаев, традиций, вытекающих из особен-
ностей их исторического развития.

Владимир Ильич поинтересовался моим семейным положением,
моей учебой. Он спросил, где и как я устроился, посоветовал отдохнуть.
Потом я слышал, как Ильич дал распоряжение сотруднику Управления
делами Совнаркома немедленно подготовить все нужные материалы для
Серго Орджоникидзе и передать их мне, обеспечить меня ночлегом, пи-
танием, железнодорожными документами и пайком на обратный путь.

Затем Владимир Ильич тепло попрощался со мной, пожелал мне
всего хорошего, выразил надежду, что я смогу получить высшее образо-
вание, напомнил, что на следующий день мне надлежит зайти в аппарат
Управления делами Совнаркома и получить там все необходимое, чтобы
вернуться в Тбилиси, в том числе и новое обмундирование.

Эта встреча с Ильичем многому меня научила. Она навсегда оста-
лась самым дорогим воспоминанием моей жизни. Я увидел не только
великого политического и государственного деятеля, мудрого вождя на-
родов и гениального мыслителя. Передо мной был простой и обаятель-
ный человек, с первой минуты покоривший меня своим вниманием и
заботой. Еще тогда меня поразило, что Ленин, несмотря на огромную
загруженность, без промедления принял меня и смог так быстро разре-
шить жизненно важные для Советской Грузии вопросы.

Эта беседа с Ильичем еще и еще раз убедила меня в том, какую
большую заботу о процветании молодой Грузинской республики прояв-
лял великий Ленин.

К. ГВАЛИЯ,
член КПСС с 1917 года.

„МОЛОДЕЦ, ШЛИССЕЛЬБУРГ!“

Владимира Ильича Ленина мне было знакомо с 1906
года по его нелегальным брошюрам. В ту пору у нас,
подпольщиков Армавира, этих брошюр было очень мало,
и они переходили из рук в руки. Уже тогда армавирская
революционная молодежь горячо любила Ленина, как
человека, выразившего их чаяния и стремления, хотя
и ничего еще не знала о жизни Владимира Ильича, не
представляла даже, как он выглядит.

Спустя несколько лет — в годы первой мировой вой-
ны, находясь в заключении в Харьковской каторжной тюрьме, а затем
в Шлиссельбургской крепости, я стал свидетелем того, как высказыва-

ния Владимира Ильича о грабительском характере империалистической войны проникали в мрачные застенки царских тюрем, вызывая огромное оживление и горячие споры среди политзаключенных.

И, наконец, весной 1917 года я впервые увидел Ленина, когда он выступал на площади перед Финляндским вокзалом. А вскоре мне представился случай встретиться с Владимиром Ильичем и даже говорить с ним.

Иустину Петровичу Жуку (впоследствии герою гражданской войны, члену Военного Совета Карельского участка Петроградского фронта, погибшему во время боя 25 октября 1919 года) и мне было поручено передать Петроградскому Совету обращение рабочих Шлиссельбургских пороховых заводов, с тем, чтобы огласить его с трибуны Совета.

В Смольном мы встретили Владимира Ильича, беседующего с группой людей. Речь шла о войне, о войсках. Жук был знаком с Лениным. Они поздоровались. Передавая обращение, Иустин Петрович сказал Владимиру Ильичу, что я — бывший узник Шлиссельбургской крепости. Ленин протянул мне руку, и я крепко пожал ее.

Владимир Ильич быстро просмотрел обращение, так быстро, что мне показалось, будто он пропустил отдельные пункты. Но тут же я смог убедиться в том, что Ленин очень внимательно ознакомился с ним. Читая, например, десятый пункт, он отрывисто засмеялся и сказал: «Хорошо, смело сказано. Молодец, Шлиссельбург!».

Десятый пункт обращения гласил: «Если Временное правительство не желает выполнить требование народа, оно должно быть удалено и заменено новым представительством».

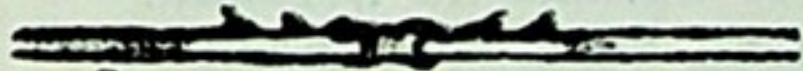
Беседа продолжалась всего несколько минут. Однако за это время Владимир Ильич успел расспросить нас и о настроении рабочих Шлиссельбургских пороховых заводов, и о режиме в Шлиссельбургской крепости, и о политическом составе заключенных.

Во время беседы я старался не пропустить ни одного слова Ильича. Я обратил внимание на его удивительную простоту и естественность, на огромную энергию, которую он излучал. И мне на память пришли слова, сказанные Камо в Харьковской каторжной тюрьме:

— Ленин, брат, не кабинетный вельможа, а самый настоящий человек из народа.

Ф. ШАВИШВИЛИ,

член КПСС с 1921 года.

Галактион Табидзе

Мальчик у моря

Перевод с грузинского А. Межирова

Успокоилось и спит,
Солнцем высвечено резко,
Море, кроткое на вид, —
Ни валов, ни волн, ни всплеска.
Одолело маяту,
Дремлет, вытянувшись плоско.
Тело смуглого подростка
Бронзовеет на свету.
И от прибережных плит
До полоски окоема
По морю покой разлит —
Дрема, оторопь, истома.
Рыба от избытка сил
Взбила рой соленых блесток,
И от этого подросток
Трепет в теле ощутил.
И когда, плывя рывками,
Загорелыми руками
Он в охапку море сгреб,
Пенистыми гребешками
По воде прошел озноб,
Белый парус, провисая
Ждет недвижно ветерка.
Только тень его косая
На воде дрожит слегка.
Два растрепанных и тощих
Облака с горы ползут.
Может быть, начнется дождик
Через несколько минут.
Небо цвета сливы спелой
Беспокоит рыбака.
Головой качая белой,
Он глядит на облака
И вздыхает то и дело.

Море крепко спит пока.

Георгий Натрошвили

Весь этот мир — твой!

РАССКАЗ

Перевод с грузинского А. Джапаридзе и М. Лохвицкого

Рис. Т. Самсонадзе.

Чистенький, тщательно подметенный деревенский дворик. В тени раскидистого ореха сидит на скамеечке женщина с шитьем в руках. То ли это детская рубашонка, то ли платице, а может, и косынка — не поймешь. Видно только, как любовно возится женщина с небольшим куском батиста. Она и гладит его, и ласково прижимает к груди, словно живое существо, и время от времени поднимает, разглядывая швы на свету. Тогда трудно понять, улыбается она или лучи усталого осеннего солнца играют на ее лице, испещренном мелкими морщинками.

Кроме женщины во дворе ни живой души. Но она будто чувствует рядом с собой кого-то незримого — то смеется, то сердится на него.

— Да ты же только вчера надел рубашку, сорванец! Ну, что ты за непоседа! — шепчет женщина. — Нет, вы поглядите на него, посмотрите, во что он превратил рубашку! Прямо в клочья изодрал!..

И сама же отвечает себе:

— Что ты сердишься, бабуля! Небось, пользуешься, что папы дома нет. Погоди, вернется он с гор!..

— Ах ты, пустомеля этакий! Тебе, постреленок, надо бояться отца, а не мне...

Батистовая рубашонка готова. Маро снова поднимает ее и разглядывает.

По двору, неумолчно пища, бегают цыплята, из хлева доносится жалобное мычание теленка, соседская свинья уперлась рылом, словно бульдозером, в плетень огорода, и вот-вот свернет его. Но Маро ничего не видит и не слышит. Э, пусть все опрокинется вверх дном! Она разговаривает со своим внучонком, ворчит на него, уговаривает, целует. Не беда, что она его не видела, да и не могла видеть. Ведь он еще не появился на свет.

Но стоило в доме скрипнуть двери, как Маро тотчас обернулась: по лестнице медленно спускалась ее невестка Русудан. Еще и года не прошло, как она впервые переступила порог их дома. Маро не знала невестку раньше — Русудан приехала из какого-то отдаленного района.

Элгуджа познакомился с молодой учительницей, полюбил ее и женился. А теперь Маро любит невестку так, словно сама ее вырастила и помнит с того самого дня, как Русудан сделала первые шаги.

При взгляде на невестку, лицо которой было озарено внутренним светом близкого материнства, у Маро засияли глаза. Но она тут же нахмурилась. Русудан держала в руке объемистую сумку — видимо, куда-то собралась.

Свекровь опустила детскую рубашонку на колени и с укором уставилась на молодую женщину. Казалось, она безмолвно предупреждала: выходить сейчас для тебя, все равно, что прыгать у края пропасти.

— Куда это ты собралась, Русико?

Русудан виновато улыбнулась.

— Говорят, наши возвращаются с гор. Сосед видел Элгуджу подле ущелья Лакбис-хеви...

— А ты что, председатель колхоза, чтобы встречать отары у Лакбис-хеви?

— Да я не к Лакбис-хеви иду, а...

Русудан потупилась.

— Куда же?

— В Энамта, мама. Персики уже перезрели, падают на землю, да и инжира скоро не станет.

Маро удивленно развела руками.

— Мама, ведь Элгуджа в нынешнем году и в глаза не видел фруктов. Когда отары погнали на Триалети, персики только отцветали, а он так любит их. Истосковался, небось, по фруктам. Пойду, соберу, он обрадуется.

Тепло стало на душе у Маро. «Вот ведь как бывает, — подумала она: — я забочусь о ее сыне, а она — о моем... Счастье, что они с Элгуджей так любят друг друга. Только видятся редко. Вечно в горах он. Хороший зоотехник, конечно! Поэтому и нет ему покоя. Только весна придет, заберут на Триалети, и до поздней осени не является он домой. Все, что растет у нас в саду, не для Элгуджи — и персиков своих любимых не видит, не удаётся ему полакомиться, как, бывало, в детстве...»

Но вслух Маро сказала сурово:

— Ну, скажи на милость, Русико, до персиков ли сейчас тебе! Или забыла, что врач говорила!

— Э, куда еще там! — Русудан махнула рукой, будто не соглашаясь. Маро внимательно поглядела на ладную фигуру невестки — и впрямь по ней почти ничего не заметно.

— Нет, нет, дочка, сиди дома.

Маро поднялась, обняла невестку за плечи и подтолкнула к лестнице. Русудан не двигалась с места и смотрела на свекровь взглядом, в котором были и мольба, и ласка, и детское шаловливое упрямство. Маро вздохнула, собрала шитье, накинула на голову платок и коротко сказала:

— Пойдем вместе.

Разве отпустит она свою невестку одну? Ну, а если случится что, она ведь не переживет этого...

* * *

Поле широко раскинулось и ровно дышит, как человек, наработавшийся за день. Где-то вдали светятся костры. А над ними, на вершине горы Энамта мерцают электрические огоньки. Их трудно от-

личить от звезд. Сразу и не сообразишь, где кончается гора и начинается небо.

Русудан лежит на бурке и смотрит в усеянное звездами небо.

Собрав персики, они с Маро пришли на полевой стан, чтобы добраться попутной машиной до села. Но, как назло, сегодня ни один шофер — будь они все неладны — не заехал сюда.

Маро присоединилась к женщинам, хлопочущим у очага, а Русико лежит себе и смотрит на звезды. До нее доносятся обрывки фраз. Это колхозники, расположившись на отдых, в ожидании ужина о чем-то беседуют. Но Русудан сквозь дрему не понимает, о чем.

Виноградник чуть слышно шелестит листьями. Гроздьба налились соком, который вот-вот прорвется сквозь тонкую кожицу... А звезды там, наверху, мигают и мигают как-то загадочно, словно подают ей таинственные знаки. Не поймет их Русудан. Лежит она молча, дремлет.

Вдруг яркая звезда прочертила небо и, оставив за собой огненный хвост, упала в той стороне, где начинаются дремучие Хорнабуджские леса.

Русико встревожилась, сама не зная, почему. Неподдалеку кто-то сказал жалостно:

— Гляди, звезда упала. Значит, человек умер.

Русудан узнала голос аробщика Хвтисо. Слова его больно резали сердце. Небо было таким ясным, таким веселым, звезды так славно подрагивали, будто смеялись. Разве могла существовать смерть в этом огромном мерцающем мире?..

Звонкий мальчишеский голос возразил:

— Что ты, дядя Хвтисо! Какое там — человек умер! Жаль, я не смотрел на небо, наверное, это был спутник.

— Спутник? — переспросил аробщик. Русудан теперь прислушивалась к каждому его слову. — Нет, сынок. Когда человек умирает, гаснет и его звезда. А рождается человек — новая звезда загорается. Вот и сейчас, если родится мальчик или девочка, тут же звездочка появится на небе...

Русудан невольно улыбнулась. Старик продолжал рассуждать, говорить о звездах, будто о своих соседях: одни, дескать, бывают злыми, другие — добрыми, помогают людям, некоторые звезды защищают овец, буйволов и коров, а есть такие, что истребляют их. Вон, на юге, над Архилоскало горит Хомли¹. Когда она зажигается, надо прятать скот, а то поразит своими лучами. Однажды Хвтисо не успел спрятать коня, а Хомли уже вспыхнула на небе. И конечно — нагнала на коня порчу. Хороший конь был, быстрый, как птица. А с того вечера еле ноги волочит...

Мальчик заразительно смеется.

— Каких времен эти сказки, дядя Хвтисо, хотел бы я знать, а, каких времен?!

И мальчуган принимается объяснять старику, что человек теперь чувствует себя в небе так же, как, допустим, он, Хвтисо, на винограднике. Теперь люди сами зажигают звезды и могут посылать их куда захотят — и к Солнцу и к Луне. Как раз прошлой ночью он, Ила, с ребятами сидели на этом самом месте и наблюдали за спутником. Из газеты они узнали, что спутник в такой-то день и час пролетит над Грузией. Ждали, ждали и, наконец, увидели. Он появился со стороны

¹ Хомли (народное) — Стожары.

Дагестанской горы, пролетел над Лагодехи, над Алазани, Хорнабуджской крепостью, норскими прибрежными чащобами и потом скрылся...

— Клянусь господом-богом, ничего не понимаю! — воскликнул Хвтисо. — Так, значит, ту звезду и впрямь забросили на небо с земли?

— Ну да, а ты как думал!

— Хи... А мотор у нее какой, что говорят? — недоверчиво осведомляется старик.

— Мотор? — по голосу мальчика Русудан чувствует, что он в затруднении: как ответить, не знает; но теперь, когда он уже почти взял верх над аробщиком, отступить нельзя. Тут и приврать можно. Ила откашливается.

— Ты, дядя Хвтисо, видел восьмидесятисильный дизель, что плантажные плуги таскает? Вот такой самый дизель на спутнике стоит.

Русико тихо смеется. Что еще мог сказать Ила, он ведь не видел машин мощнее дизельного трактора. Надо бы встать, подойти к ним и объяснить все, но она охвачена истомой, словно сладостным сном, и не может сдвинуться с места.

— Дочка, иди ужинать, — слышится голос Маро. — Ты что, спишь?

Свекровь стоит рядом, но голос ее доносится, будто издали. Русудан через силу поднимается. Они подходят к костру, подле которого расстелена на ковре скатерть. На ней — длинные плоские хлебцы — шоти, тушинский сыр и молодой цицмати. От только что извлеченной из котла хашламы — кусков вареного говяжьего мяса — поднимается пар. Аппетит у всех хороший. У всех, кроме Русико. Она отломала кусочек хлеба, но тут же положила его.

Маро, догадавшись о чем-то, зашептала на ухо Русико. Та кивнула головой и прилегла. Потом Маро обняла ее за талию, помогла встать, повела к шалашу. Русудан не чувствовала ног под собой, сильные руки свекрови будто несли ее по воздуху.

Немного спустя из шалаша донесся стон, заставивший всех смолкнуть. Это был тот хватающий за душу стон, который всегда предшествовал самому большому чуду и самой большой радости на земле — рождению человека.

Все всполошились.

* * *

У подножья горы Энамта, за виноградниками, всегда много перепелок. Они такие жирные, что с трудом взлетают. Этим пользуются де-

ревенские мальчишки, которые охотятся за перепелками и быт палкой. А о настоящих охотниках и говорить нечего — даже самый плохой стрелок — и тот всегда возвращается с богатой добычей.

Сандро Сехниашвили — здешний уроженец. Тут прошло его детство, тут ему знаком каждый камень. Еще будучи студентом, он ежегодно приезжал домой на каникулы, а в этом году, закончив учебу, получил назначение в свой родной район. Теперь-то он получил полную возможность вдоволь побродить по горам и лесам. Сандро втайне считает себя лучшим местным охотником и уж, конечно, самым знающим врачом. Правда, опыта у него маловато, и ему еще не пришлось никого вылечить — за это время, что он здесь, ни один колхозник не болел серьезно. Но показать свои знания Сандро всегда успеет...

Когда из шалаша донесся стон, народ заволновался. Кто-то вслух пожалел, что поблизости не найдешь врача. И тут Ило вспомнил: он сегодня видел Сехниашвили — тот, вместе с товарищами из Тбилиси, охотился на перепелок.

— Гони, Ила, за доктором! Лети во весь дух! — закричали женщины.

Мальчик пустился бежать.

Врача он нашел быстро. Сандро слегка оробел, но виду не подал.

— Пошли, — коротко сказал он мальчугану.

У колхозников легче стало на душе, когда они увидели врача, рядом с которым возбужденно прыгал Ила...

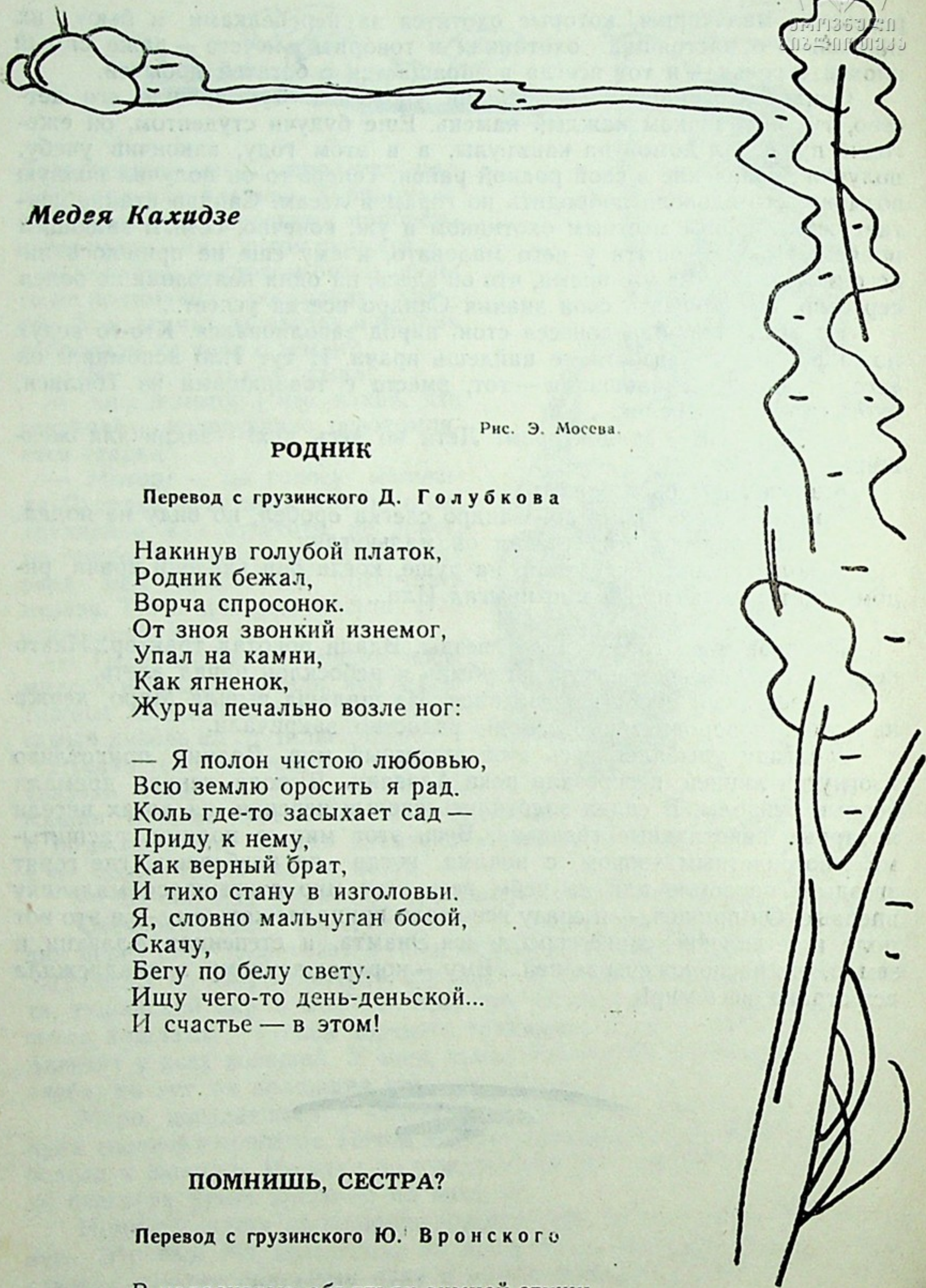
На небе и на горах сияли звезды. Вдали рокотал трактор. Никто не заметил, как ночь пошла на убыль и небосклон начал алеть.

Брезентовый полог зашевелился. Из шалаша вышла Маро, держа на руках новорожденного. Люди радостно закричали.

Малышу улыбался весь этот огромный мир. Долину прихотливо изогнутой линией перерезала река Алазани. В воде лениво дремали черные буйволы. В садах золотились спелые персики, на лозах висели янтарные виноградные гроздья... Весь этот мир, с полями, расшитыми многоцветным узором, с ночами, когда не разберешь, где горят звезды, — на земле или на небе, весь этот мир открывался мальчику впервые. Он пришел, — и сразу все стало принадлежать ему — и это вот поле, и те далекие, синие горы, и вся Энамта, и степенная Алазани, и земли, что расположены за ней... Ему — новорожденному, принадлежала вся страна, весь мир!

Медея Кахидзе

РОДНИК

Рис. Э. Мосева.

Перевод с грузинского Д. Голубкова

Накинув голубой платок,
Родник бежал,
Ворча спросонок.
От зноя звонкий изнемог,
Упал на камни,
Как ягненок,
Журча печально возле ног:

— Я полон чистою любовью,
Всю землю оросить я рад.
Коль где-то засыхает сад —
Приду к нему,
Как верный брат,
И тихо стану в изголовьи.
Я, словно мальчуган босой,
Скачу,
Бегу по белу свету.
Ищу чего-то день-деньской...
И счастье — в этом!

ПОМНИШЬ, СЕСТРА?

Перевод с грузинского Ю. Вронского

В неласковых объятьях зимней стужи
По тротуару белому скользим,
Перед глазами хлопья кружат, кружат,
И только им не холодно одним.
Оцепенели ели под платками,
Им грустно от заботливости зим...

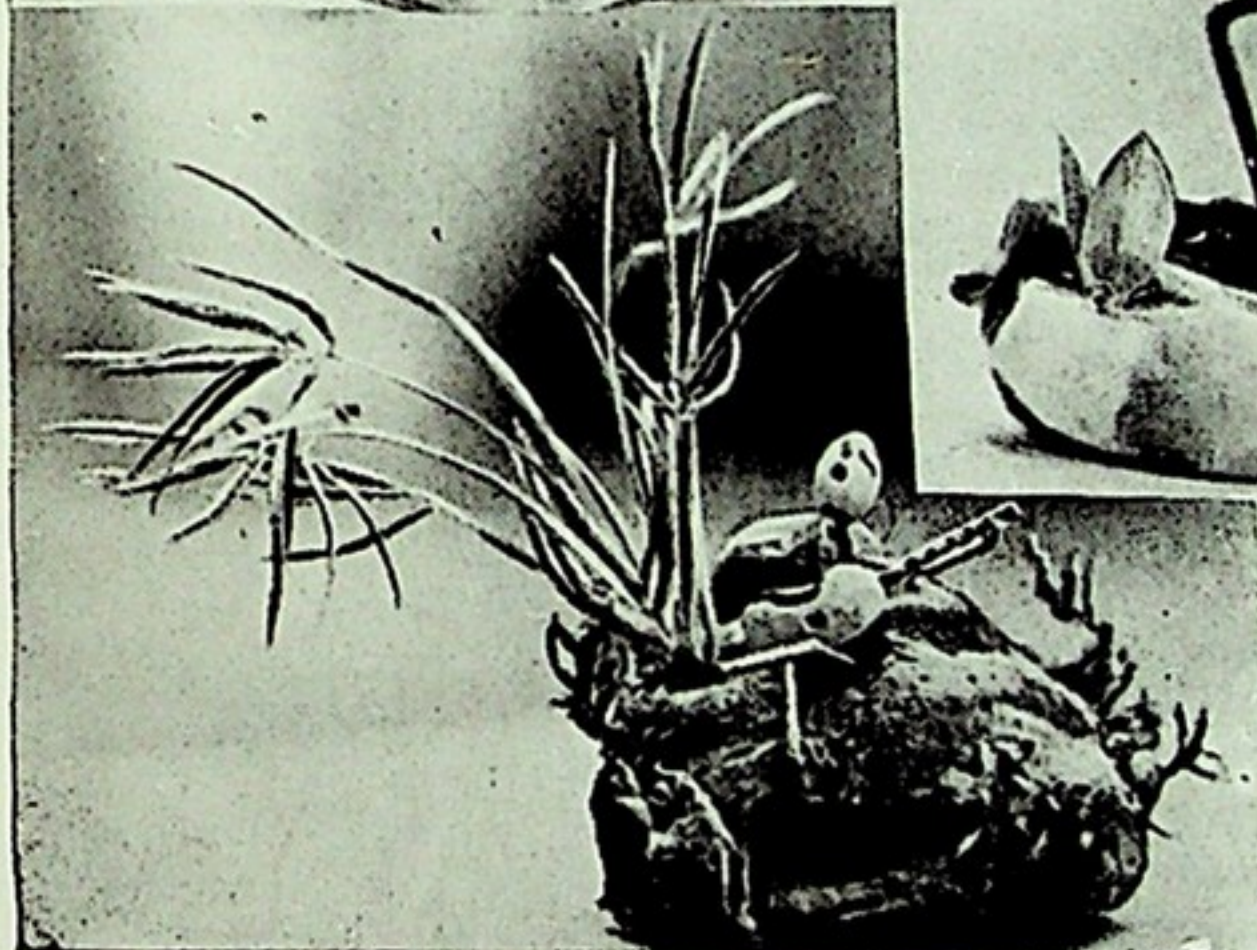
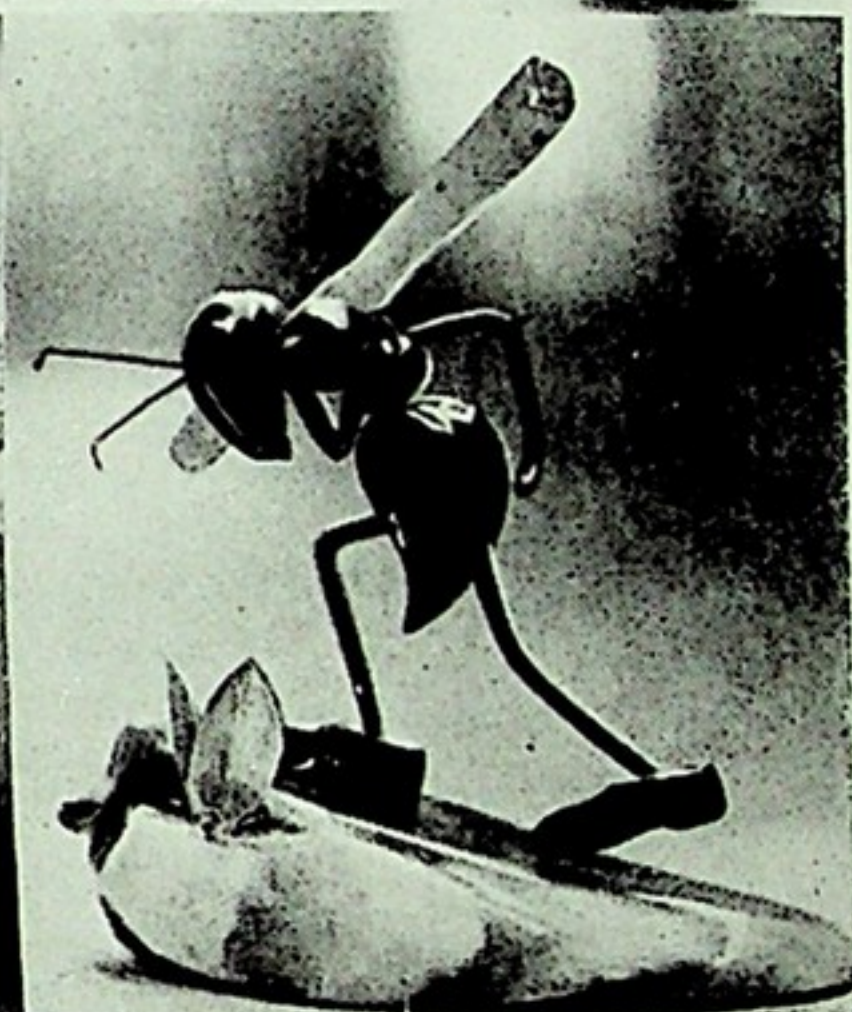
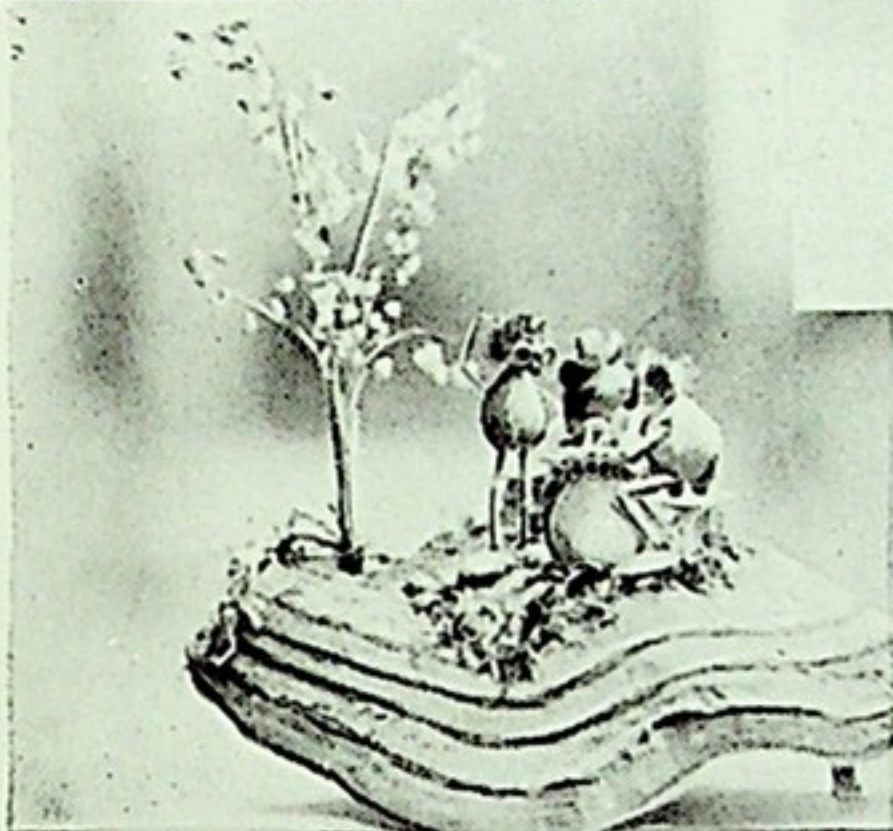
Мы хлопаем озябшими руками,
И весело сегодня нам одним.
Мы сыплем золотые блески смеха
Навстречу стуже,
Ветру,
Серебру,
Хотя пальто у нас с тобой без меха
И пальцы посинели на ветру...
И задыхаясь, мы шагаем в гору, --
На Элбакидзе так тяжел подъем!
Но уж зато в читалку в эту пору
Мы первыми с тобою попадем!
Вот только сторож!..
Он никак не хочет
Сестер упрямых пропустить в пальто.
И тоном назиданья он бормочет
Про воспитанье и, бог весть, про что...
Мы умоляем сторожа глазами,
Неужто он желает, -- говорим, --
Чтоб мы с сестрой «засыпали» экзамен,
Чтоб было плохо в мире нам одним?
Мы б не ходили в порванных галошах,
Когда б могли учебники купить,
И, словом, нас, несчастных и хороших,
Никак нельзя сейчас же не впустить.
По счастью, сердце человека трогать
Не только песне и струне дано...
И, упрекнув директора за строгость,
Старик ругает зиму заодно.
Махнув рукой, на лестницу
От двери
Отходит он,
И мы наверх бежим.
Мы спасены.
Мы счастливы, мы верим,
Что будет в мире хорошо не нам одним!
Грузинских слов весомостью до края
Наполнившись, усталые, встаем,
Обложку фолианта затворяя,
Как будто дверь в гостеприимный дом.
Сестра!
Как в те студенческие зимы,
По Элбакидзе бродят сквозняки,
А елям, как и встарь, невыносимы
Тяжелые пуховые платки.
Но все же наши разошлись дороги,
Забот семейных жизнь твоя полна.
А я...
Стою в читалке на пороге.
Не мы вдвоем стоим, а я одна.
И сторож посмотрел, как незнакомый,
Не понял, что грущу в родном дому,
Что нежность к горлу подступает комом,
Что часть большая нежности -- ему...

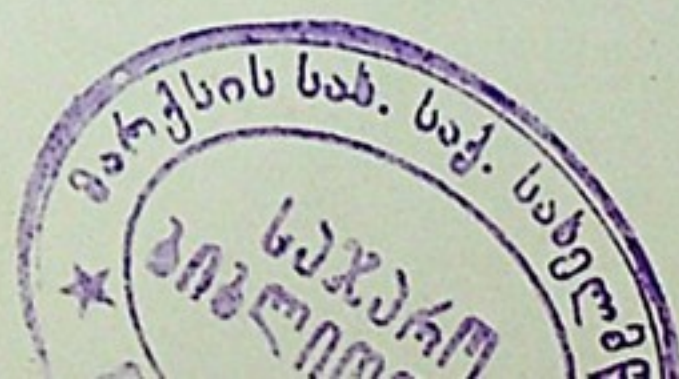

Миниатюры
Нелли Окропи-
ридзе вызвали
большой инте-
рес у посети-
телей выстав-
ки произведе-
ний молодых

художников Грузии. Используя для своих работ весьма необычный материал — желуди, мох и т. д., художница создает веселые и оригинальные композиции.

На нашей вклейке: «Продавец мацони», «Экзотические танцы только для туристов!», «Цейтнот», «Трудолюбивый муравей» и «Серенада».

О радость — разгадывать замыслы бурь
И в поле к ромашке припасть за ответом:
Считать лепестки, как читают судьбу
Во взгляде...

А вы — не встречали рассвета,
Вы вместе с любимым не ждали рассвета
У горного кряжа на снежном горбу?..

* * *

Перевод с грузинского Б. Окуджава

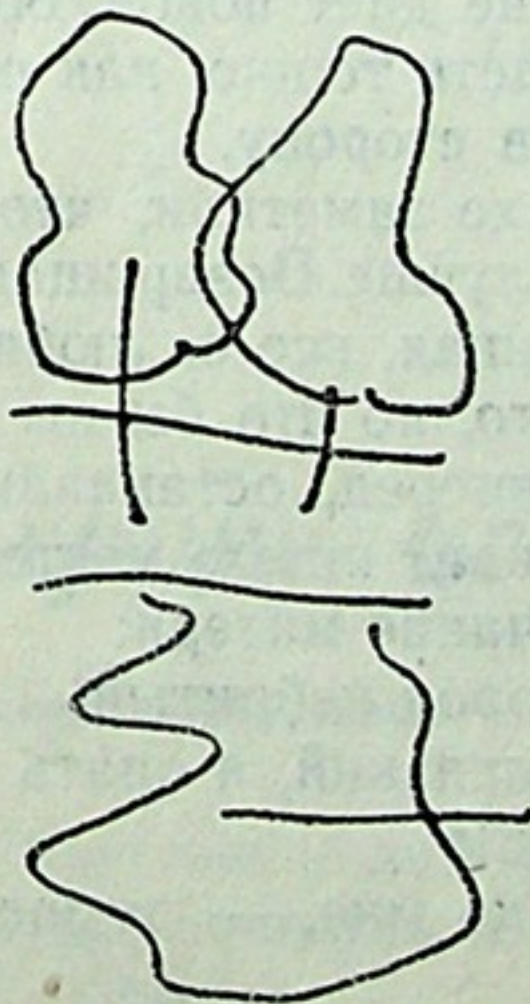
Ты знаешь, мама, отчего в глазах моих тревога?
Ты помнишь, мама: у воды задумалась ветла?
Прошел тот парень и в глаза мне глянул ненароком,
а мне почудилось: сгорю, сейчас сгорю дотла!
Дремали ветлы у воды. Ты помнишь их качанье?
Дремали ветлы. А кругом — ни звука, ни огня.
Лишь по проселку, через ночь,

хмельная и отчаянная,
неугомонных жерновов катилась болтовня.
В ту ночь мне было не до сна.

Не спалось мне, не спалось.
Бессоница над головой — попробуй отгони.
Сердцебиенья своего боялась я, боялась,
как перепуганный щегол боится западни.
...Вот мельница,

поток воды и хриплый говор слившая.
Другие парни там у жерновов стоят.
А ты о нем, о том, моем,

ты ничего не слышала,
мама моя?

Отия Иоселиани

Беги и строгий инженер

Из цикла „Девушки с автозавода“

Перевод с грузинского Д. Ормоцадзе

Беги стоит возле своего станка-автомата и исподлобья поглядывает вокруг. Он не любит, когда мешают работать. Ну, конечно! Опять эта инженерша, ни минуты не даст спокойно поработать! С начала смены вертится она возле станка Беги, глаз не спускает. Беги не прогульщик и не лодырь, — боже упаси! Но ведь с человеком все может случиться: задержишься где-нибудь, или отлучишься на минутку. А она, эта инженерша, лезет со своими замечаниями.

— Где гулял, Беги? — спрашивает с невинным видом.

— Станок остановился, Беги...

— Смажь автомат, Беги...

Целый день: «Беги», «Беги». Как будто он сам не знает, как надо работать! Ни за что ни про что людей на «Доске передовиков» не вывешивают. Сам директор автозавода с ним за руку здоровается, все им довольны. Самые сложные задания, самые трудные поручения выполняет он, Беги. Только этой инженерше ничем не угодишь. Прогудит гудок, не успеешь станок пустить, а она уже тут как тут. Делает вид, будто просто так прохаживается, но Беги знает: ухо надо держать востро.

Даже в столовой она не дает покоя, обязательно сядет за тот же столик, что и он. Беги глядеть тошно, как она, держа вилку и отставив мизинец, смотрит куда-то в сторону.

Должно быть, все в цехе заметили, что инженерша придирается к Беги. И после работы — не лучше. Возвращаются они одним автобусом. Инженерша молодая, красивая, все ее любят. В автобусе каждый с готовностью уступает ей место, но что бы вы думали? Она отказывается, с трудом проталкивается вперед, останавливается возле Беги и через секунду уже преспокойно сидит на его месте.

...А дома донимает ворчание матери:

— Беги, не выходи в город небритый!

— Беги, ты уже не маленький, а опять ухитрился разорвать брюки!

И опять: «Беги!», «Беги!»

«Что они привязались ко мне, — думает Беги, — там — инженер, здесь — мама...».

64796
В это время на другом конце города девушка-инженер, о которой с такой неприязнью думает Беги, хлопчет дома, носит воду, подметает полы. Она одна следит за всем хозяйством. Сбегает за хлебом, заглянет в магазин, купит все, что нужно. Вернувшись, замечает, что больная мать поднялась с постели и собирается мыть посуду.

— Сейчас же ложись, мама, — сердится дочь.

Больная не слушается: трудно человеку, привыкшему к труду, лежать без дела. Но снова слышится строгий голос девушки:

— Что я тебе сказала! Врач велел лежать без движения.

— Не могу я, дочка, руки к делу тянутся. Как же ты не можешь понять!

«Я не могу понять! — думает девушка. — Сами вы непонятливые, и ты, мама, и ...Беги».

* * *

Ночь. В небе мерцают звезды. На улицах города — огни фонарей. Не надолго тишину разрывает шум людских голосов: окончился спектакль в театре, окончились последние сеансы в кино. И снова тихо. Редко-редко проедет автомобиль или откуда-то издали донесется хриплый кашель ночного сторожа.

Беги не спит. Заложил руки под голову, уставился в потолок и думает:

«Чего она пристала ко мне, эта инженерша?»

А далеко, на другом конце города, не спит девушка. Она устала — завод, домашние хлопоты утомили ее, — но ей не спится. Она смотрит в темный пролет окна, перечеркнутый рамой, и думает:

«Неужели он так ничего и не поймет, этот Беги!»

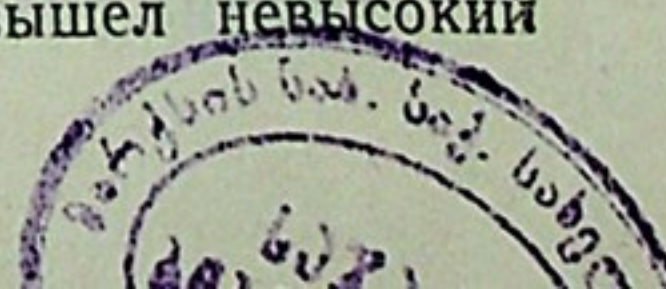
Алексей Гогуга

Негаснувший огонь

Перевод с абхазского

Зимний, холодный день. Морские волны разбиваются о зеленоватый бетон парапета. Словно прислушиваясь к их однообразному шуму, стоит на берегу белое здание райкома.

Из дубовых, тяжело распахнувшихся дверей вышел невысокий

человек — белолицый и полный. Он был без шапки, и его бритую голову обдало резким порывом морозного ветра. Из-под аккуратно сшитого пальто виднелись темный, тщательно выутюженный костюм и белая, как пена, рубашка.

Человек недоуменно посмотрел на шапку, которую держал в руках, потом, словно сообразив, для чего она предназначена, нахлобучил ее на голову...

Сегодня утром заведующий отделом сельского хозяйства райисполкома Шима Званба еще не успел сесть за стол в своем кабинете, как раздался телефонный звонок. Новый секретарь райкома попросил зайти к нему.

— Надо поехать в колхоз «Скалистый брод», — сказал секретарь, — там проводят собрание, посвященное севу.

Шима удивленно вскинул брови:

— Я прикреплен к другому колхозу, — сказал он.

— Знаю... Но ты, кажется, оттуда родом?

— Да, это моя деревня.

Секретарь вдруг улыбнулся:

— Так почему же не навестить родные места? Почему не потолковать со знакомыми? Своему человеку скажут больше, чем постороннему. А ведь там неблагополучно...

Довод был неожиданным и справедливым. Шима ничего не мог возразить, но ехать ему не хотелось. Растерянный и огорченный, он вышел из райкома и посмотрел в ту сторону, где у подножья громадин-гор приютилась его деревня. Оттуда равнодушно глядел Ерцаху в белом снежном башлыке. Как только не называют его в народе! Гордый Ерцаху! Седоголовый Ерцаху! Холодный, безжизненный, зимой и летом окованный льдами, возвышается он над солнечным побережьем. И море, огромное, трепещущее, безграничное простирается перед ним.

Ночами еще дуют ледяные ветры, а чуткие мимозы в городском парке уже чувствуют весну, будто притаившуюся в нестойком зимнем холодке. Нежным пухом покрылись голые ветки мимозы, провозвестницы весны, тонкий, еле уловимый аромат ее носился в воздухе. Недаром говорят в народе, что тот, кто ждет весну, слышит ее запах издали.

Сейчас все это не интересовало Шиму. Мысль о том, что ему надо ехать в свою деревню, угнетала его. Да еще такой трудный вопрос — сев! Он посмотрел на выстроившиеся перед зданием райкома машины. Среди них стояла голубая «Победа» председателя колхоза «Скалистый брод». Вот каждый раз так: если кто-нибудь из района собирается ехать в «Скалистый брод», то голубая «Победа» с утра уже дежурит у здания райкома. Шиму всегда это удивляло.

— Откуда они узнают? — раздраженно подумал он и зашагал к машине...

Оставив позади районный центр, «Победа» пошла по ухабистой дороге мимо низкорослых дубовых лесов, мимо полей, вспаханных под чай на белесых глинистых склонах.

Шима молча сидел на заднем сидении, вобрав голову в воротник. Шофер, поглядывая в зеркальце перед собой, видел его недовольное лицо.

Машина рванулась, Шима вздрогнул и, словно очнувшись, сказал:

041036740
2023.09.09 09:33

— Давай-ка, познакомимся. Меня зовут Шима Званба.

Водитель повернул голову. На Шиму с удивлением взглянули карие мальчишеские глаза.

— А меня зовут Расим, — ответил шофер.

Чуть заметная улыбка скользнула по его губам, и он отвернулся, вглядываясь в дорогу. Искусно огибая ухабы, юноша вел машину осторожно и плавно. Вскоре выехали на хорошую дорогу, и машина понеслась, со свистом рассекая воздух...

Расим... Это имя пробудило неожиданные воспоминания. Пятнадцать лет — время не малое. За этот срок голопузый ребенок превращается в мужчину, способного принять плуг в свои надежные руки. А ведь именно пятнадцать лет прошло с тех пор, как Шиму забрали из деревни в район. Теперь в его волосах уже появился иней седины...

Он не помнит родителей. Отца и мать ему заменили старший брат, человек суровый и упрямый, и соседка Такуна, добрая, работающая женщина. Окончив сельскую школу, Шима остался в колхозе. Здесь он вступил в партию, здесь со временем его избрали секретарем партбюро. Он считался способным работником, и никто особенно не удивился, когда его перевели в район. На первых порах он сидел в маленькой комнатке райисполкома, держал шершавыми, огрубевшими пальцами перо и перебирал бумаги. Ему не хватало воздуха, он часто выходил на балкон и смотрел на горы. Шиме почему-то все время казалось, что там, в колхозе, он был бы нужнее.

Неумолчные волны подкатывались к самому зданию, наполняя помещение глухим шуршащим шумом. Этот шум успокаивал, напоминая отдаленный гул горных водопадов.

Но Шима все же ценил то, что его заметили и перевели на работу в город. У себя в селении Шима смело вступал в спор не только с местными руководителями: он мог поспорить и с представителями районных властей, если считал, что они неправы. Шима хорошо знал свое дело, и потому у него всегда было что сказать.

В райисполком к Шиме сначала относились снисходительно, ласково журили за оплошности. «Уж лучше бы ругали», — думал он.

Он еще не настолько освоился с новым делом, чтобы чувствовать себя свободно и независимо. Конечно, выступать он может, но если его самого спросят — а ты как работаешь? Все недостатки изжил? Критиковать каждый умеет, а вот дело делать...

Но постепенно Шима стал разбираться в тонкостях административной работы, научился писать отчеты и делать доклады. Он мог без долгих сборов выехать в колхоз, проверить работу, толково и быстро провести собрание, дать верный совет, принять решительные меры.

Его мозолистые ладони стали мягкими, а легкая абхазская рубашка сменилась просторным удобным костюмом. Шима обзавелся семьей и немного обрюзг, но где-то в глубине его сознания все время жила приглушенная тревога — чего-то не хватает в его благополучной жизни. Но чего? Сознания того, что он, именно он, приносит на новом месте больше пользы, чем раньше? Он был простым сельским активистом, а теперь заведует сельскохозяйственным отделом райисполкома. Разве это плохо?

За прошедшие годы Шима побывал в родном селении раза два — три, да и то проездом. Ему тогда говорили, что колхозу нужен новый мост. Но дело это показалось Шиме не очень важным... Однако мысленно он часто возвращался в родные места, особенно когда приходи-

лось заполнять какую-нибудь анкету, подолгу задерживался на пункте о месте рождения и вспоминал ущелья, в которых охотился, поля, где рос и работал. Он думал о людях своего селения — далеких, но таких понятных и дорогих...

Мелькавшие за окнами машины перелески сменились мокрыми склонами и опустевшими полями.

— Расим! — позвал Шима. — Я ведь из твоего селения, ты, видно, жил на другом его конце. Дети, которые при мне грели у очага голые животы, сейчас уже свадьбы справляют! Но и твое лицо будто знакомо мне.

— Ничего удивительного, — на Шиму опять глянули внимательные мальчишеские глаза. — Я сын Даута, Даута Акаба...

Шима опешил: «Вот как?! Как же ты, Расим, вырос и возмужал. Если бы тебя мог видеть Даут, да будет покоен его вечный сон!..»

А вслух произнес:

— Как все это случилось, Расим?

— Его унесла река, — Расим говорил быстро и отрывисто. — Ночью заболела девочка. Срочно понадобился врач. Нужно было переправиться через реку. В обход не успеешь — девочка умрет. Стояла весна — в горах таял снег, река разлилась. Отец, как вы сами знаете, был очень решительным — не раз переходил реку в такое время. И он пошел. Брод скалистый, трудный. Кто знает, что случилось? Может быть, взбесившаяся река ударила его о камни. А может, сил не хватило. Через неделю, когда вода спала, на голых ветвях, вынесенных на отмель, нашли клочья его башлыка...

— А что, разве мост еще не построили? — осторожно спросил Шима.

— Раньше хоть обещали, что построят, а сейчас и вспоминать перестали.

— А что думает сельсовет?

— Сельсовет? Да он прислушивается лишь к тому, что говорит председатель нашего колхоза Миха. Это — мой хозяин, — пояснил Расим. Он говорил почти безразличным тоном, но при последних словах лицо его стало сердитым.

«Вот молодец! Какой смелый!» — подумал Шима и вспомнил, каким горячим в молодости был он сам.

Расим вдруг рассмеялся:

— Наши шутники называют председателя сельсовета тенью Михи... Посмотришь на них — так и есть: Миха большой, цветущий, а тот — тощий, бледный.

Колхоз «Скалистый брод» не считался в районе передовым, но Миха почему-то пользовался авторитетом и слыл опытным хозяйственником.

— Значит, народ Миху не любит? — спросил Шима.

— Не хотят, чтобы он оставался председателем. Давно уже людей перестал замечать.

— Почему же вы не заявите об этом?

— Пока ничего не выходит. Пытались, но безуспешно. Дело тонкое, разобраться надо. План выполняем. Посевы расширяем. А моста нет. Клуба — тоже. И читальни настоящей, больницы... Самое плохое, что Миха приучил людей во всем соглашаться с ним. Сделал их равнодушными. Со стороны как будто бы и нет особенных недостатков и ошибок. Но узнаешь Миху получше — удивишься: и как он оказался председателем?!

— Почему же он тебя шофером держит? Небось, знает, что ты против него.

— Конечно, знает. Я не раз на него жаловался. Да что толку — я же плохим оказался, а он по-прежнему хороший. Он знает, как поступать, что говорить. Теперь ждет удобного случая. Если случится авария — мне не сдобровать.

— Неважные у вас дела.

— Неважные. Теперь все только на тебя и налегают.

— Если я могу...

— Давно хотели пойти к тебе. Как никак — односельчанин, все поймешь. Да старики воспротивились. Дело трудное, хлопотное, зачем, говорят, Шиму беспокоить. Сами сначала попробуем. Если уж ничего не выйдет, тогда попросим его. Сейчас тебя там ждут.

— Если понадобится моя помощь, себя не пожалею, — сказал Шима и, словно не совсем был уверен в своих словах, повторил: — Себя не пожалею.

Должно быть, утром здесь прошел дождь. На дорогах стояли лужи. Еще косо светили солнечные лучи, еще пустовали поля, и ветер шуршал в прошлогодних шалашах сторожей, выдувая остатки золы давно погасших костров, но уже серые тучи, окутавшие зимой горы, дыша холодом, сползали к морю. Небо становилось иссиня-черным.

Машина, свернув с дороги, остановилась на крутом берегу у крытых драбую строений. Под навесом лежали кучи суперфосфата; неподалеку виднелся старый грузовик; у порога сарая, сбитого из тонких досок, стоял человек в широкой, потемневшей от дыма войлочной шапке и в серой шинели с обрезанными полами.

— День добрый, Баджга! — приветствовал его Расим.

— Добро пожаловать, дад.¹

¹ Д а д — ласковое обращение старшего к младшему.

— Не видел нашего руководства? — спросил Расим.

— Не видел, — хмуро ответил Баджга и недоуменно поглядел на Расима, словно желая спросить: что это за птица с тобой? Расим что-то шепнул, и Баджга повернулся к Шиме с доброй улыбкой на бледных губах.

— Рад тебя встретить, дад, — он пожал Шиме руку. — Что еще нужно нам, если наш земляк вышел в люди? Вот посмотри, как мы живем. У нас здесь и гараж, и мастерские, и склад. В общем — перевалочная база. Пока вот разгружаемся. А когда сойдет вода — начнем переправлять на ту сторону...

Поговорив с Баджгой, Шима и Расим пошли по берегу. Внизу змеилась река. На берега набегали мутные, пенистые волны. Река, узкая и холодная, как лезвие кинжала, разрубала дорогу надвое. Через поток был перекинут узкий, неустойчивый пешеходный мостик.

Расим указал на переправу:

— Вот какой у нас мост! Чудо техники!..

Шима ничего не ответил. Он отыскал глазами знакомый домик, окна которого хорошо были видны отсюда. Там живет Такуна...

...Где ты растеряла красоту свою, Такуна? Что погасило огонь в глазах твоих? Отчего дрожат колени твои? Что стало с густыми косами, от какого зноя выцвели они, какой мороз покрыл их инеем? Такуна, Такуна...

Шима сидит у родного очага в доме Такуны и печально смотрит на нее.

Вечером в клубе Расим при всех попросил Шиму прийти к ним домой:

— Когда мать узнала, что ты здесь, она не могла успокоиться. Сама хотела идти, но я ее отговорил. Обещал сам привести тебя.

Все заметили, что председателю Михе не по душе было это приглашение: мало ли что может наговорить старуха! Но Миха и вида не подал.

— Иди, Шима, — сказал он, — Такуна — старый человек, ее обижать нельзя...

Весь день Шима ходил с Михой и двумя бригадирами. И чем больше он видел, тем меньше ему хотелось спрашивать: а Миха, наоборот, становился все оживленней и разговорчивей.

Сначала Шима думал, что очень трудно и неудобно разбираться во всех делах колхоза. Подумают, что он свысока смотрит на дела своих односельчан. Но оказалось, что он хорошо все помнит, — нельзя же забыть землю, тяжесть которой ощущал собственными ладонями. Сейчас в колхозе готовили землю под чайные плантации. Все были заняты этим делом. Шима видел усталые, но оживленные молодые лица, видел стариков с их неторопливыми, точными движениями и всегда неутомимых деревенских женщин.

— Видите, кого я привел к вам? — смеялся Миха.

Люди окружили Шиму, крепко жали ему руку, говорили теплые, сердечные слова.

— Уйдем отсюда, — шептал Миха. — Если мы останемся, они до вечера будут глазеть на нас.

Перед собранием многие подходили к Шиме. Самые дочтенные люди говорили о положении дел в колхозе, обо всем, что их тревожит. А на собрании никто по-настоящему не выступил. Отдельвались общими, ничего не значащими словами.

Надо бы самому Шиме сказать, что он думает о Михе, да не так-то все просто: критиковать председателя легко, а вот решить, как жить колхозу дальше, — трудно. Да и имеет ли он право критиковать? Шима поймал напряженный, ожидающий взгляд Расима и подумал, что секретарь райкома все же оказался прав: именно ему, Шиме Званба, своему человеку в селении, хорошо видно, с какой тяжелой недоброжелательностью люди молча смотрят на угрюмого Миху. Он сидел у стола, мрачно насупившись, своим видом будто бы предостерегая каждого: «Смотри, не скажи лишнего. Человек из района уедет, а я останусь...»

Да, Шима может выступить, высказать все начистоту и потом уехать.

А что будет потом? Все собрание Шима колебался, не зная, как ему поступить. Он заметил, что Расим, посмотрев на него с горечью и укором, встал и вышел из зала, в сердцах хлопнув дверью...

Поздно вечером Шима пошел к Такуне...

Они сидели молча. Такуне давно уже хочется заговорить, но она боится отвлечь гостя от его тяжелых, трудных раздумий.

Глаза у Такуны усталые, печальные, а руки — скрюченные и темные.

— Не забыл, нан¹, огонь моего очага, — тихо начинает она. — Это хорошо. И дай бог, чтобы никогда не остыла душа твоя.

В очаге жарко пылают сухие буковые поленья. Шима глядит на огонь и думает о Такуне. Совсем молоденькой она вышла замуж за Даута Акаба. Через месяц после свадьбы молодожены закончили постройку дома. Такуна раздула угли, вспыхнуло веселое пламя, и легкими завитками поднялся дымок. И с тех пор Такуна никогда не гасила огонь в своем очаге. Об этом знала вся округа. Никто не спрашивал, зачем она это делает, какой в этом смысл. Но про нее так и говорили: «та, которая никогда не тушит огонь». И каждый мог обогреться у ее очага.

Росли дети, взрослые старели, волосы — и черные, и рыжие — становились белыми. А огонь Такуны горел все тем же багрово-желтым пламенем. В темные ночи, в ненастье и непогоду люди видели свет, который манил к себе, обещая уют и тепло. Такуна стерегла огонь, как зеницу ока. Ложась спать, она присыпала его золой и каждое утро сгребала ее, обнажая угли, дышащие жаром.

Шима вырос в доме Даута и Такуны. От нее он впервые услышал слово «нан». Когда брат уходил работать или на охоту, Шима, продрогший от холода и сырости, прибегал сюда — здесь было сухо, тепло и надежно.

Словно отвечая на мысли Шимы, Такуна сказала:

— Миха, видно, забыл обо мне и о моем очаге... Когда-то он был молодым председателем и ему было трудно. Он приходил к мужу за советом и помощью. Я заботилась о нем, как о своем сыне. Сейчас он даже не проведаст меня, не спросит, как я живу. Мне хотелось бы повидать Миху, но колени мои подкашиваются, да и разум противится. Если в сердце нет огня, человек перестает любить людей. И ничем уже не зажечь такое сердце.

Шиме стало больно, будто бы все эти слова относились не к Михе, а к нему.

¹ Н а н — форма ласкового обращения.

В это время Такуна встала, ковыляя, подошла к двери, открыла ее и прислушалась.

— Нет, не идет... Что же задержало моего Расима? — лицо Такуны стало озабоченным.

Шиме стало еще тяжелей: он-то знал, что Расим не идет, чтобы с ним не встречаться... Что ж, мальчик прав.

— Нан, мой Шима, говорят, что ты приехал наши дела уладить. Это правда?

Шима хотел промолчать, но понял, что молчание огорчит старуху:

— Да, я постараюсь что-нибудь сделать.

— Нан, разве мы не понимаем? У тебя столько дел, ты заботишься не только о нашем колхозе! Но я знаю, раз ты приехал, значит, ты сможешь, — уверенно сказала Такуна. — Ты всегда был честным и ничего не боялся... Говорят, что новый секретарь райкома — тоже очень хороший человек.

Шиме стало неловко: в него верят. А не послал бы его сюда секретарь райкома, может быть, Шима и не вспомнил бы о родном колхозе. Конечно, его поддержат в райкоме. Колхозу нужен не только мост! Здесь нужен новый председатель — человек, любящий работу и людей.

Неожиданно во дворе сперва залаяла, а потом ласково заворчала собака.

— Расим пришел! — обрадовалась Такуна. — Он совсем ребенок: придумал чинить машину, когда у нас такой гость в доме!

Шиму уложили в просторной комнате, возле самого очага. За окном свирепствовала стужа. Ветер бил в дощатые стены дома и с воем шарахался в сторону. Дрожали и скрипели ставни на окнах. Но Шима сразу уснул. Не то от выпитого с Расимом вина, не то от усталости.

Разбудил его холод. Привыкший к теплу городской квартиры, Шима продрог. Он посмотрел на поленья, тлеющие в очаге. Тепла они давали мало. Закутавшись в одеяло, Шима встал и открыл ставни. В комнату ворвался морозный обжигающий воздух. Бледная полная луна смотрела сквозь большие ветви ореха. Холодно мерцали редкие звезды. Снег, выпавший перед рассветом, тонким искрящимся покровом лег на землю и на деревья. Шима начал быстро одеваться.

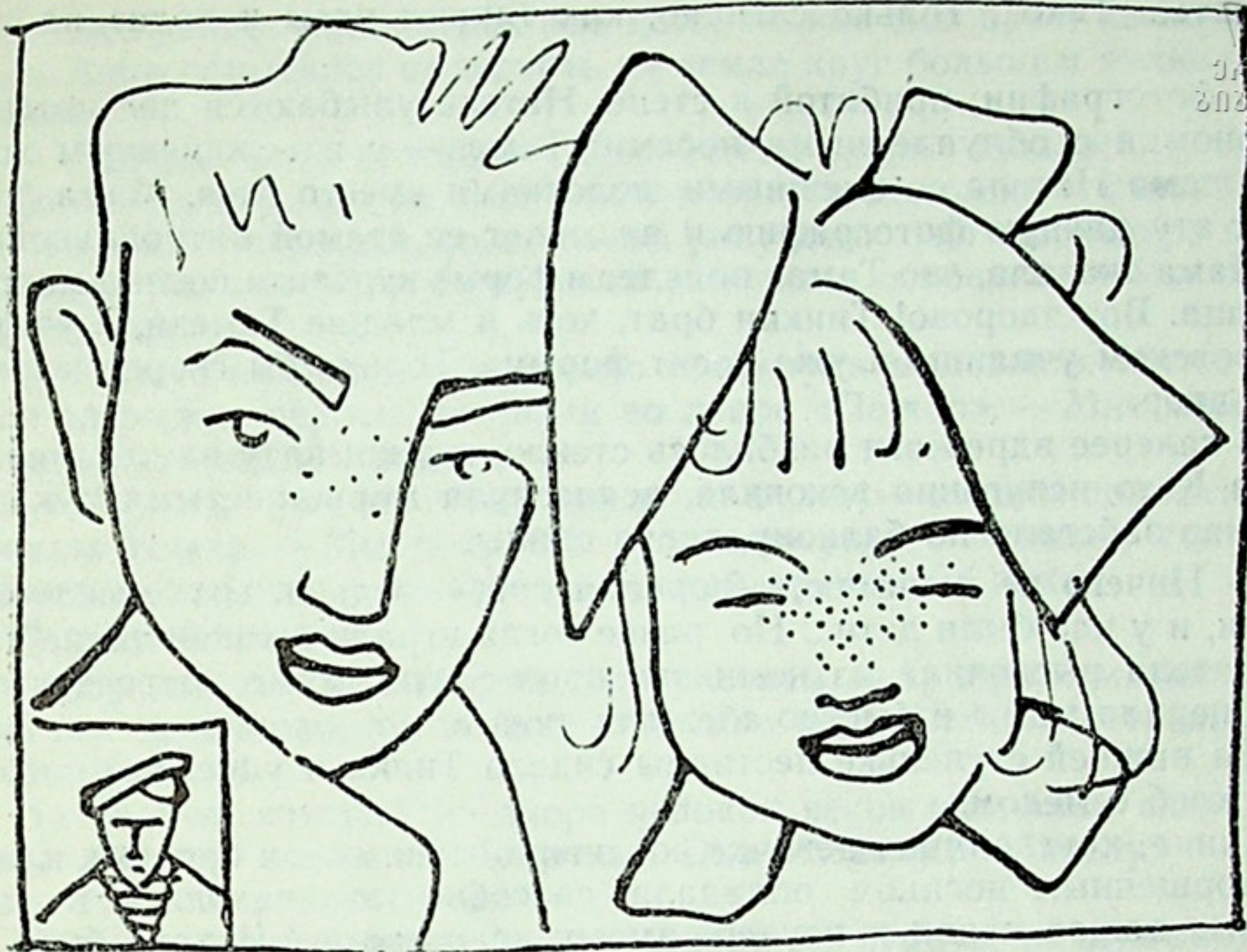
— Что делать? — Размышлял он. — Уйти, не разбудив их? Ну, конечно! Лучше не видеть этих взглядов, не слышать слов надежды и доверия. Так лучше.

И вдруг тоскливо заняло сердце. Можно уехать, забыть о мосте, о Михе, — но разве сбежишь от себя самого? Ведь дело не только в том, что он нужен этим людям, но и сам он чувствовал, что его место — здесь.

Нужно сейчас же поехать и сказать. Не надо больше раздумывать...

Через час Шима был уже на той стороне реки. Он не обернулся, не окинул долгим прощальным взглядом спящее селение, где в предутренних морозных сумерках светился негаснущий огонь в доме Такуны. Ведь оборачиваются только те, кто уезжает надолго...

Кора Церетели

Старший брат

Рис. Э. Мосева.

Толкнув ногой дверь, Натела влетела в галерею и, чуть не сбив с ног мать, протянула ей листок бумаги.

— Телеграмма... телеграмма! Вот... Сейчас девять часов, значит, ровно через три часа приезжает Тамаз, — сказала она, задыхаясь.

Мать торопливо взяла у нее телеграмму, прочла, радостно вздохнула. Бабушка охнула, выпустила из рук вязание и запричитала:

— Комнаты не убраны, посуда со вчерашнего дня на кухне, чехлы не глажены, все в доме вверх ногами. За целый день не могут квартиру убрать, а я в свое время со всем справлялась... — потом сняла очки и стала судорожно искать около себя в кресле платок.

Мать пошла на кухню, но по дороге успела предостерегающе крикнуть Нателе:

— Ни шагу с балкона! Слышишь?! Посмотри, на что ты похожа.

Натела досадливо покосилась на дверь. Вот так да! Стоило нестись домой, сломя голову. Теперь ребята во дворе до самого обеда так и не узнают новости. Она пошла к себе в комнату, постояла там немного, потом вытерла пальцем пыль с письменного стола и зашагала из угла в угол, как это всегда делал папа, когда его что-нибудь беспокоило. Остановилась перед резными старинными часами. Большая стрелка движется особенно медленно, когда на нее смотришь. Вот прошло пять минут,

еще пять... Тихо... Только слышно, как тикают часы и ходит на кухне мама.

С фотографии, прибитой к стене, Нателе улыбаются две потешные физиономии с облупленными носами: Тамаз — с взъерошенным хохолком и сама Натела со смешными щелочками вместо глаз. Мама очень любит эту дачную фотографию и называет ее «самой натуральной».

Мама сказала, что Тамаз приедет в форме курсанта военно-морского училища. Вот здорово! Тинкин брат, хоть и младше Тамаза, а учится в Суворовском училище и уже носит форму... Только бы скорее вырваться во двор.

В галерее вдребезги разбилось стекло, и в комнату влетел мяч. Бабушка Кето испуганно вскочила, всплеснула морщинистыми руками и суетливо забегала по балкону, теряя спицы.

— Ничего не понимаю, — ворчала она, — ведь и мы тоже были детьми, и у нас были дети... Но разве тогда играли в такие дикие игры?

Натела выскочила из комнаты, пронеслась мимо перегнувшейся через перила мамы и быстро сбежала вниз.

На нижней ступеньке лестницы сидела Тинка и уписывала за обе щеки хлеб с медом.

Тинка, круглолицая девочка со вздернутыми вверх бровями и смешно сморщенным носиком обладала способностью находить в самых обычных вещах повод к неудержимому хвастовству. И хотя было еще совсем рано, она уже успела обойти весь двор, показывая соседским ребятам два зуба, бережно завернутых в вату.

— А вот, у меня что есть, — сказала она нараспев. — Посмотри.

Натела постаралась сделать как можно более равнодушное лицо и небрежно заглянула в ладошку Тинки.

— Небось орала, когда их выдирали! — презрительно сказала она. — Сегодня приезжает Тамаз в форме курсанта! — Натела щелкнула пальцами под самым носом Тинки, потом круто повернулась на каблуках и пошла во двор строевым шагом.

— А я завтра еду на дачу, — растерянно прошепелявила Тинка, но Натела была уже далеко.

Ребята обрадовались новости. Они любили Тамаза. Он помогал младшим ребятам готовиться к «дворовым карнавалам», охотно принимал участие в загородных походах, а прошлым летом так натренировал вихрастого толстощекого Валико, что тот прослыл «непробиваемым» вратарем.

— Вот он и поведет нас завтра на озеро, — обрадовался долговязый Нодар, который только что предложил ребятам отправиться в очередную вылазку за город. Оставалось лишь решить, кого из старших упросить пойти с ними.

— А что? Конечно, поведет, — обрадовалась Натела. — И он приезжает в форме такой, как у моряков, у офицеров, это мне папа сказал. И на боку у него будет настоящий кортик.

— Ишь ты, — восхищенно произнес Нодар и стал внимательно рассматривать пальцы босой ноги.

— И по вечерам будет нам рассказывать самые удивительные истории.. — вдохновляясь молчаливым восхищением своих друзей, продолжала Натела. — Такие страшные, что всех домой по одному провожать придется...

Маленький, смуглый Алик проглотил слюну и вдруг сказал хриплым голосом:

— Все равно, таких страшных историй, как мой брат, никто не знает, — и Алик попытался вычертить на земле круг большим пальцем правой ноги.

— Завтра будет дождь, — скептически заявил Нодар.

То ли потому, что он был не по возрасту долговяз и считал себя старше своих товарищей, то ли такой уж у него был характер, но Нодар всегда разговаривал с ребятами свысока и особенно любил подразнить девочек.

— Ничего не будет, — плаксиво протянула маленькая Наташа, которую за рыжие волосы прозвали во дворе «Пожар». — Мне мама завтра разрешит пойти с вами.

— Ну тогда уж, конечно, дождя не будет, — ехидно подмигнул товарищам Нодар. — Мы попросим там, наверху: солнышко, солнышко, выгляни в окошечко — Наташа в первый раз идет в поход.

Все засмеялись.

— Ну что же, не сахарные, не растаем, — храбро сказал Алик, когда все замолчали, но по лицу его было видно, что он встревожен не меньше Наташи.

На балкон, который во дворе испокон веков называли «верандой», вышла девушка в зеленом халатике. Она окликнула Нателу:

— Натела, поди-ка сюда!

Натела нехотя повернулась, постояла секунду, раздумывая над чем-то, потом медленно пошла к балкону. Девушка перегнулась через перила и шепотом спросила:

— Скажи, правда сегодня приезжает Тамаз?

Натела молча кивнула и так же спокойно вернулась к лестнице.

Всего год Ниночка жила в их доме. Она училась на первом курсе консерватории, и все говорили, что у нее хороший голос. Самый старый и самый почетный жилец дома Альсан Альсаных, поглаживая седые, пушистые усы, говорил:

— Из этой девчонки получится толк...

В последнее время соседи часто говорили о Ниночке, и тогда Натела пожимала плечами и называла ее «воображалой». Ей говорили, что она неправда.

— Ну, не «воображала», так кривляка, — решительно заявляла Натела.

Может быть, эту неприязнь пробудил в Нателе старый почтальон дядя Федя.

В один из погожих весенних дней, когда во дворе шло ожесточенное сражение в «классы», вошел дядя Федя. Натела подбежала к нему и увидела среди других писем конверт, надписанный знакомым почерком. Она выхватила его и поскакала к лестнице.

— Стоп, егоза! — остановил ее дядя Федя. — Здесь ведь черным по белому написано: Нине Майсурадзе. А вам писем нет.

Натела сердито сунула письмо в сумку почтальона и вернулась к девочкам. Но играть ей уже не хотелось. Она стерла носком туфли одну линию, потом другую и, не обращая ни малейшего внимания на возмущение подруг, лениво пошла к дому. На лестнице Натела остановилась и показала язык голубому балкону и его обитательнице.

...Наконец, Тамаз приехал. В доме запахло горячими хачапури, мама надела новое белое платье с голубыми цветами, а во дворе шел нескончаемый спор о том, кто первый заметил в воротах высокого, возмужалого Тамаза.

Минут через двадцать прибежал с работы папа. Он несколько раз порывисто обнял сына, а потом пошел на кухню смотреть, что готовят к обеду, причем все время натыкался на Нателу и просил ее не лезть под ноги. Потом все сели за стол, и бабушка стала разливать суп по тарелкам. Тамаза усадили напротив Нателы, между мамой и папой. Широкоплечий и высокий, он теперь казался самым большим за столом, даже больше папы, который был сегодня непривычно суетлив и растерян. Тамаз спокойно улыбался, ласково поглядывал на всех, чувствуя себя

виновником торжества, а Натела нетерпеливо ерзала на стуле, ожидая, пока ей дадут возможность вставить словечко.

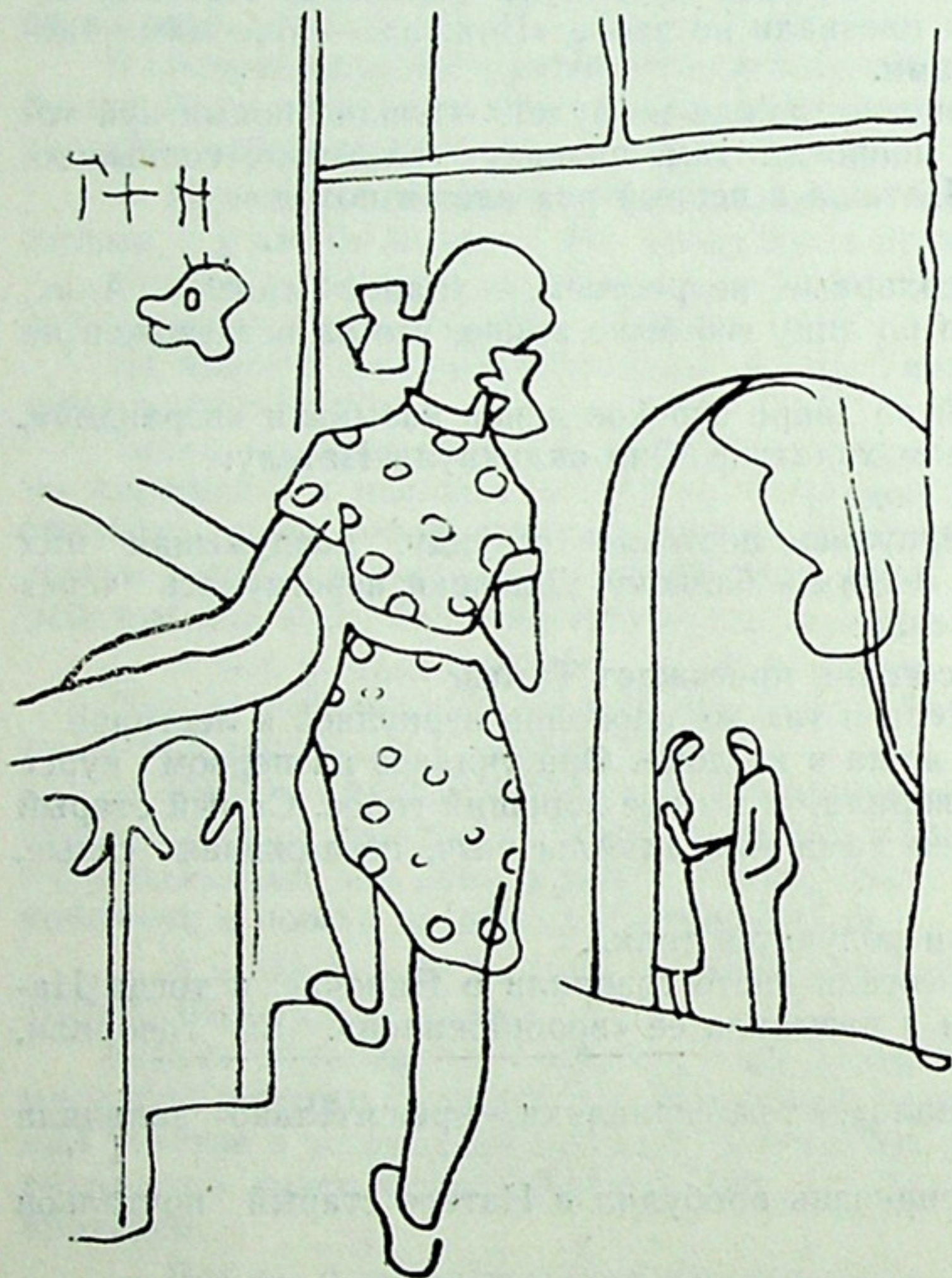
Папа засыпал Тамаза вопросами, потом, спохватившись, говорил:

— Ну, ладно, об этом потом... Кушай, кушай, Тамаз.

Через минуту снова начинал спрашивать.

— Что с тобой, Мито? Мальчик проголодался в дороге. Дай ему сначала поесть, — сердилась мама.

А Натела все ждала, когда ей дадут возможность заговорить. Но так и не дождалась. Она обещала своим товарищам, что после обеда Тамаз спустится к

ним во двор. Но брата сразу же отправили отдыхать.

Натела с досадой отметила про себя: мама не обратила ни малейшего внимания на то, что она не прикоснулась к сациви, а Тамазу, когда он вставал из-за стола, насильно сунула в рот кусочек чурчхелы.

Но обижаться было некогда, и Натела, уловив минуту, когда Тамаз направился из умывальной в спальню, дернула его за рукав:

— А во двор? Ты что, не пойдешь во двор?

— Во двор? — удивленно переспросил Тамаз. Потом подумал и, выглянув из-за мохнатого полотенца, виновато посмотрел на сестру.

— Ах, да, я тебе обещал... Ну, ладно, только сначала выплюсь.

Натела хотела было что-то сказать, но подошла мама и увела Тамаза. Она все время ходила за ним по пятам с таким озабоченным видом, будто Тамаз только-только научился ходить — и она боится, чтобы он не упал.

Наконец, виновник семейного переполоха улегся. Все стали ходить на цыпочках. А Натела снова выскочила во двор.

Здесь все были увлечены очередным футбольным матчем с «проходными» — ребятами из соседнего проходного двора. Кто постарше — принимал участие в игре. Младшие «болели», устроившись на крутой деревянной лестнице.

Натела тоже села на ступеньку и стала с увлечением следить за игрой.

— Смотри, а вот и Тамаз! — толкнул Нателу Алик.

Тамаз быстро спускался по железной винтовой лестнице. Белая, свежесвыглаженная рубашка плотно облегла ладную фигуру, в руках он держал какие-то книги. И, удивительное дело, — он так быстро спускался по лестнице, так торопился, что даже не взглянул на разгоряченных футболистов.

— Куда это он? — удивленно протянула Натела.

Уже под самым голубым балконом Тамаз оглянулся и заметил, что ребята выжидающе глядят на него. Он на минуту остановился, посмотрел в их сторону, потом смущенно улыбнулся, помахал рукой и стал подниматься по лестнице быстро, не оглядываясь.

— Некоторые рассказывали тут разные интересные вещи, — презрительно произнес Нодар и покосился на Нателу, — например, о чудесной морской форме, в которой ходит ее брат, — и он загнул один палец. — И которую мы сегодня же увидим. — Он загнул другой палец. — О страшных историях, которые мы услышим. — Нодар загнул третий палец.

Тряхнув отрастающим чубом, он убежал к футболистам.

Наступили сумерки. Игры во дворе утихли.

«Пора домой», — подумала Натела, и тут заметила, как из подъезда дома торопливо выбежала девушка. Что-то в ее фигуре показалось Нателе знакомым. Это была Нина. За ней шагнул из тени подъезда Тамаз. Пройдя еще шага два, девушка остановилась и подождала Тамаза. Он догнал ее как раз под фонарем. Потом они медленно пошли по тротуару так, будто кроме них на улице никого не было, заглядывая в глаза друг другу и держась за руки.

Если смотреть на ночник с красным абажуром, зажмурившись, он кажется заходящим солнцем, какое Натела видела в прошлом году на Черном море. А если сильнее смежить веки, то видны и пальмы на берегу.

Часы хрипло пробили двенадцать. Скрипнул паркет. «Это, Тамаз, наверное», — решила Натела.

— Спи, моя маленькая, — слышит она шепот мамы над самым ухом.

Красный абажур и ночные тени. Все мигом становится на свое место.

«Значит, Тамаз не пришел еще, — думает Натела. — Может, сказать маме, что он ушел с Ниночкой?»

Задрожали ресницы. Нет, лучше помолчать. Пусть скажет сам, если захочет...

И Нателе снова видятся высокие пальмы, качающие листьями вслед заходящему солнцу.

Елена Николаевская

Стихи о Грузии

В САМАДЛО

Небосвод предвечерний —
Как фазанье перо,
Только тронута чернью
Облаков серебро.

То шарахаясь в стороны,
То застыв на ходу,
Кружат черные вороны,
Предвещая беду.
За отрогами дальними
Вижу — камни горят:
Это башни сигнальные
Зажигает закат.
В вечереющей ясности
Полыхают огни,
О грозящей опасности
Говорят нам они...

Но беды не случится:
Эти вороны черные
Просто-напросто птицы,
Просто жители горные.
И сигнальные башни,
Что окрасил закат,
Нам о страхах вчерашних,
О минувших твердят.

А сегодня я в ласковом,
В благодатном краю
Перед теплыми красками
В восхищенье стою.
Над зелеными чашами,
Меж скалистых плато —

Приношу глубочайшую
Благодарность за то,
Что хребты в озарении,
Что на сердце светло,
Место благодарения —
Самадло, Самадло!..

* * *

Здесь дом стоял.
Его не сыщешь ныне:
Нет ни доски, ни камня —
Ни следа.
Кондари пахнет горькою полынью,
Ушла со склона в глубь земли вода.

Земля седая
Пропиталась солью,
Орех столетний высох от тоски.
Лишь от плетня оставшиеся колья
Пустили вдруг зеленые ростки.

Пускай растут!
Пусть ветками акаций
Зовут людей,
Взбираясь на откос, —
И кто-нибудь отточит, может статься,
Ось для арбы
И колышки для лоз.

И вновь лоза нальется сладким соком,
И вновь арба боченки повезет...
И то вино подняв,
В краю далеком
Тост
В память деда
Внук произнесет.

Коррадо Альваро

Случай из хроники

РАССКАЗ

Перевод с итальянского Г. Брейтбурда

Пусть мне встретится что-нибудь, чего не видели другие. Завтра же напишу об этом в своей газете. Все мимо прошли — один я заметил. А совместные визиты журналистов мне не по душе. Все видят одно и то же, и через день читаешь в газетах похожие друг на друга сочинения. А уж эти посещения бедняков... Мы-то что можем сделать?! Ну, напишешь, а дальше что? Люди прочтут, словно забавный рассказ, а на остальное им наплевать. В обществе, где нет солидарности между людьми, газеты могут лишь поощрять бессердечность.

— Смотри, да они не так уж плохо живут. Спальня почти новая, а вот и столовая, — шепчет мне на ухо мой коллега Бруска.

— Это память о тех временах, когда им жилось неплохо, — подсказывает Симеони, отвлекшись на минуту от своих философских размышлений.

— Где вы жили прежде? — спрашивает Бруска.

Кто-то отвечает: жили в самом центре, занимались ремеслом. Но там решили проложить большую новую улицу, и старые дома подлежали сносу. Тогда их выселили.

Отвечают женщины. Слушать нужно терпеливо: они хотят поведать все свои горести. Хотят, чтоб мы посетили их жилище. Заметив, что журналисты не решаются войти, они прибегают к угрозам.

— Везде одно и то же, — говорят репортеры, напуская на себя ученый вид, как врачи, когда ставят диагноз. Придется заглянуть во все бараки: женщины похожи на больных, которые сами стремятся показать свои язвы.

— Хватит с нас и одного барака. Всюду одно и то же.

Это услышали женщины, и тогда поднялся шум. Они стоят у дверей, поджидая, когда к ним зайдут. Кажется, сейчас здесь вспыхнет бунт. Как будто журналисты повинны в их нищете. Как будто истинные виновники прячутся за нашими спинами, и их видят лишь возбужденные глаза этих женщин.

Им никогда не надоест ждать и надеяться. Кто только здесь не

неревывал, кого они здесь не видели! Газеты сделали модным интерес к этой нищете. Но ведь до сих пор ничего не изменилось.

Да, конечно, конечно. Я напишу об этой несчастной матери. На руках у нее ребенок, укутанный в тряпье. Ребенок болен трахомой. Женщина вынесла ребенка, чтоб мы его видели. Здесь, в грязи, произвела на свет она свой плод. А ведь сама она, должно быть, была когда-то красивой.

Однообразно продолжается осмотр. Потолки бараков протекают. Моросит мелкий дождь. Грязь, перемешанная с человеческими отбросами, издает отвратительное зловоние. По-настоящему дождь чувствуешь лишь внутри этих жилищ. С потолка прямо на кровать упорно стекает струйка воды.

— Разве нельзя перенести постель? — с невозмутимым видом спрашивает полный репортер в широкополой фетровой шляпе. Женщина без злорадства показывает ему, что потолок протекает повсюду: в нем трещина. Кажется, она даже гордится этим, считает трещину своим преимуществом. Но вот в дверях стоит другая и говорит:

— Потом ко мне зайдите. Я вам покажу кое-что похлеще!

В ее облике смутно ощущаешь что-то недозволенное, незаконное. Почти все женщины обращаются к самому полному из посетителей — журналисту в широкополой шляпе, который кажется им самым важным. Улучив минуту, когда, по его мнению, женщины не слышат, он говорит, обращаясь к своим коллегам:

— Господа, мы должны поскорей все осмотреть и отправиться писать свои статьи. Приходить сюда еще раз — бессмысленно. Здесь ничего не изменится, все по-прежнему будет валяться в грязи. Если кто-нибудь сюда сунется, чтоб потом проверить результат, его линчуют на месте.

Похоже на то, что уже началось что-то вроде бунта... Разнесся слух, что журналисты не хотят осматривать все бараки, и сюда с нападка-ми и угрозами пришли женщины, живущие чуть поодаль, там, где прорвалась канализация. Одна из них избрала несколько двусмысленную форму протеста. Подмаргивает нам с какой-то ужимкой, словно хочет скрыть, что ей так плохо живется, показать, что ей наплевать на все. Она смотрит на Симеони, улыбается ему уголком рта. Нет, это не тот взгляд, который женщина бросает на мужчину. Даже на врага смотрят по-иному. Так глядит на своего хозяина лишь побитый пес.

— Новая улица мне всегда будет напоминать об их страданиях, — говорит какой-то новоиспеченный репортер.

Прежде все эти люди жили в центре. В самом водовороте старого города были у них свои связи, свои клиенты. Стоит разрушить перенаселенный район старого города, переселить их в маленькие домишки окраин, — и все они станут помирать с голоду. Им не прожить без взаимных услуг, одолжений, без постоянного обмена, без тех бесчисленных уловок и уверток, без тех неопределенных занятий, к которым люди прибегают, когда их слишком много. Симеони хотел было развить эту мысль в своей газете. Но потом решил, что не стоит. Его могли обвинить в поддержке эксплуататорского общества. Не исключена и похвала главного редактора, а уж ее-то он хотел избежать во что бы то ни стало.

— Стоит покончить со всеми незаконными промыслами — и три четверти наших горожан превратятся в оборванцев. Почему кажется, что деревня бедней города? Потому что в деревне есть взаимный контроль. Там каждый знает, чем живет сосед. Да, мой редактор, конечно,

был бы доволен такой статьей. Порой он и сам не прочь пофилософствовать, даже сострить, только это у него не выходит. Бедняга, ^{его статьи} полны цитат из книг, написанных полвека тому назад.

Бруска подошел к Симеони и сказал на ухо:

— Мы хотели пройти в эту дверь, но вышла женщина и попросила зайти попозже. Сейчас она занята, не одета.

Да, об этом стоит написать в своей газете. Написать о том, как часто мы, журналисты, вторгаемся в чью-то личную жизнь. Ведь тайна — понятие почти священное. Его встречаешь повсюду, у бедняков и богачей, в хижинах и дворцах. Перед тайной все равны, как перед смертью. Хотелось бы об этом написать. Впрочем, заведующий отделом хроники и без того советует, чтоб я поменьше увлекался литературой.

— Она красивая?

— Здесь нет красивых. Здесь слишком много нищеты. Конечно, она была б красивой, если..

Отличительное свойство Симеони состоит в его умении поддаваться чувству. Слезы подступают к нему неожиданно, и тогда он садится за «чувствительные» статьи. Эти статьи нравятся, и кое-кто из отзывчивых читателей даже шлет ему письма.

Какая-то женщина внезапно схватила его за плечи и подтолкнула к своему жилищу. Она глядела на него так, словно приберегла ему самый лакомый кусочек.

— Того, что у меня, нигде не увидите.

На постели, под зонтом, который укрывал от стекавшей с потолка воды, лежало двое детей. Взгляд Симеони скользнул по голым ножкам девочки, которая прикурнула рядом со своим братом. Стройные, красивые ноги. Женщина показывала, до какого уровня затопило их комнату на днях, когда прорвалась канализация. Нечистоты залили все на двадцать сантиметров. Под ножки стульев, кровати, комода пришлось подложить груды кирпичей. Теперь в этой комнате все, как на ходулях. Со стороны могло показаться, что кто-то решил пошутить. Когда Симеон увидел на стене раздувшуюся от сырости фотографию девочки, с лицом, напоминавшим утопленницу, комок подступил у него к горлу, и он отвел взгляд. Вот почему здесь так много преступлений. Только и красоты в доме — что голые ножки девочки под зонтом. Природа создала нас хорошими. Это мы сами... Много ли нужно, чтоб стать преступником, когда живешь вот так...

— А знаешь, здесь все дороже, чем в богатых кварталах.

— Всегда так бывает. В бедных деревнях жизнь очень дорога. — Симеони, слушая, о чем говорили вокруг, внезапно испытал сильное волнение. Его взволновало увиденное. Он думал о своих коллегах. Самые разные люди. Некоторые — с образованием, другие почти нигде не учились. Но всех чему-то учила жизнь. На лицах готовность ко всему, как у велосипедных гонщиков или у умных лошадей. То, о чем они сейчас говорили, так просто и правильно не сказать ни историкам, ни социологам. Один репортер, низенький и смуглый, добавил.

— Когда мы подходили к лавке, там прятали ценники.

Этот репортер всегда был элегантно одет. И все обращали внимание на какой-то странный контраст между его деревенским лицом и сшитым по последней моде коротким пиджаком на трех пуговицах. Впрочем, этот пиджак портной сшил ему в рассрочку.

Вблизи слышался разноголосый гомон школьников, шлепавших ногами по грязи. Дети несли в руках солдатские котелки, которые звякивали на ходу. Репортеры остановились. Но Симеони, ведомый ка-

ким-то присущим ему собачьим нюхом, свернул за угол, словно движимый предчувствием. Перед ним мелькнуло что-то, похожее на вопрос, на который нельзя не ответить, на начало рассказа, которое требует продолжения, на первые слова речи, которая должна взволновать. Впереди показался человек, одетый совсем необычно для этих мест и для этого часа. Человек в двубортном синем костюме, человек с крахмальным воротничком. В руках у него была трость, на голове широкополая серая шляпа. Он шел, не оглядываясь, не ускоряя шаг. Но он спешит, это заметно, стоит только взглянуть, как подрагивают его плечи. Симеони понял — он не ошибся: этот человек бежал. Тогда Симеони ускорил шаг, уверенный, что найдет продолжение рассказа. Вскоре он очутился перед открытой дверью, ведущей в полуподвальное помещение.

Там, в подвале, была девочка. Возраст нищих определить нелегко, но на вид ей не больше двенадцати. Она неподвижно стояла посреди комнаты; даже не обернулась, когда услышала, что кто-то подошел к двери. Стояла она на одной ноге, засунутой в большую, не по росту, туфлю. Другую ногу, босую, приподняла. Стояла так, словно ей больно, словно она утратила чувство тяжести собственного тела. Кто-то взмесил грязь на полу. По углам в беспорядке валялись лохмотья, по стенам шли пятна от влаги, большую кровать залило водой, а постель на ней походила на отсыревшие куски грязного гипса в мастерской скульптора. На кровати неподвижно лежал мальчик в длинном мужском пиджаке. В комнате был и стул, одной рукой девочка опиралась об его спинку. Симеони понял, что за минуту до его прихода здесь было совершено преступление. Из головы не выходил мужчина в синем костюме, который шел, не оборачиваясь, не ускоряя шаг, и все же видно было, что он спасался бегством. Симеони снова взглянул на девочку.

— Это стыд, — сказал он самому себе. — Она стыдится. Она пережила страх, ей и сейчас страшно. Она боится меня, оттого, что я мужчина. Она стыдится мужчин. Ей стыдно за нас, мужчин. А сама стоит на одной ноге, как цыпленок.

Симеони спросил:

— Где твоя мать? — Девочка не ответила. У нее было такое лицо, словно кто-то только что отхлестал ее, словно ее обокрали.

Симеони снова спросил:

— Где твоя мать?

Мальчик, лежавший на кровати, также ничего не ответил. У него лицо — как у взрослого; недоверчивое, насмешливое лицо подростка, которого нищета преждевременно сделала взрослым. Все по-прежнему было неясно, но репортер не отходил от двери, боясь хоть что-нибудь сдвинуть с места в комнате, и разглядывал ее, как задумавшийся перед трудным ходом игрок смотрит на шахматную доску. Его охватило чувство вины, вины за то, что он мужчина, за то, что девочка понимала весь позор происшедшего.

— Мальчишка должен был видеть. Может, это он и был, — спокойно подумал журналист, ощутив в себе то напряжение, которое обычно предшествует разгадке.

— Это твоя сестра? — спросил он.

Но мальчик не шевельнулся, только взглянул на него устало, насмешливо, с презрением.

— Нет, это был тот мужчина, у него даже плечи дрожали от страха. А мальчик, конечно, все видел. И презирает нас. Всех нас, всех благовоспитанных людей. У девочки не осталось ничего, кроме стыда.

— Кто это видел? Кто был здесь минуту назад? Говори же! — просил он взволнованно. — Говори. Здесь твои друзья. — Но он видел на лице девочки лишь выражение страха и стыда, стыда перед тем, чего женщина не в силах объяснить, стыда за то, что ее, нищую, сейчас обокрали.

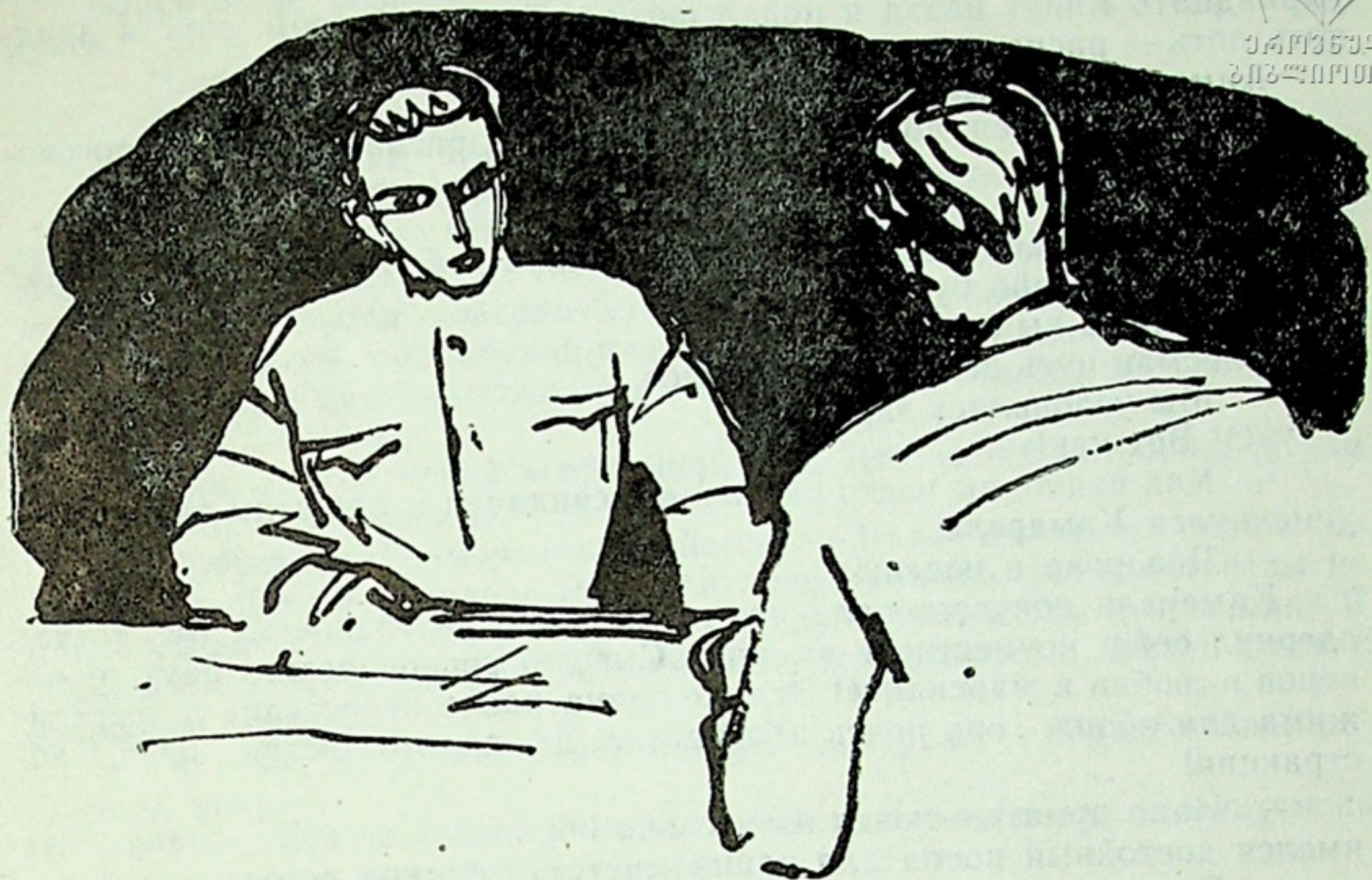
— Эй вы, давайте соберем для нее немного денег, — сказал низенький смуглый репортер, который остановился у двери вместе с другими подошедшими журналистами. Они собрали тысячу лир. Смуглый репортер взял деньги, перешагнув через мутную лужу, подошел к девочке и разжал ее руку. Рука поддалась с беззащитной стыдливостью.

— А профиль у нее красивый, — сказал он, возвращаясь.

Девочка не двинулась с места, так и стояла с поднятой голой ногой. Услышав слова репортера, она покраснела. Так краснеть может только женщина.

Александр Абашели

Женщина в зеркале

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение

Перевод с грузинского Б. Гасса, М. Заридзе, К. Коринтели

Рис. А. Бандзеладзе

Камарели взглянул на экран: черная доска поблескивала, как полированный гранит.

— Что ж, ничего не поделаешь! Но может быть, она и вовсе не появится?

Вайсман посмотрел на часы:

— Она появится через двадцать пять минут.

— Откуда вы это знаете?

— Я рассчитал время.

— Каким образом?

— Сейчас Марс очень отдален от Земли: он находится за Солнцем, на расстоянии 350 миллионов километров от нашей планеты. Луч света проходит это расстояние туда и обратно за тридцать девять минут. Че-

тырнадцать минут назад я подал сигнал. Таким образом, спустя двадцать пять — распахнется окно.

Камарели задумался.

— Расчет точен, но окно все же может не распахнуться, — проговорил он тихо.

— Почему?

— Ведь не обязательно женщина должна быть сейчас у экрана?

— Непременно будет.

— Откуда вы знаете?

Вайсман чуть заметно улыбнулся.

— Мы условились заранее.

«О! Вот как!»...

— Как видно, вы часто назначаете свидания перед этим экраном! — усмехнулся Камарели.

— Два раза в неделю.

Камарели почувствовал что-то, похожее на ревность, но тотчас одернул себя: неуместно и смешно. Смешно соперничество двух инженеров в любви к марсианке! Эта женщина равно недоступна и недостижима для обоих, она почти абстрактна, да, да, это чистая идея, абстракция!

— Надо думать, — почти язвительно обратился он к Вайсману, — что имелся достойный повод для ваших систематических встреч.

— Бесспорно, — подтвердил Вайсман.

— И хороший результат?

— Вы правы.

— Насколько я догадываюсь, этот же повод привел вас сюда и сейчас.

Вайсман в знак согласия кивнул головой.

— Итак, можно надеяться, что вы получили ответ на интересующий вас вопрос.

— Получил.

Камарели на миг показалось, что Вайсман издевается над ним.

— Так для чего же нужен сегодняшний сеанс? — спросил он резко.

— Чтоб вы сами услышали ответ.

— А вы не могли мне его передать?

— Я хочу, чтобы вы испили из той же чаши мудрости, что и я.

Воцарилось молчание. Вайсман, в своем неизменном сером френче, не отрывая взгляда от экрана, едва заметно покачивал головой, словно в такт музыке, и ритмично постукивал кончиками пальцев по металлической табакерке, лежащей на валике. Это только подчеркивало настороженную тишину, объявшаую лабораторию.

Первым тишину ожидания нарушил Камарели.

— Вы сказали мне вчера: «Я хорошо знаю, почему вы забыли об экране». Что вы хотели этим сказать?

— Я знаю, что вы умышленно избегаете экрана.

— Видимо, вы знаете и причину этого?

— Знаю.

Камарели поспешил перевести беседу на другую тему.

— Скажите мне: действительно ли вы абсолютно уверены в том, что нам удастся избежать столкновения?

— А разве вам недостаточно экрана? — вопросом на вопрос ответил Вайсман.

— Экран для меня — еще непрочитанная книга, автором которой являетесь вы.

Вайсман не шевельнулся, только пальцы его перестали выбивать дробь.

— Настоящий автор экрана — вы.

— Почему? — резко повернулся к нему Камарели.

— Вы любите эту женщину.

Камарели словно обдали ледяной водой. У него перехватило дыхание. Ведь он же знал, что Вайсман читает его мысли! К чему же было задавать нелепые вопросы! Он связался с опасным человеком. Кто знает, можно ли вообще доверять его советам? Кто знает, какую цель он преследует, какой дьявольский план еще вынашивает этот злой дух!..

— Добрый дух! — неожиданно, как и всегда, ответил на его мысли Вайсман.

Камарели отер рукой вспотевший лоб. Что за дьявольщина? Куда скрыться от этого человека? И как?

— Добрый дух! — повторил Вайсман. — Какое вы имеете основание так плохо обо мне думать? Разве за время нашего знакомства вы не могли убедиться в моем бескорыстном, дружеском к вам отношении? Я пришел исполненный добра, не отвергайте же того, что я принес к вам с открытым сердцем.

— К чему же тайна? — воскликнул Камарели, — сорвите с нее последний покров!

— Не спешите! — сказал Вайсман, — имейте терпение. С минуты на минуту позвонит ваша приятельница.

— Всему есть предел!..

— Нужно верить и ждать.

— Да, верить и бороться, и знать, что борьба приближает победу!

— Любовь удесятрит ваши силы.

— Гм, любовь!.. Вы смеетесь надо мной. Моя любовь — мечта, призрачная греза, неосуществимая, недостижимая.

Вайсман взглянул на часы:

— Ну-ка, посмотрите на экран! Видите, как постепенно далеким сиянием освещается его мрачная поверхность? Это на крыльях Эроса летит к вам любимая. Ни один человек в мире не мчался на свидание с такой немыслимой скоростью! В девятнадцать минут она преодолела расстояние в 350 миллионов километров и вот-вот вторгнется в лазурную сферу Земли. Взгляните на края экрана! Они тонут в голубом сиянии. Это значит, что сейчас...

Звонок прервал речь Вайсмана. Экран ярко озарился голубоватым светом. И в лучах его появилась женщина, далекая звезда Камарели! Вся в белом, лучезарная, с ясной улыбкой на прекрасном лице...

Камарели вскочил с места, подбежал к экрану и, оглянувшись, горящими глазами посмотрел на Вайсмана. Тот с непроницаемым лицом протягивал ему радионаушники.

Камарели почти машинально одел их и тотчас услышал знакомый голос. Но... что это? Женщина говорила по-английски!

— Гурген Камарели! Приветствую вас! Что же вы совсем забыли меня?

— Не знаю, слух или зрение обманывают меня? — только и сумел произнести изумленный Камарели.

— Чему вы удивляетесь? — донесся до него голос Вайсмана. — Я научил ее нескольким английским фразам. Ну, а грузинскому уж вы учите ее сами; прошу прощения, но грузинским я не владею.

— Но как вы ее научили? Разве вы знаете ее язык?

Вайсман, не отвечая на этот вопрос, продолжал:

— Разрешите представить вам: Геда Нуавэ, директор Центральной обсерватории Марса.

— Геда Нуавэ! — повторил Камарели.

— Она уже многое знает о вас: я рассказал ей все, что знал, остальное досказывайте сами, — заметил Вайсман.

— Геда Нуавэ! — опять повторил Камарели, словно наслаждаясь звучанием загадочного имени.

— Разрешите и мне представиться вам, — и Вайсман снял очки. — Вот и исчезла маска, так тяготившая вас, — усмехнувшись, добавил он.

Перед Камарели предстал совершенно другой человек. В нем было что-то и от прежнего Вайсмана, но что-то, одновременно, резко изменило его лицо. Камарели вдруг понял: глаза! Да, глаза меняли его. Они сияли, горели необыкновенным огнем, они напоминали что-то очень знакомое... Словно он когда-то, где-то видел эти глаза... Камарели взглянул на Геду Нуавэ. Неужели?.. Да, да, с экрана на него смотрели такие же необычайные, странно лучистые глаза! Камарели еще раз взглянул на Вайсмана, и потом — на марсианку. Нет никаких сомнений! Вайсман пришел оттуда, откуда глядела на него Геда Нуавэ!..

Мысли стаей вспугнутых птиц закружились в голове. Надежда, радость, восторг волной захлестнули его и умчали в неведомые дали мечты. Фантазия становилась реальностью, сновидение — явью... Лицо Камарели пылало, в ушах шумел эфир — или это кровь бушует и бьется, как морской прибой?..

И вдруг опять зазвучал голос, мелодичный, грудной голос Геды. Камарели никогда в жизни не слышал такую красивую английскую речь, никогда еще не пели так мягко, звонко и нежно тяжелые английские слова.

— Вайсман ушел вместе с черными очками, — говорила Геда. — Рядом с вами — Ленгор Каро, марсианский инженер, организатор первой Обрайн-экспедиции.

— Ленгор Каро! — повторил Камарели, оборачиваясь к Вайсману.

Вайсман почтительно склонил голову, как это обычно принято при первом знакомстве.

— Теперь разрешите вас оставить, — с улыбкой сказал он. — Беседуйте без меня. — Вайсман подошел к столу, выдвинул ящик, вынул из него толстую синюю тетрадь. — Вы, безусловно, хотите получить объяснения всего происходящего. Вот мой дневник, — он указал на тетрадь. — Прочтите его — и с тайны упадет последний покров.

Когда Вайсман покинул лабораторию, Камарели снова обернулся к экрану. Оттуда ему улыбалась Геда Нуавэ.

— По-вашему было 11 сентября, — услышал он.

— Да, помню.

— Теперь вы хорошо себя чувствуете?

— Хорошо, спасибо.

— Вас спасла диванная подушка, не то вы бы сильно ушибли голову. Я тогда очень испугалась. — Она вдруг смущенно потупила взгляд.

Камарели еще ближе подошел к экрану.

— Скажите мне, хотя бы в двух словах, с какой целью Каро был послан на Землю? — голос Камарели звучал умоляюще.

— Вы узнаете это из его дневника.

— Не со злым умыслом пришел он к нам?

— Прочтите его дневник.

— Ну, хорошо, скажите хоть, вернется ли Каро на Марс?

— Вернется.

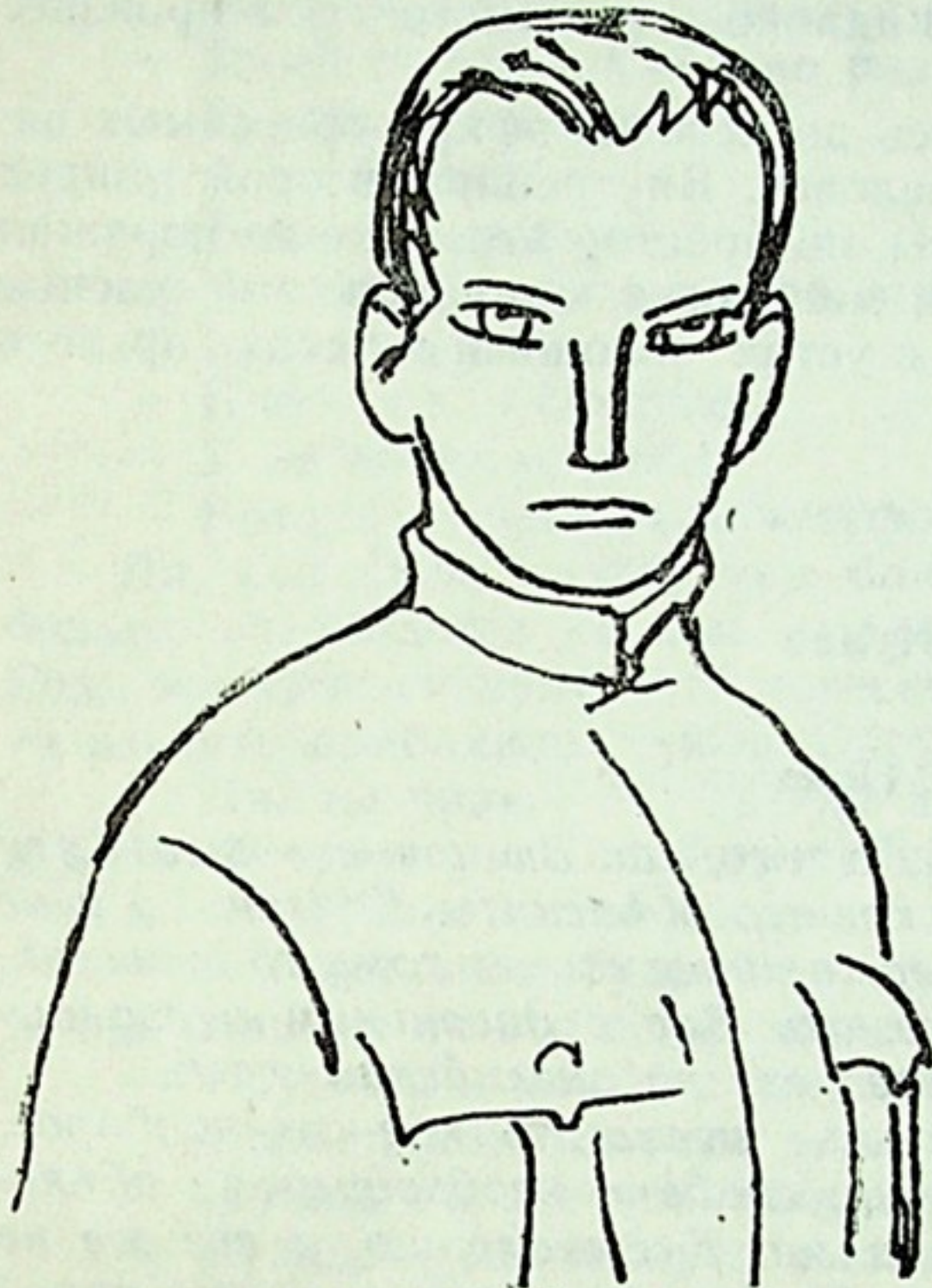

— Когда? После 25 ноября 1933 года?

— Прочтите его дневник, и вы узнаете, что думают обо всем этом санорийцы.

— А кто такие санорийцы? — вопросам Камарели, казалось, не будет конца.

— Марсиане, обитатели Марса.

— Санор — это Марс?

— Да.

— А что такое Обра?

— Ваша планета, Земля.

— А Обран?

— Обран — люди Земли.

Молчание.

— Кто вам Каро? — внезапно спросил Камарели.

— Я не понимаю вашего вопроса...

— Каро ваш брат, друг, коллега, — кто он вам?

— Прочтите дневник, — снова сказала Гада и улыбнулась.

Камарели тоже улыбнулся, глядя на нее счастливыми глазами.

— А кто я вам? — спросила, в свою очередь, Гада.

Ему хотелось сказать ей что-то очень значительное, важное, что-

то такое, что сразу бы раскрыло перед ней его чувства. Он просто не понимал, как вмещало его сердце столько счастья. Но, казалось, он вдруг забыл все слова на свете.

— Гада Нуавэ!.. — только и смог произнести он.

— Гурген Камарели! — медленно, чуть нараспев, отвечала Гада.

— Гада! — шептал Камарели.

— Камарели!.. Что такое Камарели? — вдруг спросила она.

— Фамилия.

— А что она значит?

— Ничего. А Нуавэ?

— По-вашему это — «девятиокая».

— Почему вас так называют?

— Прочтите дневник Каро, — последовал все тот же ответ.

Камарели хотелось сейчас же, не откладывая, прочесть этот таинственный дневник, но он никак не мог оторваться от экрана.

— Вы знаете, почему я потерял сознание тогда, 11 сентября? — спросил Камарели, и сердце его дрогнуло — столь многого ждал он от ее ответа.

— Знаю. — Гада с нежностью смотрела на него.

Казалось, их разделяет лишь это вот стекло, толщиной в десять сантиметров. Так ясно Камарели видел каждую черточку ее лица, так близко от него были эти яркие полные губы, эти полыхающие огнем глаза, тонкие брови и белый высокий лоб с пышными, темными с позолотой волосами. Трепетали ее черные ресницы, бились тонкие голубые жилки на висках... Камарели даже слышал ее дыхание.

Это было непостижимо — женщина, отдаленная от него миллио-

нами километров, стояла сейчас так близко от него, что, казалось, протяни руку — и коснешься ее одежды, ее нежной белой кожи. Но ты ведь знаешь, хорошо знаешь, что ощутишь кончиками пальцев лишь холодную поверхность экрана.

Это было какое-то фантастическое свидание.

— Я люблю тебя, Геда! — неожиданно для самого себя произнес Камарели.

— Я люблю... тебя!.. — донеслись до него из эфира три самых великих слова, какие только создал человек. Внутренним взором увидел он бездну, разделяющую две планеты, но простор этот уже не поражал его, как обычно, — три слова вечной молодости, одинаково прекрасные на всех языках, одинаково сильные в устах юноши и в устах зрелого мужа, победили вечное безмолвие.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Геда Нуавэ

(Дневник Каро)

Дорогой Гурген! До того, как Вы начнете читать эту тетрадь, я хочу Вам кое-что объяснить. Конечно, я и не предполагал, что содержание ее станет кому-то известно, но поскольку познакомить Вас с дневником оказалось необходимым, я перевел его на английский язык.

Кое-что пришлось мне выпустить, кое-что, наоборот, описать более подробно, снабдив необходимыми объяснениями и комментариями. К сожалению, я все же не вполне достиг цели: недостаточное знание языка порой ограничивало меня, и в моем дневнике, по-видимому, осталось еще немало туманных мест. Но, думаю, сплетение событий, которые привели меня в Вашу страну, будет Вам ясно и понятно.

К. Р.

P. S. Дневник датирован по марсианскому летоисчислению. Но с момента моего переселения на Землю, я изменил летоисчисление на земное. В некоторых случаях, когда это требовалось, марсианское и земное летоисчисление приведены в соответствие.

К. Р.

СД—17—9

Сегодня я снова встретился с ней. Потом читал очень древнюю книгу. Удивительно, как велика разница между старым и новым, и в то же время, как сохранились в нас некоторые черты старого.

Подожду еще. Где-то, пока неясно, мерцает свет...

Да, я подожду еще. Время даст мне ответ.

17—11

Встреча была как будто бы обычной, но наша беседа приобрела новый оттенок.

— Ты заметил, как прекрасна сегодня Обра? — спросила она меня, и радость звучала в ее голосе.

— Да, Обра приближается к нам.
— А я еще не совсем к этому готова.
— Чего же тебе не хватает? Ведь твой рефрактор действует от-лично!

- Да, но я жду твоей помощи.
- Моей помощи? — удивился я.
- Твоей помощи. Сколько раз ты был на Эдоне?
- Трудно и сосчитать!
- А на Гуане?¹
- Тоже много раз.
- И каждый раз ты убеждался, что воздуха там нет?!
- К сожалению...
- Наоборот, к счастью.
- Я не понимаю тебя.
- Воздух мешает работе рефрактора.

Да, она была права: чем ближе небесное тело к телескопу, тем больше сказывается на нем отрицательное воздействие атмосферы. Если же удастся поместить телескоп на звезду, лишенную атмосферы, то изучать приближающуюся Обру будет намного легче.

— Да, ты права, — ответил я. — Но как ты собираешься оборудовать обсерваторию на безвоздушном небесном теле? Ведь с телескопом должен быть живой человек?

— С телескопом будем мы, — решительно произнесла она. — Конечно, если ты на это согласишься.

— Неужели и мои два глаза понадобились Нуавэ?²

— Одиннадцать больше девяти, — улыбнулась она.

— Но как ты все-таки оборудуешь станцию на Гуане?

— Станцию мы соберем здесь, а потом уже перенесем на Гуану.

— Почему же на Гуану, а не на Эдон?

— Эдон, правда, ближе, но чрезмерно большая скорость его движения затруднит работу телескопа. Ведь Эдон в сутки совершает три оборота вокруг нашей планеты, а Гуана движется сравнительно медленно: период ее обращения равен тридцати часам.

— Так как же ты думаешь соорудить эту станцию? — повторил я свой вопрос.

— О, я уже давно обдумала один план, только вот не знаю, одобришь ли ты его.

— А ну-ка расскажи!

— Боюсь, ты мне откажешь...

Геда смотрела на меня с мольбой, и я уже знал, что не в силах буду ей отказать, что бы она не попросила.

— Я готов исполнить любую твою просьбу, если только это в моих силах.

— Станция должна быть сооружена на твоём рауните³.

Я не стал долго раздумывать. План Нуавэ был прост и в то же время очень рационален.

— Согласен, — коротко ответил я. Она просияла. — С завтрашнего дня приступаю к необходимым приготовлениям.

Геда ушла счастливая, радостная.

И у меня было светло на душе оттого, что я смог ее порадовать.

¹ Эдон и Гуана — звезды, по-вашему — Хобос и Деймос. (К.).

² Нуавэ — девятиокая. Так называли ее потому, что она сконструировала необыкновенно чувствительный телескоп, снабженный девятью линзами. Благодаря различным комбинациям линз, телескоп приобрел функции и рефрактора и рефлектора. (К.).

³ Раунит — космическая ракета. (К.).

17—25

Раунит превратился в маленькую обсерваторию. Нуавэ уверена, что первая движущаяся обсерватория. откроет новый этап в изучении Вселенной. Я согласен с ней, и очень рад, что победа будет связана с моим раунитом.

17—31

Завтра мы вылетаем.

Вчера вечером Нуавэ сфотографировала Обру. Она уверяет, что обнаружила новые линии и точки, которых не было на прежних снимках.

Я продолжаю отстаивать свое мнение.

На Гуане многое может выясниться, но я убежден, что чересчур оптимистические надежды Нуавэ во многом не оправдаются.

17—32

Период обращения Гуаны равен тридцати часам и восемнадцати минутам, а Эдона — семи часам и тридцати девяти минутам. Сутки Санора¹ составляют двадцать четыре часа тридцать семь минут. Таким образом, Эдон в сутки почти трижды обходит вокруг нашей планеты. Но, кроме того, он восходит с запада и заходит на востоке. Гуана же движется медленнее Санора — она почти двое суток находится на небе. Потому-то Нуавэ и избрала именно Гуану для установки телескопа.

В четыре часа утра раунит был на полюсе.

В четыре двадцать один мы покинули полюс.

Вылетели мы с таким расчетом, чтобы встретиться с Гуаной на девятом небесном меридиане (так было согласовано с директором Северной обсерватории).

Всю дорогу мы не выключали экран дальнего видения, который связывал нас с обсерваторией.

В намеченное время мы опустились на Гуану.

Часть небосклона Гуаны была подобна черному бархатному шатру, на котором сияли Аза² и необычайно яркие звезды.

Передав обсерватории все наши наблюдения, мы выключили экран. Обра была видна с другой стороны Гуаны, и мы направились туда.

Постепенно исчезали и Санор и Аза.

Раунит поглотила вечная ночь Гуаны.

Вскоре вдали появилась Обра, окруженная своим голубым сиянием.

Нуавэ направила на нее телескоп и приступила к работе.

Установлено до двух тысяч экранов.

17—35

Приближается СД—18—27³. Идут большие приготовления.

Нуавэ работает без передышки. Меня поражает ее энергия и энтузиазм. Вчера она показала мне заполненный на Гуане альбом фотокарт. Я тщательно просмотрел его, но не нашел ничего примечательного.

Она обиделась.

¹ Санор — Марс (К.).

² Аза — Солнце. (К.).

³ Август 1924 года. (К.).

— Я не утверждаю, что на Обре невозможна жизнь, — попытался я объяснить свой скептицизм. — Но я сильно сомневаюсь в том, что форма ее схожа с нашей.

— Почему ты так думаешь?

— Во-первых, я не представляю себе существование высшей формы жизни на планете, где столько воды.

— Но разве там так уж мало суши?

— Сравни ее с водными просторами. Почти всю поверхность Обры покрывает вода и лишь кое-где — небольшие островки суши.

— Но на этих островках есть жизнь! — со страстной убежденностью воскликнула Нуавэ.

— Да, жизнь, возможно, и существует, но не на суше, а в воде — ведь на Обре господствует водная стихия. А в воде невозможна высшая форма жизни.

— Не забывай, что суша занимает на Обре все же значительное пространство, она равняется всей поверхности Санора, — все больше горячилась Нуавэ. — И если на Саноре так развилась жизнь, почему ты считаешь это невозможным на Обре?

— У нас совершенно иной климат, — возразил я, тоже увлекаясь спором. — А на Обре — вечные грозы, молнии, постоянно налетают ураганы. Атмосфера полна разрушительных сил. Высшая форма жизни не может утвердиться на такой неустойчивой и опасной почве...

Теперь, оставшись в одиночестве, я размышляю.

Почему я так разгорячился? Почему меня всегда так волнует, в общем, понятное увлечение Нуавэ этой планетой?

Где-то в тайниках моего сердца мерцает свет. Еще неясный, слабый.

Но я буду ждать.

Время даст ответ.

17—38

Вчера состоялось заседание Сигнальной секции. Утром, до заседания, позвонила Нуавэ.

— Ты будешь на секции?

— Да, буду.

— Я хочу тебя видеть. Подожди меня, пойдем вместе.

— С удовольствием.

Я не слышал, как она вошла. Я только увидел, что она сидит у окна. В руках ее был любимый суанэр¹.

Она, видимо, не хотела, чтоб я прочел ее чувства, и потому сидела, потупив глаза. Но радость была не только во взоре, — и она не могла ее скрыть.

— У тебя на душе что-то очень хорошее, — сказал я ей.

Медленно подняла она на меня свои глаза и, казалось, можно было утонуть в том море счастья, какое излучал ее взгляд.

— Ты не веришь мне, но я все вижу.

— Что ты видишь, Геда?

— Я вижу, как борются на Обре подобные нам существа, как их высокий разум прокладывает путь к нам.

— Нужно, чтоб и мы это увидели.

Я старался говорить очень спокойно. Геда была необычайно взволнована.

¹ Суанэр — синий цветок, называемый «цветком Обры». (К.).

— Ты помнишь, два месяца назад на Северном полюсе Обры были замечены какие-то огненные блики?

— Ну, и что же?

— Тогда мы сочли их за вулканические извержения. Но теперь мне открывается нечто иное.

Она встала, отдернула занавес на балконной двери. Яркие лучи Азы неудержимым потоком хлынули в комнату и окутали Геду своим теплым сиянием.

— Так что же тебе открывается?

— Это световые сигналы Обры, — медленно проговорила она и испытующе посмотрела мне в глаза. Я молчал. Но мне хотелось крикнуть ей: «нет!»

Мы вышли на балкон. Аза поднялась высоко, и золото ее лучей жарким пламенем горело на пышной листве бимуду¹.

— Почему ты так решила? — спросил я.

Она опустилась на резной стульчик и, облокотившись правой рукой на перила, левую дружески протянула мне. Я взял эту тонкую, но сильную руку так бережно и нежно, словно маленькую трепетную птичку.

— Ты не веришь в мои выводы. И я знаю, что ты не согласишься и мою новую догадку.

— Но я хочу и стараюсь поверить. Ты просто не предлагаешь веских аргументов.

Она, словно не расслышав моих слов, продолжала:

— И все же я поделюсь с тобой догадкой, так как мне и здесь необходима твоя помощь.

— Я готов, как всегда.

— Из снимков, сделанных на Гуане, явствует, что Северный полюс Обры покрыт вечным льдом. — Грудной, красивый голос Геды звенел и чуть вибрировал от волнения. — Там — плоская равнина. На ней нет темных пятен, — а это ли не свидетельство того, что под слоем льда находится вода? Огненные вспышки были замечены именно в зоне вечных льдов. Поэтому они никак не могли быть вулканического происхождения, — торжествуя закончила Гада.

— Так значит, ты думаешь, что это было искусственное излучение?

— Иное объяснение просто невозможно: следов действующих вулканов там не обнаружено. Кроме того, меня на эту мысль наводит симметричное расположение лучей, не характерное для вулкана².

— Как мне помнится, — сдержанно заметил я, — радиус излучения был довольно велик.

— Намного меньше, чем радиус нашей сигнализации. — Резко отняв свою руку, Гада гневно взглянула на меня.

— А что означают эти сигналы? — спросил я после паузы.

— Все дело в том, что они не поняли нашей сигнализации. Видимо, они сочли ее природной особенностью Санора, может быть, приняли за реки или горные хребты.

— Не больно-то они догадливы! — иронически произнес я, и эта фраза снова вызвала ее возмущение.

— Мы не знаем, каким астрономическим оборудованием они рас-

¹ Бимуду — плодовые деревья. (К.).

² Ошибочность подобного предположения я выявил только лишь по прибытии сюда. Вы, вероятно, догадываетесь, что замеченные Гедой лучи на Северном полюсе вашей планеты были не чем иным, как «полярным сиянием». В силу особых атмосферных условий Марса такое явление у нас невозможно и нам трудно было его объяснить. (К.).

полагают и насколько хорошо видна им наша планета. Поэтому лучше воздержаться от поспешных выводов.

Я отлично знал, чьи выводы были поспешны, но глубокая убежденность Геда была столь привлекательна, что я невольно склонился перед ней.

— Теперь я должна открыть тебе, для чего сейчас пришла сюда, — вновь заговорила Гада уже более спокойным тоном. По лицу ее пробежала улыбка. — Я собираюсь выдвинуть на сегодняшнем заседании проект, с которым предварительно хочу ознакомить тебя.

— Он касается нашей сигнализации?

— Да. Как я тебе уже сказала, есть основания предполагать, что на Обре не поняли наших сигналов. Возможно, это произошло из-за того, что теневые полосы, несмотря на изменяемость всей системы, постоянны: они ни разу не исчезали целиком. Отсюда могло возникнуть ошибочное мнение, что они являются своеобразными контурами органического строения планеты.

— С твоим предположением, безусловно, приходится считаться, — сказал я, — но как ты думаешь поправить положение?

— Вот мы и подошли к главному. Я предлагаю следующее: к тому времени, когда Обра приблизится к Санору, мы должны в корне изменить метод сигнализации.

Она умолкла, словно желая дать мне возможность подготовиться. И — после паузы:

— Необходимо, чтобы наши сигналы производили впечатление ритмичного мерцания. Необходимо ежедневно на двенадцать часов выключать всю систему. Цикл фигур должен передаваться в двенадцать дней, по одной фигуре в день. По окончании цикла подача сигналов должна прекращаться вовсе. Если на Обре засекали линии и их расположение, то невозможно, чтобы не было замечено их полное исчезновение.

План Нуавэ мне понравился.

— Я вполне одобряю твой план и думаю, что секция примет его, только бы не возникли какие-нибудь препятствия с технической стороны.

— У меня уже был разговор с заведующим станции прожекторов, — ответила она. — Технически мой план вполне приемлем¹.

— Тем лучше! — сказал я, подымаясь: пора было идти на заседание.

18—1

Работа на Гуане дала отличные результаты. Перед нами открылись грандиозные перспективы. Решено было оборудовать астрономические станции на обеих планетах. Инженер Гоу представил проект станций.

18—15

Сегодня мы начали сигнализацию по плану Нуавэ. Обра стремительно приближается. Сейчас она — самая яркая звезда на нашем небосводе.

18—27

Вчера был закончен цикл сигнализации².

Гада очень волнуется.

¹ Для сигнализации была сооружена система гигантских прожекторов, работающих на Zipe-лучах. Пространство, освещенное Zipe-лучами, не отражает лучей Азы и издали кажется черным. (К.).

² Когда мы беседовали о так называемых «каналах» Марса, я не совсем точно передал вам наш план. Но иначе поступить я не мог, ибо говорил, как житель Земли. Я до сих пор не знаю, почему на Земле не поняли сигналы Марса и почему провалился план Геда. (К.).

Сегодня Обра достигла ближайшей к нам точки.

Две тысячи экранов устремили свои опаловые очи на голубое светило, но — увы! Ни один из них не отразил ничего нового и значительного.

18—28

Вот уже два дня мы работаем на Гуане.

Нуавэ заготовила целую серию снимков. Среди них много интересных.

Поражает обилие воды на Обре.

Оправдываются предположения ученых, считающих, что Обра является неисчерпаемым водным резервуаром, который может помочь напоить влагой иссушенную почву нашей планеты.

18—30

Существуют ли на Обре разумные существа?

Материал, накопленный за время наших наблюдений, не дает для решения данной проблемы ничего утешительного.

Если жизнь на Обре существует, то, конечно, только в простейших формах. Однако Нуавэ убеждена, что сигнализация не дала результатов по каким-то другим, непонятным для нас причинам. Она страстно верит, что на Обре живут подобные нам разумные существа.

— Разве ты не видишь эти светлые пятна? — спросила она вчера, когда мы рассматривали ее карты.

— Вижу, — ответил я, — но оазисы бывают в пустынях, а не на океанах.

— И все же это — обитаемое пространство Обры.

— Возможно.

— Ты должен отказаться от неверного в корне мнения, будто нам неизвестно, по какому пути развивается культура обран. Она идет тем же путем, что и наша культура.

— В этом отношении заблуждаемся мы оба, — возразил я, — так как и ты и я равно не знаем настоящего положения вещей. А не зная или не понимая явления, нельзя оценить его ни положительно, ни отрицательно.

— Ты не веришь мне, — обиделась Нуавэ, и лицо ее вмиг замкнулось, стало далеким и отчужденным.

Я поторопился смягчить свою резкость.

— Нет, дорогая, я не отрицаю очевидности существования жизни на Обре, я просто хочу понять, откуда черпаешь ты такую непоколебимую уверенность.

— В том-то и горе, что я пока не могу найти научных аргументов, но внутренне я верю в это так глубоко, что легкий намек, мельчайшая деталь говорят мне больше, чем тебе целый воз очевидных фактов, — сказала она, просветлев.

— К сожалению, в таком деле одной интуиции недостаточно, Геда, ты же сама это знаешь, — мягко возразил я.

— Но я ведь опираюсь не только на интуицию: возраст Обры, целый ряд ее физико-химических свойств — с одной стороны, и те признаки жизни, которые очевидны и для тебя, особенно — попытки световой сигнализации, — с другой, являются довольно веским основанием для моих предположений; они убеждают меня в том, что я не ошибаюсь.

— Сомневаюсь, действительно ли сияние было световой сигнализацией, — робко заметил я. — Если б это была сигнализация, то сейчас, когда Обра так близко от нас, мы бы ее отлично разглядели.

Гедда опустила глаза, нервно сжала сплетенные пальцы обеих рук.
— Повторяю, никто не отрицает самого факта существования жизни ни на Обре, — добавил я поспешно, не желая огорчить ее. — Но, как я уже говорил, на Обре господствует водная стихия, и это заставляет меня сомневаться в верности многих твоих заключений.

— То есть? — настороженно спросила она.

— То есть, я хочу сказать, что твоя любимая Обра не может быть сестрой нашей планеты, — неожиданно резко вырвалось у меня.

Нуавэ вспыхнула, но не сказала мне ни слова и, гордо подняв голову, быстро вышла из комнаты.

19—7

Обра удаляется так же стремительно, как приближалась. Опубликовано огромное количество новых научных исследований, в том числе — составленные Нуавэ карты.

В комментариях к картам Гедда делает ряд очень интересных замечаний, хоть они и основываются, главным образом, на гипотезах.

Я готовлю к печати свои работы, но — поразительно! — меня сдерживает мысль о Нуавэ.

Между нами борьба. И я чувствую, что она носит не только научный характер, что здесь есть что-то, стоящее вне науки и обостряющее борьбу. Конфликта все труднее избежать. Но я не хочу ссоры.

Поэтому я не подпишу свою статью!

19 — 12

Я утверждаю, что зоны С и D, где Нуавэ усматривает признаки высокой культуры, представляют собой небольшую часть коры Обры, изуродованную геологическими процессами. О наличии жизни в этих местах не может быть и речи. Что же касается зон В, С, К, и R, особенно окрестностей К и R, то лишь с натяжкой можно предположить, что наблюдаемые нами изменения — следы деятельности живых существ.

Письмо подписал К—R.

19 — 14

Опубликован ответ на мою статью. Автор, некий G — D, энергично атакует мои выводы.

19 — 30

Спор разрастается. Большинство ученых поддерживает мои осторожные выводы.

За G — D пошла исключительно молодежь.

19 — 35

Утром раунит миновал Санор. В кабину вошла Нуавэ.

— Не помешала? — спросила она, извиняясь.

— Нисколько! Я изучаю составленные тобой карты, — ответил я. — Доводы G — D заставляют призадуматься, однако я твердо стою на своем.

— Значит, К—R это ты. — Нуавэ лукаво улыбнулась. — Я знала это давно.

— И для меня не секрет, кто укрывается под псевдонимом G — D. Ка — Ro! Ge — Da! — мне нравятся эти имена.

Неожиданно она спросила в упор:

— Каро, почему ты противишься, ведь в душе ты согласен со мной?

— Геда, разве не все равно, кто из нас окажется прав?

— Почему все равно? — удивилась она.

— Семена жизни рассыпаны по всей Вселенной. В одних местах уже зреют плоды на дереве жизни, в других — только наливаются почки. Жизнь есть повсюду, и разве имеет значение возраст обран?

Геда задумалась. Долго сидела она, опустив голову. Наконец, с жаром заговорила:

— Для меня это не безразлично. Пойми, Каро, — Геда посмотрела на меня глазами, полными мольбы, — перед мысленным взором стоят образы неведомых друзей и зовут, зовут к себе. Словно попали они в беду и ждут руку помощи. Я же мечусь в четырех стенах, натыкаюсь на окна, стараюсь распахнуть их, но все напрасно. Чувствую, они видят меня во сне, тянутся ко мне. Я слышу их зов, что, подобно весеннему грому, рассекает небеса, вижу, как сверкает в глазах их огонь молодости, дерзаний. А ты не веришь в их существование! — Голова Геды Нуавэ склонилась к столу.

— Успокойся, Геда. Наберись терпения. Со временем рассеется туман, все прояснится.

22 — 7

Сегодня имел беседу с управляющим водным хозяйством. Он спросил, когда, наконец, пошлем экспедицию на Обру.

— Техническая секция завершила свою часть работы, — ответил я, — задерживают химики.

— Консервированный воздух... — покачал он головой.

— Да.

Но ведь вопрос обеспечения сжатым кислородом давно разрешен, в чем же задержка?

— Сейчас ученые решают вопрос о заготовке нужного для межзвездных полетов количества воздуха. В процессе работы возникло множество непредвиденных затруднений.

— Но ведь мы летаем на Гуану?

— Запасы воздуха в аппарате нашей машины достаточны лишь для путешествий на ближние планеты. Для дальних рейсов аппарат пока не приспособлен. опыты показали, что воздух, полученный искусственным путем, сохраняется до пяти месяцев. Затем по неизвестным причинам он постепенно становится вредным для организма.

— И специалисты не могут доискаться причин?

— Видите ли, пропорции составных частей воздуха остаются те же, а свойства его меняются. Объяснить это странное явление пока не удалось.

— Где проводятся испытания? — заинтересовался управляющий.

— На Эдоне, в безвоздушном пространстве. Специалисты бьются над разрешением загадки, и небезуспешно. Выдвинутая недавно гипотеза обещает помочь в решении проблемы длительного хранения воздуха.

— Что за гипотеза? Я не слыхал о ней!

— Как известно, безвоздушное пространство космоса прорезает множество лучей, которые распространяются с огромной скоростью. Их называют «лучами смерти», так как для органических веществ действие их просто катастрофично. Нашу планету защищает от этих лучей воздушный покров. В космосе же им нет преграды, и все живое гибнет от них. Летающие машины, сконструированные нами, имеют, как вам известно, предохранительные хрустальные купола и двойные стенки.

Однако и это не спасает дело — «лучи смерти» умудряются проникнуть в кабину и отравить воздух.

— Все это интересно, — заметил управляющий, — однако не могу взять в толк, какая необходимость летать в машине с окнами? Не разумнее ли совершенно закрыть ее герметически.

— Для полета на дальние расстояния машина непременно должна иметь «глазок». Путешествие в закрытой машине чревато тысячью опасностей. На пути следования как бы расставлены «силки» — блуждающие в пространстве тела. Столкновение с ними сулит ощущения не из приятных.

— Но почему вы растягиваете необходимый срок действия аппарата до одного года? — не унимался управляющий, — ведь Обру отделяет от нас сравнительно малый путь.

— Вы забываете, что пока не выяснено, насколько пригоден для нас воздух Обры. К тому же неизвестны формы проявления жизни на этой планете. В каких условиях мы окажемся там? Во всяком случае, надо исходить из срока не менее, чем в один год.

— По-видимому, пока стоят перед нами эти трудности, — с грустью заключил управляющий, — нельзя рассчитывать на Обру, как на источник воды.

— Ученые неустанно проводят опыты в лабораториях. Ничего, все равно своего добьемся, — постарался я рассеять дурное настроение управляющего.

23 — 4

Геда становится невыносимой.

С каждым днем все резче обозначается пропасть между нами.

В мечтах Геда уносится куда-то далеко. Обманывает себя... Но разве я могу помочь? Разве остановишь метеор в небе?..

23 — 30

В окна раунита вставили новый хрусталь, скорее похожий на прозрачный металл, чем на обыкновенное стекло. Посмотрим, оградит ли нас новое изобретение от «лучей смерти»?

Испытание поручено мне.

— Опыт опять проведешь на Гуане? — будто невзначай, спросила Нуавэ.

— Нет, сейчас я обдумываю маршрут посложнее...

— А пока Обра уйдет так далеко, что станет недосыгаемой, — раздосадованно перебила она.

— Мои опыты приурочены именно к тому моменту, когда Обра, совершив полный оборот, приблизится к нам. А тем временем я поброжу по планетам, для чего и составляю новый маршрут.

— Какой? — глаза Геды загорелись любопытством.

— Поищу в небе планету, способную снабдить нас хоть на время водой.

— Ты говоришь загадками!

— Нет, мне просто пришла идея полететь на планету Зер В 17¹.

— Меня удивляет твоя наивность. Ведь известно, что на Зере нет воды!

— Это еще не проверено, Геда. А последние наблюдения доказали наличие вокруг этой планеты атмосферы, что дает право предположить существование на ней и воды.

¹ По-вашему — астероид Веста. (К).

— Сомневаюсь! Не возлагай больших надежд, вот мой совет. Но предположим на минуту, что ты прав. Ведь план полета тобой уже выработан?! Интересно, каким путем думаешь достичь Зера? Ведь он сейчас дальше от нас, чем Обра.

— С этим никто не спорит. Но на днях неподалеку промчится колесница, которая предоставит нам возможность прокатиться к окрестностям малых планет.

Геда глубоко задумалась. И вдруг устремила на меня глаза, обжигающие, словно два ярких факела.

— Ногосу?¹

— Именно Ногосу, — подтвердил я и поспешно вышел. Но я чувствовал ее взгляд, полный укора.

Почему Геда смотрит на меня такими глазами? Что сделал я ей дурного? Уж если говорить правду, то, скорей, она виновата передо мной. Она, Геда Нуавэ, затоптала огонь, горящий в моей груди.

В коридоре меня догнал управляющий водами.

— Я случайно услышал вашу беседу, — смущенно сказал он, — и не могу понять, о какой колеснице вы говорили.

— Послезавтра Ногосу повернется к нам лицом. Вот я и решил использовать ее как транспорт.

— Но почему вы уклоняетесь от полета на Обру?

— Обра сейчас от нас далеко и с каждым днем отдаляется все больше. Кроме того, достоинства нового хрусталя еще не проверены.

— С этой точки зрения путешествие на Ногосу тоже не из безопасных. Ведь и там вы будете в безвоздушной среде.

— Разница большая. В направлении Обры пришлось бы лететь в машине с открытым глазком — и, в случае непрочности хрусталя, катастрофа окажется неизбежной.

— А у Ногосу какие преимущества?

— Да ведь Ногосу движется далеко не обыкновенно. Я хочу воспользоваться странностями ее полета. Как известно, орбиты нашей планеты и Ногосу переплетены между собой, подобно кольцам цепи. Поэтому Ногосу вторгается в сферу нашей планеты и проходит совсем близко от нашей орбиты. Перигелий ее лежит недалеко от Обры, а апогей — близ малых планет, в противоположной стороне. Сейчас она находится внутри нашей орбиты. Возвращаясь с границ Обры, она приближается к нам. Я собираюсь встретить ее в пути. Когда «поселю» мой раунит на Ногосу, смогу спокойно проверить качество хрусталя. Если замечу, что он не может надежно укрыть нас от космических лучей, тотчас закрою глаза и буду ждать возвращения на Санор. Только там подыму ресницы у раунита. Для преодоления сравнительно малого расстояния воздуха вполне достаточно.

— А вода? — обеспокоился управляющий.

— И воды мне хватит.

— Да я не о вас беспокоюсь, — запальчиво произнес управляющий, — вам, конечно, хватит, но Санор-то опять останется без воды?!

— Во всяком случае, я разведу на Зере. Может, найду хоть малые запасы. Тогда придется снарядить туда экспедицию, — заверил я его.

Управляющий остался доволен беседой.

Послезавтра отправляюсь в путь.

.....

¹ По-вашему — Эрос. (К).

Ввиду того, что путешествие мое на Эрос не имеет прямого отношения к интересующим вас вопросам, я пропускаю то место дневника, где описаны связанные с полетом подробности.

Считаю нужным рассказать лишь об одном эпизоде, который дал толчок быстрому развитию событий.

Эрос оправдал мои надежды. Марс был уже совсем близко, но я не собирался возвращаться домой. Очень уж заманчиво было подлететь к Земле и осмотреть ее с близкого расстояния. Поэтому я решил не покидать Эрос и рассмотреть Землю, внимательно изучить районы, указанные на снимках Геды. Особенно любопытство мое привлекали те места, которые были обозначены нашими инициалами G—D, K—R.

Я поддерживал постоянную связь с обсерваторией на Марсе, и там великолепно знали малейшие подробности моего путешествия.

Продолжение следует

И. В. Тюленев,
генерал армии

Битва за Кавказ

Из книги «Через три войны»

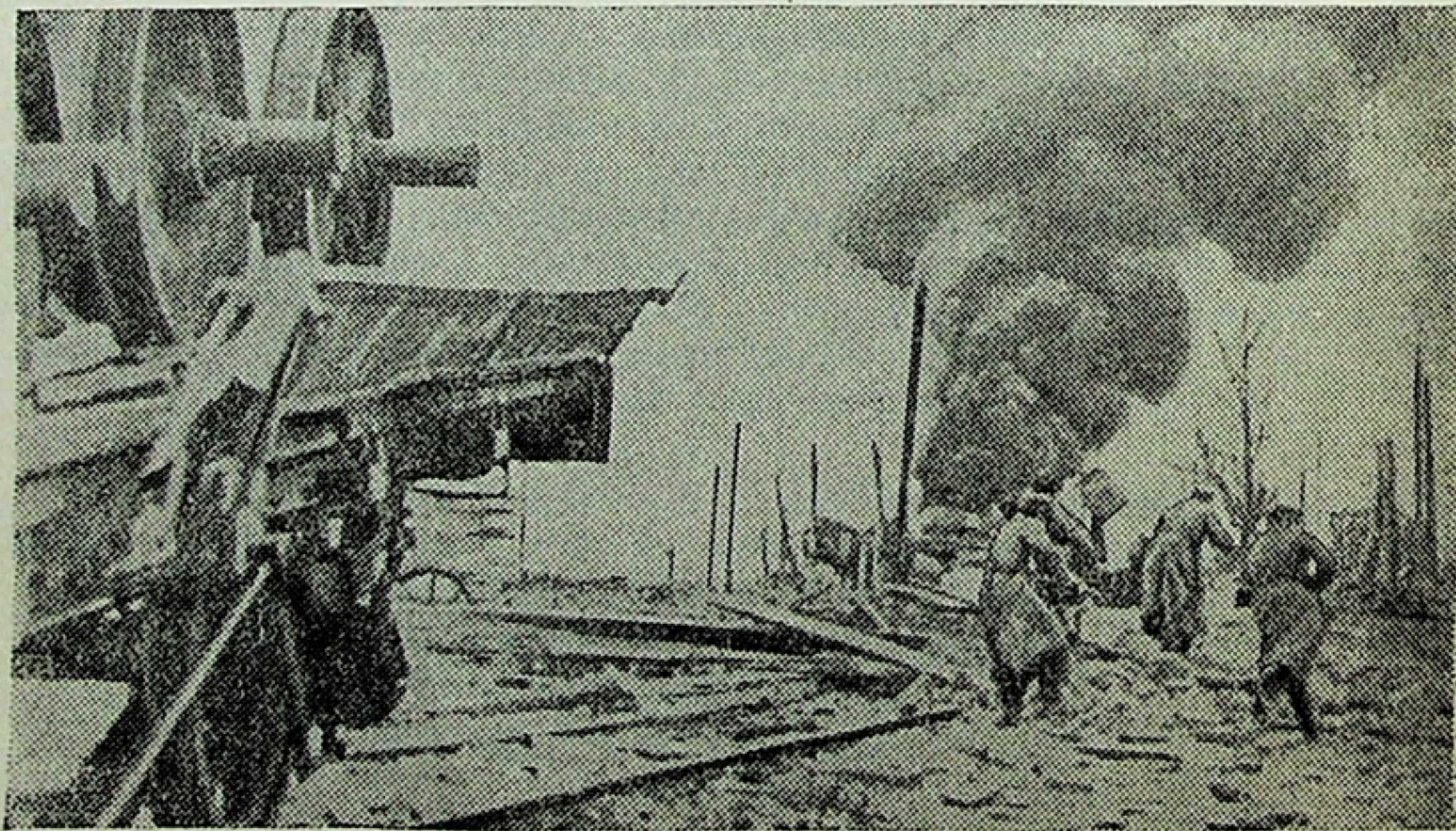
Продолжение

...Пятигорск, 11 января 1943 года.

Один из писателей-фронтовиков, вступивший в этот день с передовыми частями в город, рассказывал мне:

— Вместе с сержантом-разведчиком мы прежде всего устремились на Лермонтовскую улицу, к домику, где умер Лермонтов, — уцелела ли эта святыня, дорогая сердцу каждого советского человека, не надругались ли над ней гитлеровцы?

Первое, что мы увидели во дворе на дверях домика, — проштемпелеванный листок: «Реквизировано и взято под охрану штабом Розенберга и местной комендатурой, согласовано с Высшим командованием армии. Вход в здание и снятие печати запрещены». «Что за притча? — думаю. — Откуда у фашистов такое бережное отношение к реликвиям рус-

1943 год. Бой на ст. Невинномысская.

ской культуры? Откуда это у тех, кто осквернил яснополянскую святыню, разграбил Дом-музей Чайковского в Клину?»

А притча объяснялась просто. 4 сентября домик Лермонтова посетил нацистский писатель Зигфрид фон Фогезак. Он стал допытываться у сотрудниц музея Елизаветы Яковлевны Яловкиной и Натальи Владимировны Капиевой, где находятся рукописи Лермонтова и другие ценные экспонаты. Фашистскому писателю не терпелось первому завладеть рукописями великого поэта — отсюда и его беспокойство за сохранность домика Лермонтова.

Зато с другим святым местом, связанным с именем Лермонтова, — у подошвы Машука, где стоит каменный обелиск, фашисты не поцеремонились. Там они расстреливали пятигорцев, порубили молодые ели, обрамлявшие место дуэли.

Не пощадили они и город. Эсэсовцы заложили мины и подорвали Дом партийного актива, Госбанк, старейшее здание Бальнеологического института...

Та же картина — в освобожденном Нальчике; груды развалин на том месте, где высились здания Дворца пионеров, педагогического училища, Кабардино-Балкарского театра драмы, республиканской библиотеки. Никогда не изгладятся из памяти жителей Нальчика 65 дней фашистской оккупации.

Георгиевск. Дом на Продольной улице № 8 занимало гестапо. В этом двухэтажном кирпичном здании пытали советских людей. Длинный ров опоясывает двор. Мне довелось быть в Георгиевске в тот день, когда хоронили жителей города, павших жертвами нацистского изуверства, извлеченных из этого рва, — Елену Филипповну Кошеварову, мать четырех бойцов, комсомольца Ивана Бобылева, рабочего механического завода имени Ленина, и других.

Минеральные Воды, Кисловодск, Железноводск, степной город Буденновск... Город за городом, селение за селением освобождали наши бойцы.

21 января был освобожден Ставрополь, 23 — Армавир. Другая группа войск Закавказского фронта вышла из горных теснин Приморья в кубанские степи, вырвала из рук врага город нефтяников Майкоп, а за ним и Краснодар.

Длившаяся более полугода кавказская битва закончилась поражением немцев и изгнанием их с Кавказа. С 25 декабря 1942 года по 16 января 1943 года частями Северной группы войск Закавказского фронта было захвачено: самолетов — 35, танков — 314, орудий разного калибра — 372, минометов — 422, противотанковых орудий — 396, пулеметов — 602, винтовок — более 10 тысяч, снарядов — 385000 авиабомб — 300000, винтовочных патронов — около 3 миллионов, автомашин — 2338, мотоциклов — 460, радиостанций — 28, паровозов — 8, товарных вагонов — 1020, в том числе 26 вагонов со снарядами и 48 вагонов с запасными частями к танкам и автомашинам, платформ железнодорожных — 550, цистерн железнодорожных — 70, пассажирских вагонов — 80, снегоочистителей — 27, складов с боеприпасами, вооружением и продовольствием — 70.

Только за первые 20 дней наступления были разгромлены пять немецких дивизий, африканский корпус, многочисленные отдельные части армейского подчинения. Следа не осталось от непобедимой танковой громады Клейста. 170 танков было уничтожено, 314 захвачено. Среди трофеев — 600 вагонов авиабомб, размером в два человеческих роста, с выразительной надписью — «для Баку».

Начиная свой поход на Кавказ, Гитлер рассчитывал захватить Баку к 25 сентября 1942 года. Уже печатались справочники-путеводители и набирался штат для акционерного общества «Немецкая нефть на Кавказе». А в декабре Гитлер ограничивался уже лишь тем, что мечтал разбомбить этот далекий неприступный Баку. К слову сказать, захваченные нами фугаски и зажигательные бомбы пригодились нашей авиации дальнего действия.

Быстрое и глубокое продвижение частей Красной Армии на Северном Кавказе лишало немцев маневра своими войсками для помощи окруженной сталинградской группировке и еще больше ухудшало положение печальной памяти армии фон Паулюса.

НА БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ

Бои переместились за тысячу километров с кукурузных полей и яблоневых садов Осетии в девственные леса и зубчатые скалистые горы Приморья. За разбитые дивизии, истребленные гвардейской пехотой, за танки, сожженные в рабочих пригородах Орджоникидзе, за машины, оставленные в Гизели, немецкие генералы стремились взять реванш у Черного моря.

Тихий, полукурортный город Туапсе с самого начала кавказского похода пользовался все возрастающим вниманием генерального штаба третьей империи. Гитлеровцы серьезно верили, что достаточно одного хорошего прыжка — и они окажутся на побережье, обоснуются в Туапсе, а там представятся возможности одна заманчивее другой.

Из районов Краснодара и Майкопа на Туапсе двинулось двенадцать пехотных и специально обученных горно-стрелковых дивизий, а с ними отдельные танковые батальоны, кавалерия, мотострелковые части.

В кубанских станицах, в поросших камышом приречных плавнях, на сказочно пестрых лугах против хищных орд стеною встали кубанские и донские казаки. Эскадроны пылили по родным улицам, но казаки не заходили домой. Станичник на ходу протягивал руку жене, целовал малолетнего сына:

— Головы сложим, а землю родную отстоим.

Казаки помнили старое ратное правило: кто напуган, тот наполовину разбит. Оборону свою они строили на дерзких контратаках, на постоянном упреждении немецких ударов.

Как-то один казак, георгиевский кавалер, привез в штаб завернутого в попону фашистского офицера. Пленный мало что мог рассказать, но в его сумке оказался приказ о наступлении. Две егерских бригады и отдельный высокогорный полк при 12 артиллерийских и 15 минометных батареях должны были с утра атаковать наших казаков.

Наш 17-й конный корпус немедленно устроил ловушку наступающим частям противника. Немцы были контратакованы, и вот уже на хуторских улицах, на огородах валяются тысячи изрубленных трупов.

Я слышал, как перед коротким ночным боем 69-летний Семен Скворцов, отец восьми советских офицеров, учил молодого казака:

— Не хватит, говоришь, патронов, снарядов не подвезут? У германца возьмем! Отобьют у тебя в бою винтовку — за гранату берись, израсходуешь гранаты, — бей прикладом, глуши кулаком, вгрызайся окаянному в горло!..

Командир 2-й роты 94-го немецкого горно-саперного батальона лейтенант Хетцель писал в своем дневнике:

«Против нас кубанские казаки. Мой отец как-то рассказывал о них, но как его страшные рассказы далеки от того, что вижу я. Их не возьмешь ничем. Они жгут наши танки. Вчера тяжелый танк обер-лейтенанта Ретера еле-еле вырвался из их рук. Казаки подожгли его, и Ретер на горящей машине вернулся к нам. Весь экипаж получил тяжелые ожоги. Вчера эссовцы атаковали их. Несмотря на то, что казаков было меньше, они не отступили. Сегодня моя рота была брошена на помощь стрелковому полку, попавшему в очень тяжелое положение. И я вернулся с поля боя с четырьмя солдатами. Что там было! Как я остался невредимым?! Прямо чудо, что я жив и могу писать. Они атаковали нас на лошадях. Сто пятьдесят казаков бросились на мою роту, когда мы перешли реку. Солдаты бежали. Я пытался их остановить, но был сбит с ног и так ушиб колено, что ползком пробирался назад к реке. Говорят, что наша бригада перестала существовать. Если судить по моей роте, то это правда».

...По проселочной дороге к минометной батарее лейтенанта Гаврилова приближались шесть грузовиков с автоматчиками, все в красноармейской форме, на машинах красные флажки. Два молодых казака поскакали навстречу и свалились замертво, расстрелянные в упор.

Немцы! — крикнул лейтенант Гаврилов и подал команду: — Огонь! Грузовики с переодетыми гитлеровцами загорелись. Один полетел вверх колесами, второй завалился на бок. Но тут на казаков на полной скорости пошло пятнадцать танков с автоматчиками на броне. Под гусеницами погиб весь расчет сержанта Зиненко, другой танк раздавил миномет старшины Приходько. Сам Приходько успел выскочить из окопчика, гранатами и бутылками с горючей смесью взорвал два танка и погиб под третьим. Четыре танка подбил сержант Силко. Придерживая рукой развороченный осколком живот, он со связкой гранат пополз к пятой машине и подорвал ее.

Гитлеровцы бросили в бой мотоциклистов с пулеметами. Казаки Кривонос и Савосин встретили их гранатами, парторг Нижник, сержанты Олифиров и Мигашко метали в наступающих четырехкилограммовые мины. Три раза Гаврилов подымал своих воинов в атаку.

Полтора часа не затихала эта кровавая сеча. Нарочный, привезший приказ об отходе, никого из казаков в живых не застал. Вокруг дымились восемь немецких танков, валялось свыше 250 трупов. Пусть батарейцы Гаврилова погибли, но разве они не были в то же время победителями? За эти полтора часа был эвакуирован госпиталь, вывезено ценное вооружение, наши части перегруппировались, изготовились к бою на новом рубеже.

Гитлер публично хвастал, что, не задумываясь, пожертвует несколькими миллионами немецких юношей для завоевания мирового господства. Насчет господства, конечно, не вышло, но своих гренадеров Гитлер, действительно, не щадил. Казаки вырубали гитлеровские полки — немецкое командование гнало на убой новые дивизии. На кавалерийские эскадроны неслись колонны танков. Весь день сыпали бомбы «Юнкерсы». Шаг за шагом бои перемещались в горные леса, на хребты. Для конницы эти места невыгодны, в теснинах ей делать нечего. Для казаков восточная часть театра военных действий была несравненно более подходящей — моздокские степи, песчаные буруны Ставрополя. В этот район мы и перебросили казачьи полки. Там, ничем не стесненные, на просторах хаживали кубанцы и донцы в дальние рейды, свершая месть в немецких тылах, под самым Буденновском громили корпус «Ф», сформированный для завоевания Египта и торопливо брошенный на Северный Кавказ.

Конников на западном участке фронта сменили наши стрелковые части 47-й и 18-й армий. Теперь на нехоженых лесных тропах, на горных карнизах рубеж заняли гвардейцы Аршинцева, солдаты Героя Советского Союза Привалова.

День ото дня возрастало значение Туапсе, особенно в связи с событиями на крайнем левом фланге у Новороссийска.

В первых числах сентября 1942 года ударная группа немцев (четыре пехотных, две кавалерийских дивизии и три отдельных танковых батальона) начала наступление на Новороссийск. Одновременно противник высадил десант на Таманском полуострове. В ночь на 7 сентября завязался ожесточенный бой на северо-западной окраине Новороссийска и в поселке Мефодиевский. Сражение длилось весь день и только в сумерках закончилось победой черноморцев. С утра гитлеровцы возобновили атаки. Их танки прорвались на юго-восточную окраину Мефодиевского и на базарную площадь, но снова вынуждены были уйти.

Два дня спустя, после многократных массированных налетов авиации, немецкие танки и две пехотные дивизии вновь штурмовали поселок, обойдя город со стороны перевала Маркотх. С особой яростью бой разгорелся ночью. На заре наши войска отошли на первый километр приморского шоссе, в район цементного завода «Октябрь».

Геббельс надрывался у микрофона: «Ворота кавказского побережья в наших руках». Но главарь гитлеровской пропаганды соврал. Хотя фашисты и заняли Новороссийск, фактически хозяевами израненного города

оставались наши войска. Они, в буквальном смысле слова, регулировали уличное движение города. Артиллерийские батареи своим огнем парализовали движение автоколонн и отправляли на дно морское любое судно, осмелившееся сунуть нос в Цемесскую бухту.

Однажды мне довелось быть на батарее старшего лейтенанта Давиденко, когда наблюдатель доложил:

— На станции замечено большое скопление немецких войск.

— Пора, пожалуй, открыть огонь, — решил командир.

Я не возражал. Последовала команда: «Беглый огонь!» В результате — разбитые вагоны, обломки рельсов, камень, металл, трупы...

Помнится, как гитлеровцы в отместку пустили свою авиацию. 28 пикирующих бомбардировщиков волнами бомбили наши батареи. Они сбросили 460 бомб. Взрыли вокруг артиллерийских позиций всю землю, подожгли последние остатки еще две недели назад непроходимого леса. Но вот взошла луна, и, как ни в чем не бывало, снова заговорили наши орудия. Корректировщик сообщил, что цель накрыта.

«Регулирование уличного движения» в Новороссийске — лишь одна, но не основная задача артиллеристов из дивизиона севастопольского героя Матюшенко.

В пору беспрестанных сентябрьских и октябрьских боев батареицы вместе с морской пехотой приковали немцев к первому километру шоссе. Они поддерживали пехотинцев в тяжелых боях, преграждали путь врагу и прокладывали своим дорогу в наступлении.

Немецко-фашистское командование, наступая на юге, в предгорьях Кавказа, придавало новороссийско-туапсинскому направлению особо важное значение. Пройдет время, и военные историки, кропотливо анализируя все факты, тщательно взвешивая все «за» и «против», установят, правильно ли в тактико-оперативном отношении поступили Клейст и его начальник штаба генерал фон Грейфенберг, отдавая туапсинскому направлению явное предпочтение перед моздокско-грозненским. Но тем не менее, это неоспоримый факт.

Что касается оперативных работников штаба Закавказского фронта, то мы считали это грубым просчетом немецкого командования и пришли к выводу, что такая оценка обстановки и такое решение противника должны привести фашистские войска к поражению на всем Закавказском фронте.

Почему же все-таки командование противника предпочло Туапсе Грозному? Прежде всего, из-за своей непоколебимой и твердой приверженности теории Шлиффена, той модернизированной пруссаками «теории Канн», которая легла в основу военной стратегии и тактики немецко-фашистского командования.

Дело в том, что выходом на Туапсе противник разрезал бы Черноморскую группу наших войск пополам и окружил бы две армии — 56-ю и 47-ю. Стремление окружить и уничтожить эти армии и продиктовало командующему группы армий «Юг» его «туапсинский план».

Это был тщательно разработанный план. Покрытые лесом предгорья Западного Кавказа имели в этом месте самый удобный проход к морю — железную дорогу Майкоп — Туапсе. Бросив на эту дорогу ударный кулак, немцы рассчитывали одним броском захватить Туапсе и завершить окружение и разгром всего левого фланга Черноморской группы.

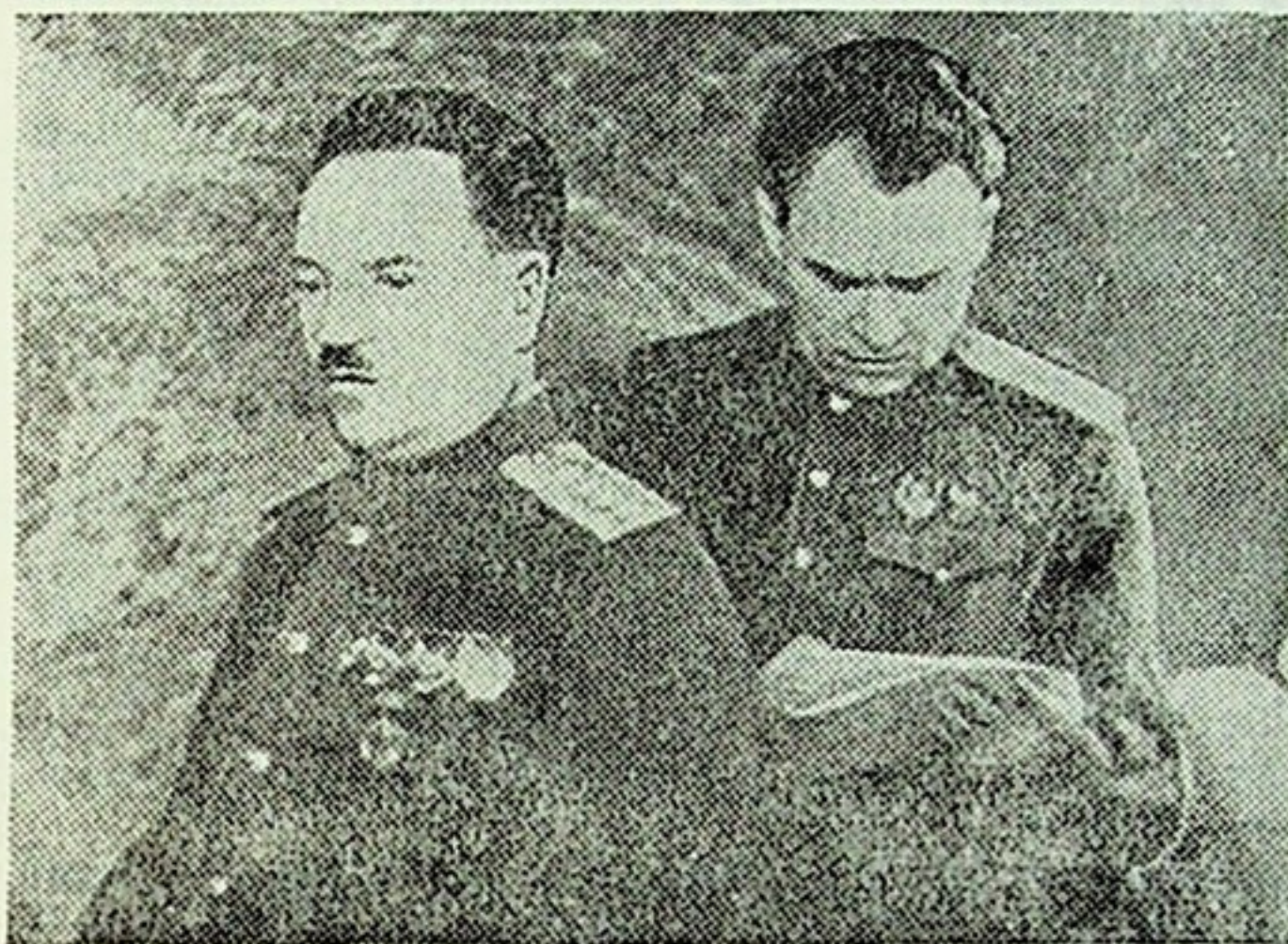
У немцев тут было одно большое преимущество. Они наступали с севера и, следовательно, имели самую широкую возможность маневрировать крупными массами войск по Кубанской долине. Кроме того, в распоряжении немецкого командования было много превосходных путей подвоза. У нас же, наоборот, ни свободы маневра, ни достаточных путей подвоза не было, так как наши войска стояли среди лесистых гор, доходящих в этих местах до самого моря.

Наше положение затруднялось еще и тем, что, помимо железной дороги Майкоп — Туапсе, немцы могли выйти к Туапсе несколькими обходными путями, лежащими через долины Псекупс и Пшехская. Это неизбеж-

но должно было распылить наши силы на несколько направлений и все время держать войска в состоянии крайнего напряжения. Учитывая свои сильные стороны, немецкое командование в то же время недоучло сильную сторону наших советских войск и прежде всего оборонительного района Туапсе.

Севернее Туапсе у нас имелось четыре исключительно хороших оборонительных рубежа. Это были естественные рубежи — система лесистых гор разной высоты, отлично прикрывающих город со всех сторон: первый, внешний, рубеж — гора Оплепен, гора Гунай, гора Гейман, Елисаветпольский перевал и Сарай-гора; эти горы выше всех впереди лежащих высот на 300 — 400 метров и поэтому весь рубеж мог господствовать над местностью; второй рубеж — ряд высот, хребет между реками Гунай и Пшиш; третий — горы Два Брата, Семашхо, Индюк, Гойтхский перевал, — на этом рубеже противник

1942 год. Генерал армии Тюленев и генерал-майор Вершинин на командном пункте под Туапсе.

имел возможность обходов и охватов по множеству ущелий, балок и троп; наконец, четвертый, самый близкий к городу рубеж — гора Псеиф. Большая и Малая Псеушхо, Заповедный, гора Невед, туапсинский обвод.

Все эти рубежи, точно огромные концентрические круги, охватывали город Туапсе.

Немцы не учли и возросшую способность наших войск к сопротивлению, и то, что рокадную магистраль нам заменял Черноморский флот, господствовавший на море. Флот обеспечивал бесперебойную работу тыла и опера-

тивные перегруппировки для Черноморской группы войск.

Эта недооценка противником наших возможностей превращала план его осеннего наступления на юге в авантюру. Тем не менее немецко-фашистские войска наступали на Туапсе с исключительным ожесточением и упорством.

После разгрома 3-й румынской горно-стрелковой дивизии, пытавшейся обходным маневром выискать лазейку для прорыва в сторону Геленджика и дальше по Кавказскому побережью, немецкое командование снова приказало наступать на Туапсе, не считаясь ни с какими потерями.

Выше я говорил, что советские войска, действовавшие на туапсинском направлении, располагали весьма выгодными позициями и поэтому имели серьезное преимущество перед противником. Споры нет, господствующие высоты — дело очень ценное, но это ни в коем случае не могло компенсировать отсутствия проезжих дорог, трудностей с подвозом боеприпасов и продуктов, недостатка порой самых простых инструментов для фортификационных работ.

Фашисты наступали со стороны кубанской долины; они имели специально обученные дивизии, приспособленные для действий на горном и лесном театре, разветвленную систему железных и шоссейных дорог, обилие снарядов, продовольствия и неограниченные возможности маневра.

Первый таранный удар противник наносил из района Хадыженская по шоссе и по железной дороге Майкоп — Туапсе. К чести наших офицеров, больших и малых военачальников, следует сказать, что они не сочли для себя зазорным заранее посоветоваться со стариками-кавказцами, охотниками, лесничими, пастухами. Старожилы показали все ущелья, ко-

торые надо было прикрыть огнем. Они помогли советами нашим солдатам и научили их хитрой «лесной и горной жизни». На деревьях солдаты и колхозники сделали тайные гнезда для снайперов-автоматчиков.

Мне рассказывали, как рядовой Пономарев, скрываясь в ветвях кряжистого дуба в 250 метрах впереди своей роты, подпустив разведку противника из четырнадцати егерей, перестрелял тринадцать из них. Четырнадцатый забился головой в валежник — его снайпер приволок живьем. В другой засаде сержант Николай Забродин расстрелял из автомата более пятидесяти фашистских солдат.

Озлобленные долгими, бесплодными попытками пробиться на юг, гитлеровцы решили не просто взять Туапсе, а добиться его окружения. Для этого противник не жалел сил. На небольшом участке он ввел в бой девять немецких дивизий (из них четыре горно-стрелковых), шесть румынских и одну словацкую, пять отдельных высокогорных полков и десять отдельных батальонов. Условия местности крайне ограничивали действия танков и их активно заменяла авиация. План создания малого кольца окружения предусматривал прорыв наших позиций в районах горы Лысой и хутора Шугай, выход к станции Навагинская и окружение советских частей, оборонявших высоту 356,3, Первомайский, Белую Глину. Большое кольцо должно было зажать наши войска, защищавшие треугольник — гора Гунай, разъезд Куринский, селение Шаумян. Немцы пытались рассечь фронт и на самурско-лазаревском направлении с целью перерезать железную дорогу Сочи — Туапсе.

Бои в районе Туапсе развивались медленно. Местами противнику удалось продвинуться на полтора — два десятка километров, овладеть некоторыми высотами, вклиниться в правый фланг нашей обороны. На основном же рубеже (Котловина — Гунайка) немцы терпели неудачу за неудачей. В силу этого нередко наступало затишье. Враг приводил в порядок свои части, отражал контратаки наших войск, а затем снова переходил в наступление.

Ефрейтор Гаустейн, участник польской и балканской кампаний немецкой армии, занес в дневник о боях под Туапсе следующее:

«1 октября. После длительных поисков я вчера прибыл на позиции своей роты. 23 человека лежат в своих ямах. Да, здесь за последние три дня наша рота понесла тяжелые потери. Я здороваюсь с немногими старыми товарищами и рою себе окопчик. Проходит немного времени — и русские начинают обстреливать высоту. Бьют минометы. Опять старая песня. Над нами самолеты, перед нами вершины Кавказа, а под нами ямы в зарослях густого дубняка. Приказано удерживать позиции. Дикая стрельба, на пять метров ничего не видно. Трудно вообразить себе всю ожесточенность борьбы в этих горных лесах. Мы то наступаем, то отступаем, и когда все это кончится?»

С середины октября гитлеровцы довольно быстро перегруппировались, атаковали с юга селение Шаумян и захватили станцию Навагинская и перевал Елисаветпольский. Части 1-й и 4-й горно-стрелковых дивизий гитлеровцев при поддержке большого количества горной артиллерии и минометов, под прикрытием сотни бомбардировщиков, устремились дальше на юг в направлении Гойтх — гора Семашко. Вдоль шоссе к селению Индюк подвигались части 101-й немецкой егерской дивизии.

Восемь тысяч снарядов выпустили немцы по Безымянной горе, шестьдесят раз бомбили ее. На склонах, где столетиями стоял никем не потревоженный лес, торчали одинокие, истерзанные деревья с расщепленными обгоревшими стволами. Сама гора как будто стала меньше, ниже. В бездну полетели тысячи пудов гранита. Но гарнизон высоты жил, гарнизон дрался...

Тридцать семь молодых бойцов под командованием лейтенанта Матросова приняли ночной бой с 300 немцами.

Сквозь кустарник засверкали огоньки. Разведчики сообщили: немцы идут в «психическую» атаку — с электрическими фонарями на шее.

— Бить по фонарям! — приказал Матросов. Бойцы расположились так, чтобы взять атакующих в огневой мешок, и ждали пока «иллюминированная» орда подойдет поближе.

Все ярче сверкают фонари. Немцы уже близко. Грянул первый выстрел, за ним последовали очереди пулеметов и автоматов. Тускнела «иллюминация», но немцы все шли. Тогда Матросов поднял своих воинов в контратаку. Эхо разнесло русское «ура». Штыком, прикладом и гранатой уничтожали врага советские солдаты. Гитлеровцы не выдержали дружного натиска наших героев и бросились бежать.

Важнейшая высота осталась в руках небольшого отряда гвардейцев. Они были готовы скорее лечь костями на Безымянной горе, чем отдать ее врагу.

На второй день захваченный в плен ефрейтор Фридрих Зуппан рассказал, что из 80 человек его роты после ночного боя осталось только 24. Убиты все офицеры, уцелел один унтер-офицер, который теперь командует ротой.

На правом фланге наши части сами перешли к активным действиям. К моменту разгрома немецких танковых дивизий под Орджоникидзе была освобождена и долина реки Пшиш. В ущелье на густо поросших лесом северо-восточных скатах горы Семашхо попало в окружение до двух батальонов противника.

За потерю удобной минуты в бою судьба всегда мстит жестоко. Так случилось и здесь. Истреблению окруженных гитлеровских батальонов как-то не придали особого значения — и медлили с этим делом. Немцы разведали наиболее уязвимое место в нашей обороне и силами только что подошедшей пехотной дивизии прорвали блокаду извне. В образовавшуюся брешь противник сразу бросил пять полков с горной артиллерией и минометами. Как обычно, в воздухе все время находились вражеские пикировщики. На вновь образовавшемся семашхском плацдарме немецкие генералы надеялись поквитаться за поражение под Орджоникидзе и все предыдущие туапсинские неудачи.

Но время уже было не то! Закавказский фронт располагал резервами и умел быстро маневрировать ими. Наша стрелковая дивизия начала наступление на высоту с отметкой 394,7. Ей навстречу на юго-восток с кровопролитными боями двигалась наша специально обученная горная часть. Сомкнув свои фланги, они накрепко перехватили вражеские коммуникации, шедшие к горам Семашхо и Индюк. Подвижные отряды (численностью от роты до батальона) сшибали врага с господствующих высот, захватывали опорные пункты. Природные условия не позволяли создать сплошную линию позиций, непрерывного фронта здесь не было.

Противник полностью потерял инициативу. Не добившись ничего своими прорывами на Семашхо, его отборные горные войска оказались под угрозой полной изоляции.

С 20 ноября гитлеровцы принялись торопливо возводить на высотах долговременные укрепления из камня, бетона и земли. Вокруг них строились окопы для стрелков, отрытые до полного профиля и соединенные ходами сообщения. Впереди и на флангах фашистские войска закладывали минные поля, ставили проволочные заграждения в пять и более колеб. Укрепляясь, они однако не оставляли надежд захватить Туапсе.

Сосредоточив в селениях Апшеронская, Ширванская, Нефтегорск, Хадзыженская крупные силы, фашистские войска вновь двинулись в наступление на Туапсе.

Это наступление началось массированными авиационными ударами по городу и близлежащим дорогам. Трудно описать все то, что сделали немецкие летчики с Туапсе. Они бомбили его днем и ночью, группами и поодиночке, бомбили методично, с чисто прусской жестокостью и педантизмом.

На тихие улочки, где еще недавно белели чистые, словно-игрушечные, домики, обрушились тысячекилограммовые фугасы, сотни зажигательных бомб, тяжелые бочки со смолой и с нефтью. Фашисты терзали, уродовали, мучили многострадальный приморский городок, точно мстили его защитникам за их мужество, упорство и стойкость.

В течение двух—трех недель в Туапсе все было перевернуто вверх дном: вместо домов высились груды камней и бревен: там, где ранее бла-

гоухали цветники, зияли огромные воронки и рыжей россыпью кирпичей багровели обрушенные стены; в порту не прекращались пожары и пенные волны плескались в пробойнах разбитого мола. Над городом стояла густая туча черного дыма...

В первые же дни жестоких вражеских налетов жители стали покидать город. Нагруженные домашним скарбом, ведя за собой плачущих детей, они уходили в Грузию. Город опустел. Дымный, почерневший, он, как тягостное видение, стоял на приморской дороге. Здесь оставались только моряки. Я видел однажды на рассвете картину, которая навсегда запечатлелась в моей памяти: пустые разбитые улицы, хаос перепутанных телеграфных проводов, зарево пожаров, от которых море казалось кровавым. И среди этого царства смерти — морской патруль: четыре матроса с винтовками... Они шли по городу, лица у них были суровые, и по каменным торцам мостовой звучно пробивали шаг их башмаки...

15 сентября газета Клейста «Панцер форан» писала о скором падении Туапсе.

«Близится падение Сталинграда и Туапсе. Завершаются операции в Кабарде и на Тереке. Разбитые, но еще упорствующие остатки советских войск отошли по ту сторону северо-западной части Главного Кавказского хребта, прижаты к побережью Черного моря и, по сути, держатся на нескольких прибрежных горных пунктах. Москва и Лондон с беспокойством следят за продвижением германских войск в глубь Кавказа. В советских сводках отмечается, что положение на Кавказе становится весьма серьезным, гораздо серьезнее, чем когда бы то ни было».

На рубежах туапсинского направления оборонялись доблестные бойцы 18-й армии генерала Гречко и 17-й казачий кавалерийский корпус, а также моряки гарнизона ТОРа (Туапсинского оборонительного района) во главе с контр-адмиралом Жуковым.

Последовал второй наш контрудар — с востока, запада и с юга. В непогоду, в проливной дождь, а потом в снежную метель пехотинцы изгоняли немцев из их укреплений. За несколько дней противник потерял убитыми 5000 солдат и офицеров. Яростные бои на истребление врага продолжались. Это было предвестием нашего большого генерального наступления.

В ночь на 17 декабря немцы стали в беспорядке отходить за горную реку, бросая вооружение и боеприпасы.

Почти двое суток лил дождь. Горные речки набухли, разлились, зашумели мутными потоками. Потом ударил мороз. Буран перехватывал дыхание. Все покрылось толстой коркой льда — и обрывистые тропы, и промокшие шинели. Пехотинцы скользили по гололобым склонам, шли сквозь сугробы. Прочь летели вещевые мешки и банки с консервами. Пушки продвигались вперед на натруженных руках, на сбитых плечах. В местах, где раньше никогда не бывал человек, зарокотали моторы танков. Наконец, наши войска вырвались из горных теснин, перемахнули через снежные хребты и мощным потоком устремились в долину.

Необходимо отметить характерные особенности наступательных действий на туапсинском направлении. Противник, например, несколько раз менял тактические приемы своего маневра. Так, 25 — 26 сентября он частями 101-й горно-стрелковой дивизии пытался наступать из района Хадыженская в направлении Первомайского, нанося удар в лоб с целью прорыва обороны 32-й гвардейской стрелковой дивизии, и одновременно развивал наступление вдоль Туапсинского шоссе. Благодаря стойкости 32-й гвардейской стрелковой дивизии, попытка противника успеха не имела, и он, понеся большие потери, отказался от лобового удара.

В дальнейшем немцы перешли к форме малых и больших «клещей», осью которых было Туапсинское шоссе. Так, наступая от горы Лысая и Шугая, на Навагинскую, они как бы малыми «клещами» пытались окружить и уничтожить нашу группировку в районе Навагинская. Ударом из района горы Лысая на Котловину, Гунайку, гору Индюк и из района Горячий Ключ на Фанагорийское, Садовое, а затем на Шаумян — противник как бы большими «клещами» пытался сжать шаумянскую группировку нашей 18-й армии.

Однако немцы, хотя и имели некоторый тактический успех, основной цели все же не достигли, так как окружить и уничтожить наши группы ровки им не удалось. Отказавшись от «клещей», они в дальнейшем продолжали наступление, стараясь овладеть отдельными узлами сопротивления нашей обороны вдоль железной дороги и шоссе Хадыженская — Туапсе, нанося удар с юго-востока.

При наступлении на туапсинском направлении активно действовала вражеская бомбардировочная авиация. В первой половине сентября против Черноморской группы войск было брошено до 120 бомбардировщиков, а к концу сентября, то есть к началу наступления противника на туапсинском направлении, — уже до 350 самолетов-бомбардировщиков. Авиация противника базировалась в непосредственной близости к фронту в районах Майкоп, Белореченская, Краснодар, Крымская, Керчь и действовала не только по тылам, портам и коммуникациям, но и по боевым порядкам Черноморской группы войск.

Исключительно важное значение придавалось воздушной разведке и организации взаимодействия авиации с наземными войсками. Разведывательная авиация задолго до начала наступления, с раннего утра и до позднего вечера непрерывно производила разведывательные полеты над нашими оборонительными рубежами, боевыми порядками войск, дорогами и портами Черноморского побережья, ведя наблюдение и аэрофотосъемку.

* * *

С целью поддержать свое наступление на туапсинском направлении, противник частями 46-й пехотной дивизии пытался наступать на самурско-лазаревском направлении. В случае удачи с выходом в район Лазаревское, он закрывал единственную шоссейную дорогу Туапсе — Сочи, чем мог нарушить питание всей Черноморской группы. Учитывая такую возможность, командование Черноморской группой войск по указанию штаба Закавказья в начале сентября 1942 года создало группу войск лазаревского направления в составе 31-й стрелковой дивизии, 691-го стрелкового полка, 383-й стрелковой дивизии, 11-й гвардейской кавалерийской дивизии под командованием генерал-майора Гайдукова.

В течение октября и первой половины ноября на лазаревском направлении шли ожесточенные бои, в результате которых наши войска нанесли противнику значительные потери и остановили его наступление.

А что происходило на фанаторийском направлении? 23 сентября авиация противника, резко повысив свою активность, к 11 часам сделала свыше 100 самолето-вылетов, действуя по боевым порядкам наших оборонявшихся частей. Одновременно мелкие группы противника начали просачиваться из района Горячий Ключ на высоту 308,1. На следующий день до полутора полков 198-й пехотной дивизии, поддержанных значительным количеством авиации и артиллерии, перешли в наступление в общем направлении на Безымянное. Продолжая дальнейшее наступление с 1 по 8 октября, противник овладел Фанаторийским, но фланговым ударом 83-й мотострелковой бригады и 26-го полка НКВД был отброшен к горе Фонарь с большими для него потерями.

Так начались бои на этом направлении, продолжавшиеся почти до конца ноября.

Благодаря исключительному упорству, беззаветной преданности, смелости и героизму наших войск, наступление противника и на этом направлении было также остановлено.

Обращают на себя внимание некоторые характерные особенности наступательных действий немецких войск в горно-лесистой местности. Противник после предварительных авиационных налетов и бомбовых ударов применял короткий огневой налет всей системой артиллерийского, минометного и автоматического оружия по боевым порядкам наших оборонявшихся частей, после чего переходил в атаку пехотными частями. Наступление, как правило, велось небольшими группами — усиленный взвод,

рота и батальон, — действовавшими по отдельным направлениям вдоль горных троп и рек с целью захвата господствующих высот, перехвата рокадных дорог, а также узлов дорог в глубине нашей обороны. Вне дорог обычно действовали отдельные группы автоматчиков, усиленные легкими минометами и саперными частями для расчистки троп. Эти группы старались выйти на фланги и в тыл наших войск, на пути подвоза, чтобы создавать здесь панику.

Ожесточенные бои на туапсинском направлении, в ходе которых противник трижды пытался прорвать оборону наших войск, продолжались до середины декабря 1942 года. В этих боях войска Черноморской группы Закавказского фронта, которой командовал генерал И. Е. Петров, отразили все атаки противника и, нанеся ему контрудар, разгромили его ударную группировку, стремившуюся прорваться к Туапсе.

После ожесточенных трехмесячных боев немецкие оккупанты потеряли на этом участке свыше двадцати пяти тысяч солдат и офицеров.

В боях на Черноморском побережье и особенно в районе Туапсе большую помощь сухопутным войскам оказал Черноморский Краснознаменный флот, которым командовал вице-адмирал Октябрьский. Военно-морские силы, возглавляемые и координируемые адмиралом И. С. Исаковым, помимо своей основной задачи — уничтожения надводных и подводных средств противника на море, обеспечивали своевременную перегруппировку войск Закавказского фронта с одного фланга на другой. Только за сентябрь — ноябрь месяцы 1942 года черноморцы под непрерывной бомбежкой врага перебросили на своих кораблях свыше пятидесяти тысяч солдат, свыше шестидесяти тысяч тонн всевозможного груза. Эта боевая работа Черноморского флота свидетельствует о тесном взаимодействии сухопутных и морских сил в битве за Кавказ. Несомненно, без помощи Черноморского флота крайне необходимую перегруппировку войск с одного фланга на другой, при наличии фронта протяженностью в 1.000 км и отсутствии рокадных дорог, вряд ли можно было осуществить в требуемые обстановкой сроки.

Оборонительные боевые действия Черноморской группы, так же как и Северной группы войск Закавказского фронта, после разгрома противника под Туапсе перерастали в наступательные. Этому во многом способствовала и сложившаяся к тому времени обстановка — успешные сражения наших войск под Сталинградом и Орджоникидзе.

Однако следует заметить, что для наступления Черноморской группы войск обстоятельства складывались не очень благоприятно. Прежде всего, время года — декабрь — январь — время, невыгодное для наступательных действий. Вершины Кавказского хребта в районах предстоящих боевых действий находились под толстым снежным покровом. Дорог в районе сосредоточения войск для наступления не было, их нужно было строить. В это время года по всему Черноморскому побережью температура у моря плюсовая, тогда как в горах она доходила до — 15 — 20°.

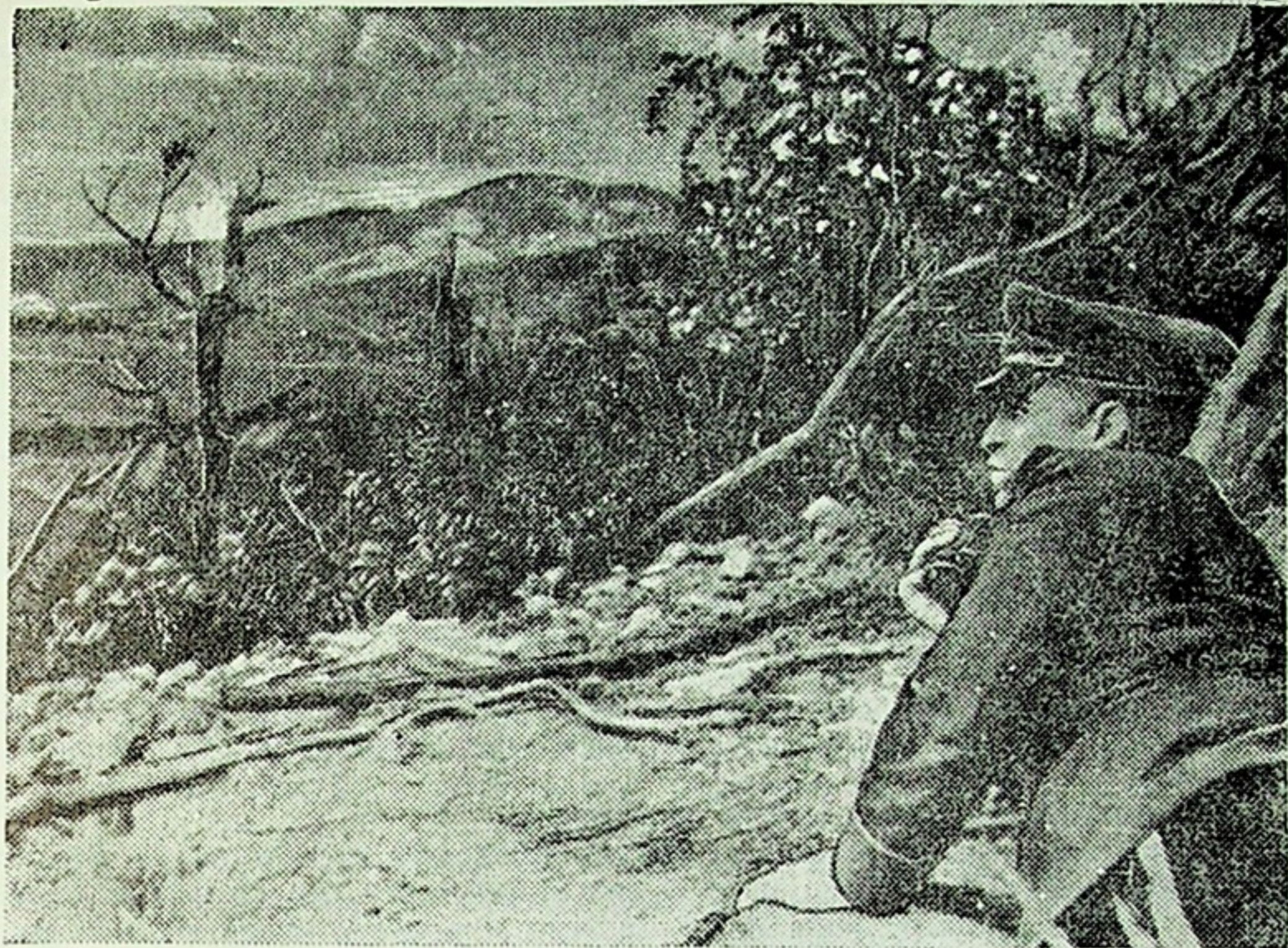
В этой сложной обстановке штаб Черноморской группы войск Закавказского фронта приступил к разработке наступательной операции.

НА ПЕРЕВАЛАХ ГЛАВНОГО КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА

Несколько перевалов ведут с Северного Кавказа к берегам Черного моря, в благодатную долину Риони, к столице Грузии — Тбилиси. Через них кое-где проложены и сносные автомобильные дороги. Но есть и такие, чуть приметные обрывистые тропы, где любой неосторожный шаг может стоить жизни. Вверху — снежные вершины, по сторонам — никем не тронутые леса, внизу — пенные горные речушки.

По путям, пролегающим через перевалы Главного Кавказского хребта, и устремились немецко-фашистские оккупанты. Они мечтали наискорейшей дорогой выйти к берегам Черного моря и во взаимодействии со своими главными группировками войск, наступавшими под Орджоникидзе и Туапсе, овладеть Северным Кавказом, а затем и Закавказьем.

Генерал Леселидзе на наблюдательном пункте.

Оккупанты хорошо разведали горы Кавказа еще задолго до Великой Отечественной войны. Пользуясь широким гостеприимством советских людей, они рядились в альпинистские и туристские наряды и путешествовали по нашим горам.

Теперь разведчики имперского генерального штаба не рядились в костюмы альпинистов. Следа не осталось и от заискивающей вежливости прошлых лет, когда «дядя-путешественник» бросался целовать первого попавшегося босоногого мальчика и отвешивал земные поклоны старикам-горцам. Облаченные в серые мундиры, при железных и рыцарских крестах, вели они теперь отборные егерские дивизии на покорение Кавказского хребта. По случаю столь высокой миссии дюжие баварцы и тирольцы нежно именовались «эдельвейсами» — горными лилиями.

Несомненно, немецко-фашистские оккупанты, двигаясь в глубь Кавказа, питали большую надежду на то, что им удастся обмануть, подкупить какую-то часть населения, склонить его на свою сторону или посеять среди народов Кавказа плевелы розни и раздора. Но вся эта затея с треском провалилась.

В то время, когда в битве за Кавказ нужна была помощь со стороны местного населения, оно, по зову партийных организаций, шло со всех окрестных гор в части Советской Армии. Посланцы народов Закавказских республик, особенно сваны — прекрасные охотники, несравненные альпинисты, были проводниками советских частей, действовавших в горах, указывали им пути обхода флангов и проникновения в тыл врага. Местное население, вьюками или на себе, доставляло в части боеприпасы и продукты питания. Порой эти продукты они брали из своих домашних запасов. Когда же потребовались вьючный транспорт и пошивка специального горного обмундирования для наших горных отрядов, трудящиеся Кавказа по зову своих партийных организаций, незамедлительно решили и эти задачи. Все это вместе взятое во многом облегчало боевые действия наших

частей на перевалах Главного Кавказского хребта и в конечном итоге обеспечило нам победу над немецко-фашистскими оккупантами.

То обстоятельство, что гитлеровцы направили в наступление через перевалы Главного Кавказского хребта специально подготовленные для действий в высокогорной местности кадровые войска, снабженные облегченным вооружением и горным снаряжением, указывает на большое значение, какое они придавали боевым действиям в этом районе. Обстановка, сложившаяся на фронте летом 1942 года, благоприятствовала наступлению немецко-фашистских войск через перевалы, так как войска Северо-Кавказского фронта под напором превосходящих сил врага отходили, оставляя перевалы без прикрытия.

Высланные на перевалы командованием Закавказского фронта части 46-й армии не успели своевременно занять их и организовать там оборону. При этом соединения, выделенные для отражения противника на перевалах, были малочисленны. Они могли отразить немецко-фашистское наступление только при наличии на перевалах прикрывающих подразделений и частей от войск Северо-Кавказского фронта. К сожалению, их там не оказалось, перевалы были оставлены без прикрытия.

Враг воспользовался этим нашим упущением и бросил на перевалы достаточно большие силы. Своим 49-м горно-стрелковым корпусом немецкое командование намеревалось нанести удар в районе Черкаска и через перевалы Главного Кавказского хребта выйти на Черноморское побережье, к Сухуми.

15 августа начались бои на перевалах.

На второй день после начала боев оперативная сводка штаба 46-й армии сообщала: «Положение частей без изменений», то есть противника на перевалах не обнаружено. А 18 августа мне стало известно, что передовые части 1-й и 4-й горно-стрелковых немецких дивизий появились на северных скатах Клухори и на перевале Донгуз-Орун-Баши. Не встречая сколько-нибудь организованного сопротивления, «эдельвейсы» за несколько дней распространились на основных горных путях и завязали бои с обороняющими перевал подразделениями 815-го горно-стрелкового полка 394-й стрелковой дивизии. Одновременно разведка 214-го полка 63-й кавалерийской дивизии вошла в соприкосновение с противником на перевале Донгуз-Орун-Баши.

Для восстановления положения на перевал Клухори были брошены два батальона 815-го стрелкового полка, учебный батальон 394-й стрелковой дивизии, отряд Сухумского пехотного училища (две роты), отряд НКВД (300 человек), 121-й полк 9-й горно-стрелковой дивизии. В 19.00 того же дня для руководства операцией на Клухорский перевал выехал со своим штабом генерал-майор Леселидзе.

Итак, в период с 18 по 30 августа продолжалось выдвижение и сосредоточение основных сил 46-й армии к перевалам Главного Кавказского хребта.

В связи с создавшейся реальной угрозой вторжения немецко-фашистских войск в Западную Грузию, 27 августа я выехал в штаб 46-й армии в Сухуми. На месте было установлено, что противник упредил части 46-й армии и занял перевалы Клухори и Санчаро и подошел к Белореченскому перевалу. Вот оно, печальное следствие того, что командование 46-й армии и ее штаб неправильно организовали свои действия по обороне Главного Кавказского хребта; они не стремились к активной борьбе за перевалы на северных склонах гор, ограничивались высылкой на перевалы небольших отрядов под командой малоопытных командиров, потеряв к тому же с ними связь. При этом плохо было организовано снабжение войск боеприпасами, продовольствием и обмундированием.

Так, например, 220-й полк 63-й кавалерийской дивизии в пешем строю вышел из Хаиши на перевал Клухори. Полк был снабжен продовольствием только на три дня. До 27 августа к месту назначения он не прибыл. И так как командование дивизии не удалось организовать связь, местонахождение полка не было известно в течение семи суток.

041036740
80000000000000

Большой ошибкой командования армии было и то, что оно не установило тесной связи с местными организациями и населением, не использовало их возможностей для усиления обороны и не подготовило транспортных средств к снабжению войск в горных условиях.

Мною были даны конкретные указания по усилению частей, действующих на основных направлениях, и уточнены боевые задачи.

Учитывая возможность проникновения противника также по второстепенным тропам путем обхода выдвинутых на перевалы наших отрядов, я приказал немедленно взять под особое наблюдение дороги: Ткварчели — Очамчире; Захаровка — совхоз имени Ильича; озеро Рица — Бзыбь; Красная Поляна — Адлер; Бабук — Дагомыс; Хокуч — Лазаревское. Каждую из них заняла рота пехоты, усиленная саперами со взрывчатыми веществами для взрыва дефиле в случае непосредственной угрозы занятия противником этих дорог. Одновременно я дал указание немедленно приступить к взрывам и завалам не обеспеченных нашей обороной троп, которые могут быть использованы противником.

Необходимо было в самый кратчайший срок создать гарнизоны в Очамчире, Сухуми, Гудаута, Гагра, Адлере и Сочи, как резервные силы в помощь частям, выдвинутым на перевалы, и иметь в составе каждого гарнизона подвижные отряды — не менее усиленной роты в полной готовности к выполнению боевых задач. Необходимо было также немедленно приступить к формированию отрядов бойцов-альпинистов, отобрать в них наиболее здоровых и обученных бойцов и командиров и инструкторский состав из общества альпинистов.

Большое внимание мы уделили и организации бесперебойного снабжения боеприпасами, продовольствием и теплым обмундированием всех войск, выдвинутых в горы, для чего потребовалось создать в узлах дорог на важнейших направлениях запасы, рассчитанные на срок не менее месяца. Для обеспечения подвоза на каждом направлении с помощью местных жителей формировался вьючный транспорт.

Из окрестных горных сел в части стали прибывать проводники, которые прекрасно знали не только дороги и тропы, ведущие на перевалы, но и природные особенности Кавказских гор. Проводники-сваны нехожими тропами выводили наших бойцов в тыл немецким егерям. Бои перемещались все выше в горы и велись с большим ожесточением. Штурмом было взято горное селение Псху, освобожден перевал Санчаро, гитлеровцев изгнали с Клухори...

Предоставим слово самим немцам — пусть они расскажут, что испытали после наших первых ударов, обрушившихся на них в горах.

Обер-фельдфебель Георг Шустер (полевая почта 05601) 29 августа 1942 года писал жене в Дюссельдорф:

«Да, моя милая Хилли, хороши горы в мирное время, но на войне нет ничего хуже их. Тут нет уже тяжелого вооружения и танков. Тут пехотинцу самому винтовкой и пулеметом приходится добиваться своего. Приказать это легко, а выполнить приказ невозможно...»

Но чем выше взбирались наши бойцы, тем труднее становилось доставлять им патроны и продукты питания. Киркой и аммоналом пробивали себе тропы вьючные караваны. Двенадцать дней и двенадцать ночей шли они от южного приморского города до места назначения.

Окончание следует

Вл. Мачавариани

Из французских записей

Фото автора.

Лето в Европе было пасмурным, дождливым. ТУ-104, на котором мы летели во Францию, снижаясь над аэродромом Бурже, плыл в сплошном молочном тумане.

В начале августа в Париже было удивительно пусто и безлюдно. Дождь дождем, прохлада прохладой, а парижане все же стремились за город, подальше от столичного шума. Уезжали кто куда и кто как мог. В роскошных лимузинах, потрепанных «Пэжо», поездами, на мотороллерах, а то и просто пешком.

Но Елисейские поля, Большие бульвары в вечерние часы были заполнены туристами. Они шли то молча и сосредоточенно, то разглядывая друг друга, то останавливаясь перед оформленными с большим вкусом витринами магазинов.

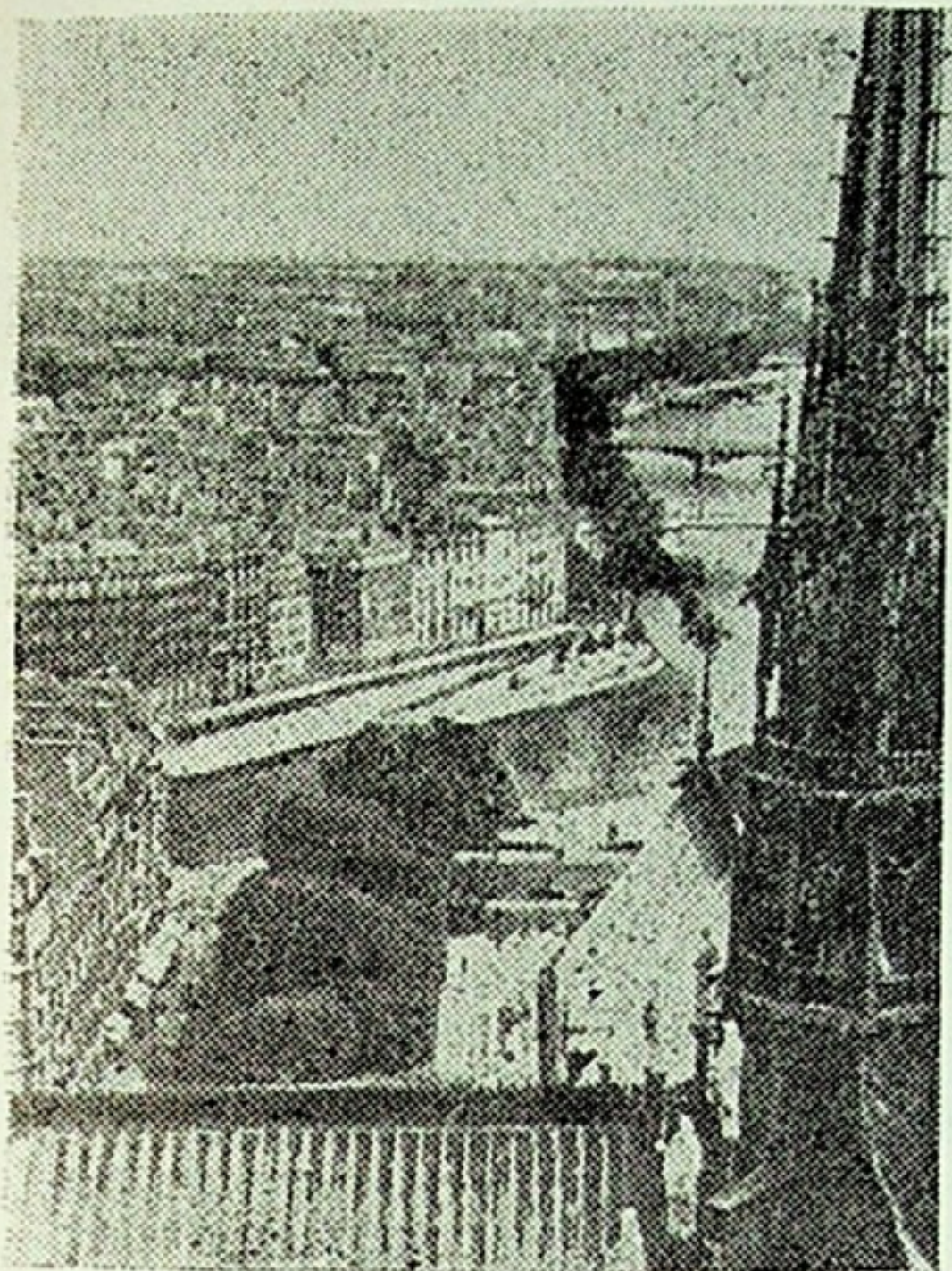
Я не был в Париже более 30 лет. В последний раз я видел этот неповторимый по своей красоте город в 1927 году, когда в Париже был Маяковский. И сознание того, что где-то здесь, рядом, по одним с тобой улицам шагал великан советской революционной поэзии, гордость моего поколения комсомольцев, наполняло душу особой радостью.

...Сейчас я бродил по Парижу, по его большим площадям, бульварам, набережным, воскрешая в памяти впечатления юности, — вспоминая веселость (как мне тогда казалось), какую-то нескрываемую беззабот-

ность парижан, после возвращения Эльзаса и Лотарингии, после подписания договора в Компьенском лесу, — вспоминая Францию двадцатых, тридцатых годов нашего века.

Но в этот приезд мне все более казалось, что Париж изменился, стал грустным, обремененным заботами, какими-то тяжелыми думами и мыслями. Центр города, Ситэ, мне невольно представлялся большим музеем, где собраны великолепные творения человеческого гения, а люди, в нем живущие, — живыми экспонатами музея; мне мерещилось, что букинисты и рыбаки на набережных Сены, да и толпа, поющая «Ave Maria» в день Успенья в Соборе Парижской богородицы, — это очень одаренные, талантливые актеры, которые из века в век играют одни и те же хорошо заученные роли. Гиды, сопровождавшие нас по Лувру, залам Версальского дворца, по большому и малому Трианону, рассказывали о Людовиках, их женах, любовницах, Мари-Антуанетте, мадам Пампадур, Наполеоне, Жозефине таким тоном, как будто они расстались с ними всего несколько минут назад. Они, по-видимому, так устали от непрерывного общения с тенями прошлого, что в их сознании совершенно стерлись чувство времени и ощущение пространства, и только бутылочка «Кока-колы», которой их угощали туристы, способна была, казалось, вернуть

Париж. Набережная Сены

их в сегодняшний день, во Францию, полную новых забот, новых задач, новых огорчений и радостей.

Эту новую Францию явственно чувствуешь и видишь в знаменитых пригородах Парижа, в рабочих, пролетарских районах города, в маленьких кафе, ресторанчиках, бистро, автоматах, на станциях метро, где нетрудно разговориться с людьми в синих беретах, которые никуда не уезжают из города, хотя им-то, в первую очередь, и нужно было бы отдохнуть в лесу, на лужайках, у озер, в горах, на берегу моря. Эти люди умеют трудиться, умеют по-настоящему веселиться, быть жизнерадостными, пересыпать искрящимся, истинно французским юмором свою речь, а где нужно — разить сарказмом и беспощадной иронией.

* * *

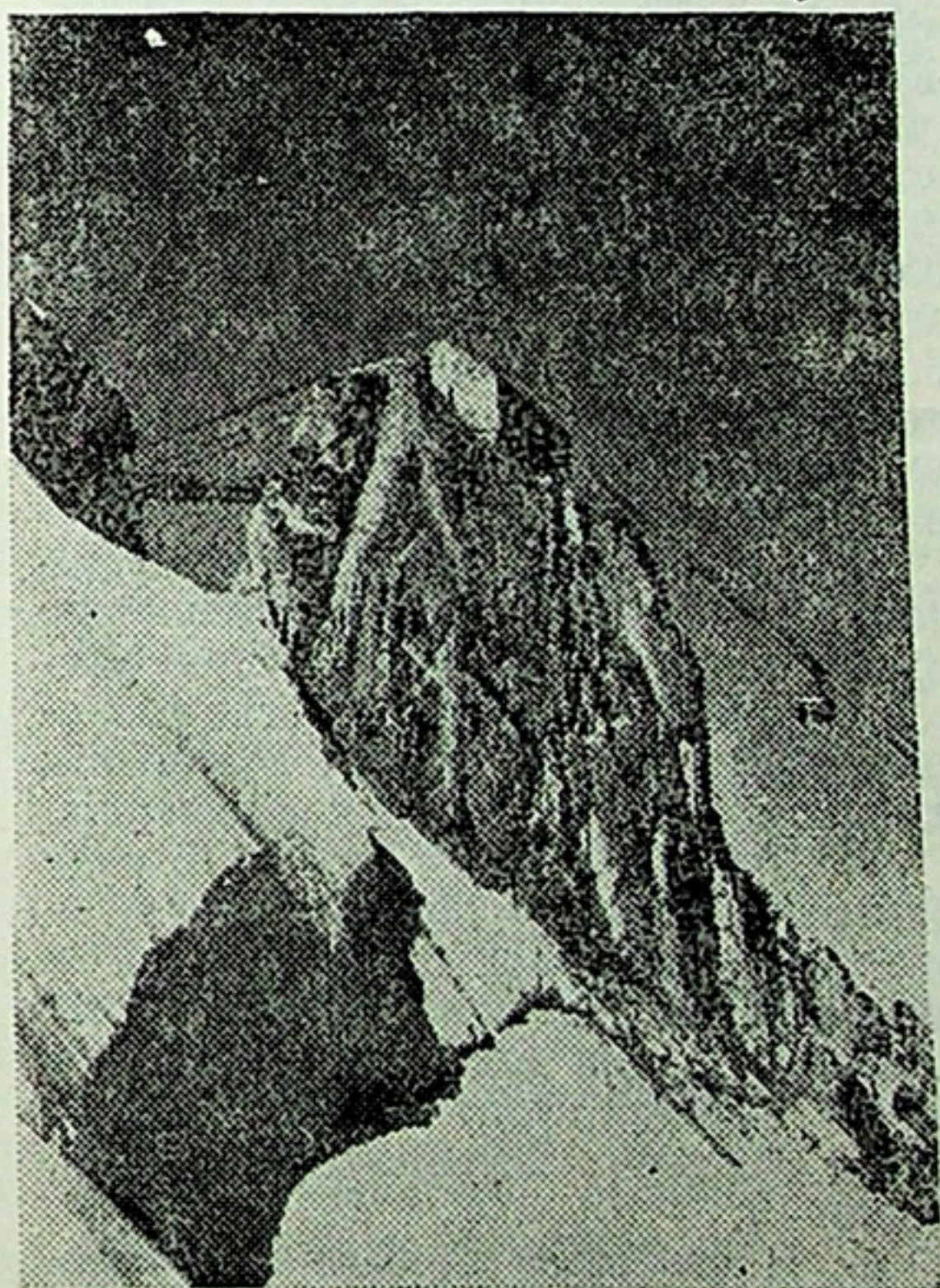
Уже в Шамони, в Верхней Савойе, в прославленном горном курорте французских Альп, за чашкой кофе на веранде несколько экстравагантного кафе на вершине Эгей дю Миди на высоте 3.842 метра, куда мы поднялись за несколько минут по воздушной канатной дороге (такой же, ка-

кая сейчас связывает проспект Ру-ставели в Тбилиси с плато Мтацминда), я разговорился с нашими хозяевами из «Лиги просвещения», по приглашению которой прибыла во Францию наша делегация работников просвещения. Природа была величественна, здесь сходились границы трех Альп — французских, итальянских, швейцарских, пейзаж, подстать нашему Кавказу, только в уменьшенных масштабах. Но человеку, бродившему по Сванетии и пересекавшему на саях великолепные Саяны в морозные декабрьские дни, панорама, открывающаяся с Эгей дю Миди, не могла показаться столь уж поразительной.

Мне очень хотелось поделиться своими первыми впечатлениями о Франции с нашими хозяевами, которые нас окружали почтительным вниманием и чистосердечной учтивостью.

— Почему Париж мне показался грустным, хотя и по-новому великолепным в его не до конца высказанной, словно скрываемой печали, почему вы все так задумчивы? — спросил я.

— Вы правы, мы сейчас очень много думаем, многое переоценива-

Дорога в Альпы.

В ожидании работы.

ем, размышляем о причинах, обусловивших прошлое величие Франции, о ее сегодняшнем дне, о будущем. Франция задумалась — вы нас поймите — у нас есть, о чем думать. Франция задумалась, и, возможно, ушедшая в думы страна показалась вам грустной и печальной. Но нет! Гальский дух в нас живет, нет силы, которая могла бы его убить. Мы — страна Декарта и Вольтера, Раблэ, Корнеля и Расина.

— Советские люди это знают, — ответил я своему собеседнику, — французами были Дантон, Марат, Робеспьер и коммунары, ваше величие не только в прошлом, но и в настоящем, оно чувствуется на каждом шагу, когда ходишь по вашей благословенной земле. Мы знаем, что французы привыкли к дерзаниям, акциям большого исторического звучания. И тем более мне показалось теперь, что вы задумались накануне важных решений. Так ли это?

Мой собеседник задумался, но ничего не сказал — лишь протянул мне пучок эдельвейсов, альпийских цветов, которые в этом поднебесье разносила клиентам по-сибирски румяная и по-французски элегантная кельнерша.

В Шамони я долго гулял в саду большого отеля «Мажестик» с известным французским социологом и публицистом Альбером Байэ. Этот человек прожил большую жизнь, ему пошел девятый десяток, он очень гордится своими встречами с В. И. Лениным.

— Я его знал. Я был много моложе него, да и он был молод, здоров, задирист. Я много спорил с ним, но, признаюсь, я часто бывал им нокау-

тирован. Ленин был беспощаден в споре, но очень внимателен, без тени сомнения и превосходства гения, он был как-то прирожденно вежлив и предельно чуток к оппоненту. Ленин и поза, бессодержательная и красивая фраза несовместимы в моей памяти. Я много и многих видел, наблюдал выдающихся людей этого столетия не спокойного века, но многие всплывают в памяти, лишь как тени, как люди, сделавшие свое дело и ушедшие на вечный покой, а ваш Ленин стремительно жив, он в моем сознании сливается с вашим спутником, несущимся в бесконечном пространстве и в этом порыве как бы увлекающим за собой миллионы людей. Есть разные французы, они по-разному относятся к вашей стране, к Ленину, но мне кажется, все они проникнуты великим уважением и к нему, и к его стране, и к вам, людям, которых иногда мне трудно понять, но которым, должен чистосердечно признаться, я не могу не завидовать. Вам, наверное, многие завидуют сейчас. Вы дерзновенны, вы стремительны, вы торопитесь в будущее. Если бы вы знали, как заразителен ваш динамизм! «О чем думает Франция, о чем она печалится?» — спрашиваете

«Три мушкетера».

вы меня. Нет, она не грустна и не печальна, но она думает свои думы, мечтает, вынашивает планы своих дерзаний, своих порывов.

Я внимательно слушал А. Байэ. И мне не хотелось быть бестактным и назойливым, и объяснять ему, в чем источник наших дерзаний, смысл нашего «беспокойного бытия».

Забрезжил рассвет, и хотя над Сен-Готардом еще и сияла Луна, но вместе с Венерой она уже начинала меркнуть в первых разливах зари. С Востока подымалось солнце. Казалось, что поразительно тихо и спокойно на земле и в небе Франции. Я проводил А. Байэ в номер. Пик Эгей Верт начал окрашиваться в багряно-красный цвет. Не спалось, я ходил по веранде гостиницы, думая о нашем народе, о своей могучей Родине, на которую с понятной завистью смотрят многие люди на старой планете Земле.

* * *

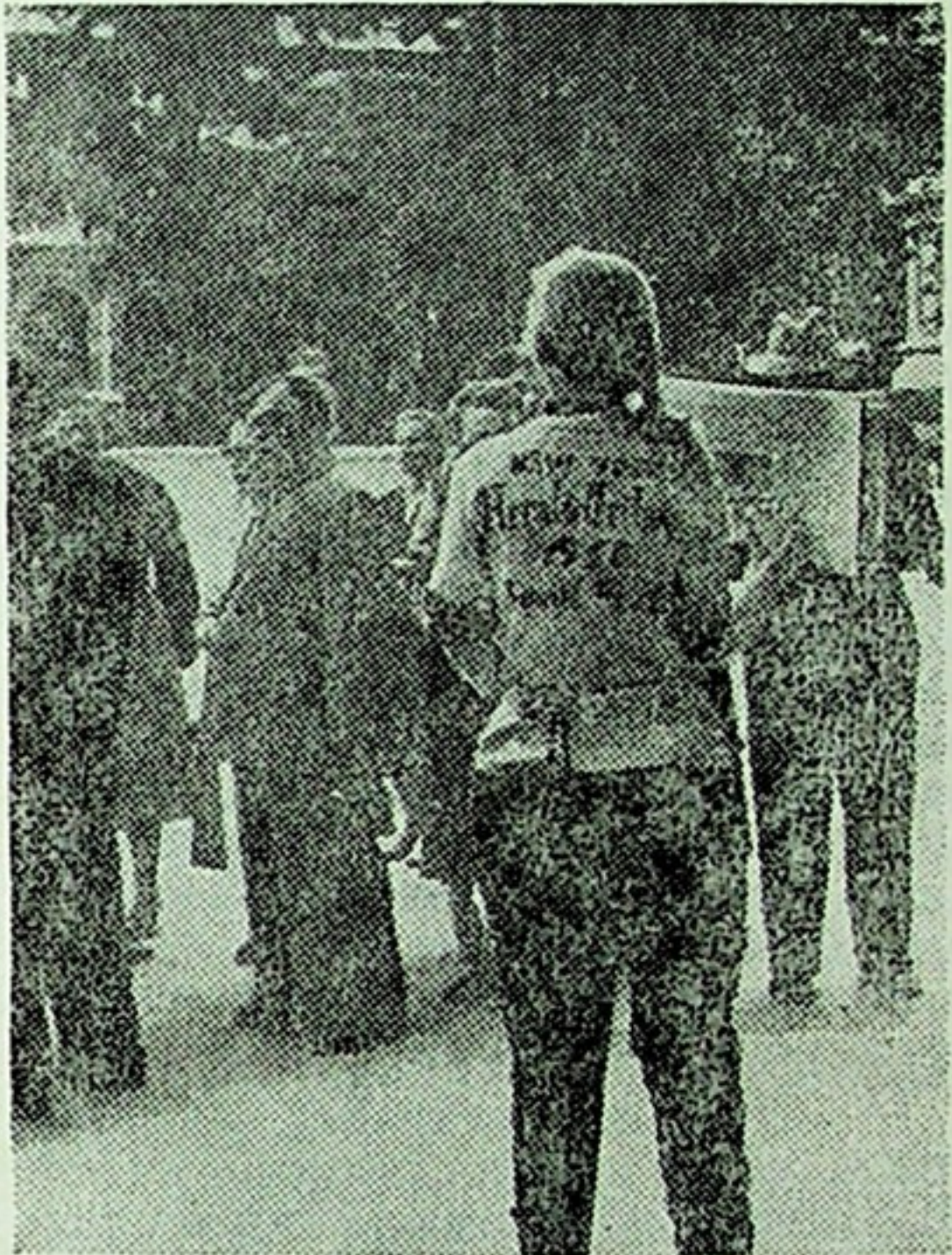
Затем я побывал в Нормандии, в департаменте Кальвадос. Французские друзья водили нас по местам сражений недавней войны, показывали построенные и строящиеся ныне кварталы разрушенного во время войны города Кан. Показывали новые дома, окрашенные белой известью, без всяких архитектурных украшений, но добротные и изящные; долго водили по новому университету, здание которого — одно из лучших на Западе, с богатой библиотекой, современными лабораториями.

Атлантическое побережье Франции встретило нас свинцовыми тучами. Я сидел на веранде арендованного «Лигой просвещения» небольшого дома в Трувилле и беседовал с учителем математики одного из лицеев Франции. Тут же, на открытой площадке, под спокойные звуки старинного блюза танцевала молодежь. Ненастье ей было нипочем. Я обратил внимание моего собеседника на одну пару: красавец-юноша в майке и трусах грациозно вел молоденькую англичанку, только что приехавшую из Лондона.

— Это мой мальчик, — с грустью в голосе сказал собеседник. — Ему восемнадцать. Что его ждет? Какая работа? А если армия, Алжир? Страшно даже подумать. — Учитель глубоко вздохнул, устремив взгляд в пасмурное небо. Он, наверное, ду-

мал о решении сложных, запутанных социальных, национальных, политических проблем, которые сейчас встали перед его страной.

В Довилле мы были гостями директора большого частного колледжа. Он предложил нам отведать нормандского сидра, а к бразильскому кофе принес старый кальвадос. Наш радужный хозяин долго жил за пределами Франции, был директором французских колледжей в Южной Америке, в довоенной Польше. Сам историк литературы, он был хорошо осведом-

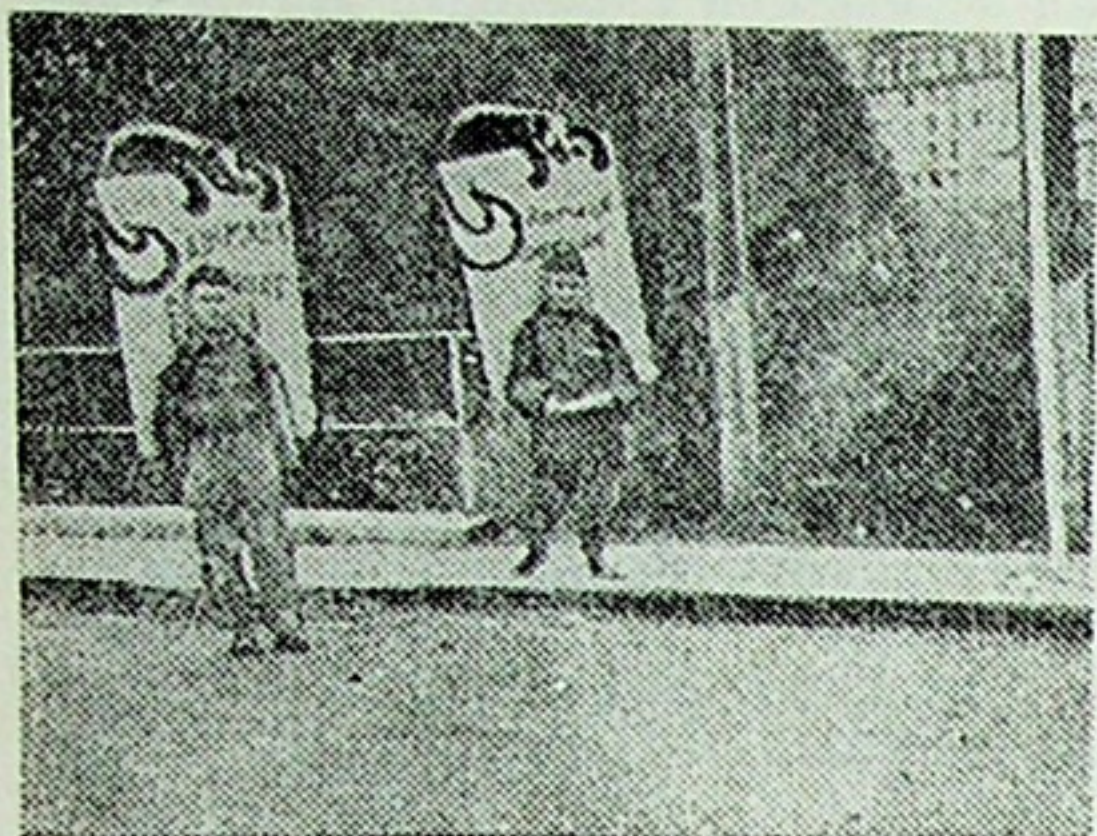

«Живая реклама»

лен в литературных делах и философских проблемах современной Франции. Поэтому разговор сразу же коснулся литературы.

— Я выпил много сидра и, возможно, не буду отменно вежливым и учтивым. Я хочу с вами браниться: вы, советские люди, не из нежной породы, вы любите драку, ну что же, я готов, — начал директор. — Я слежу за вашей литературой, читаю критические статьи, я жил в Польше, я могу свободно читать по-русски. Вы в своих писаниях все страшно упрощаете. Ничтоже сумняшеся, вы одним махом разделались с Альбером Камю, с Сартром, а зараз и с Франсуазой Саган. Вы не хотите по-

Эти французские мальчики тоже не прочь поиграть в мушкетеров.

нять, что центральной проблемой сегодняшнего дня является проблема бытия, существования человека; А. Камю, Ж. П. Сартр, пусть с противоположных позиций, — вы, наверное, этого не знаете, — хотят решить эту проблему, пишут, думают о ней, почему же вы не хотите вникнуть в их позицию, почему вы ухватились за Роже Мартен дю Гара? Роже Мартен дю Гар, Р. Роллан, А. Франс — это история литературы, А. Камю, Ж. П. Сартр — это ее сегодняшний день. Вы знаете «шовистов»? — с несколько провинциальным, деланным ораторским пафосом заключил свою речь мой хозяин.

— Спор ваш прекрасен, — ответил я, — вы хозяин, я гость, а гость по обычаям моей страны при всех обстоятельствах должен быть вежливым и учтивым, но, конечно, не беспринципным в споре, затеянном хозяином. Условимся о простых вещах. Во-первых, должен напомнить, что я, как и вы, работник школы, советские же философы, критики и литературоведы не уполномачивали меня вести с вами разговоры от их имени, они это сделают, вероятно, с большим успехом, чем я. Во-вторых, не будем оперировать категориями, определяющими область и интенсивность чувств. Возможно, кто-то, где-то, что-то и упрощает, даже в нашей печати. Но не в этом дело. А. Камю, Ж. П. Сартра, да и других писателей нам хочется понять. Мы ценим человеческие достоинства А. Камю и Ж. П. Сартра. Мы не забыли, что они находились во французском Сопротивлении (хотя участие в Сопротивлении не есть индульгенция об отпущении грехов сегодняшнего дня,

пример тому — господин Бидо), я хочу понять их и сейчас.

Но разве можно, я вас спрашиваю, решать сегодня серьезные проблемы, исходя из принципа «милосердия» и «всепрощения»?

Мы глубоко убеждены, что проблемы Франции нужно решать только на почве реального бытия, путем совершенствования общества в целом. Обратный же путь — от морального совершенства индивидуума — не реален, ибо он внеисторичен, он риторически дидактичен. Идти этим путем нельзя, он способен привести лишь в «никуда». А всем, любящим вашу родину, хочется, чтобы Франция шла к вершинам подлинного величия, к свершению дел, свойственных духу ее народа, ее великим традициям.

Почему не переводят у нас Франсуазу Саган? Я точно не знаю, переводят ее или нет. Я не переводчик и не издатель. Но если бы я был первым и вторым, то и тогда бы едва ли занялся этим делом. Почему? Потому что на приветствие Саган «Здравствуй, печаль!» у нас, по-моему, ник-

Апри Барбюс.
Тбилиси, 1927 г.

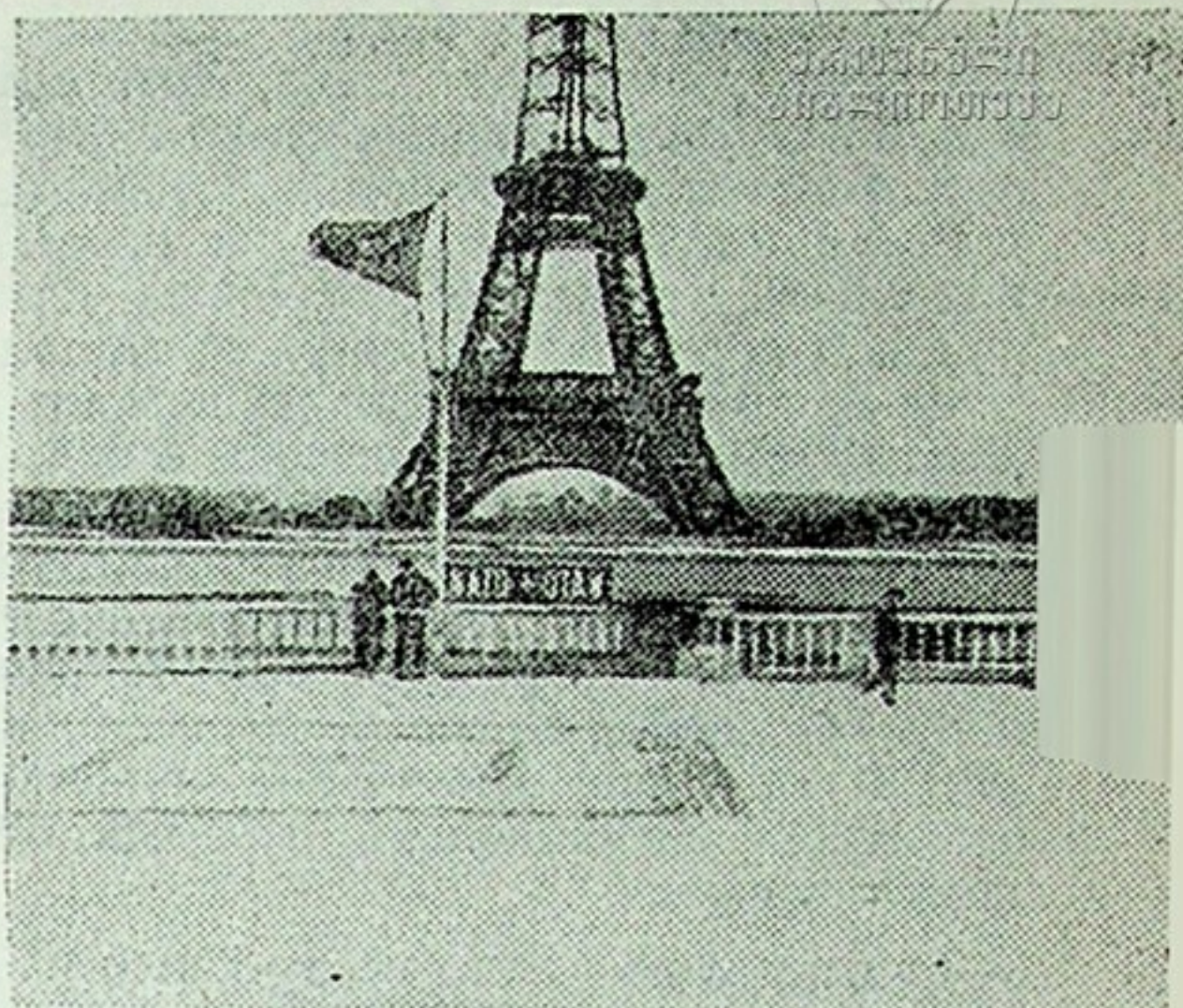
то не отзовется. Если же она постигнет и передаст существеннейшие стороны французской жизни, то у нас, бесспорно, начнут ее чаще переводить, начнут читать и, кто знает, может быть, будут любить. Нельзя ведь любить, не понимая, не постигая. Помните, как великолепно сказал действительно любимый и почитаемый у меня на родине ваш поразительный Антуан де Сент-Экзюпери: «Любовь — это значит смотреть не друг на друга, а смотреть вместе в одном направлении».

Р. Роллан, А. Франс, Роже Мартен дю Гар — не история, это живая Франция. Судьба оказалась несколько жестокой к нам. Мы попали во Францию в те дни, когда вы потеряли двух своих великих сынов — Роже Мартен дю Гара и незабвенного Фредерика Жолио-Кюри. Я был на их могилах и, склонившись над землей, которую они так возвеличили, думал о бессмертии народа, без которого намного беднее был бы род человеческий. В одном я согласен с А. Камю, он правильно писал в «Фигаро Литерер» о Р. М. дю Гаре: «Он помогал нам жить». Помогают жить живые, а не тени прошлого.

И прошу меня извинить за, возможно, излишнюю откровенность, быть может, я случайное принял за закономерное и упустил из виду многое. Любя, следя из года в год за жизнью вашей страны, но находясь от нее далеко, не бывая там десятки

На приеме в обществе «Франция—СССР». В центре — генерал Пети.

Чужно ли Эйфелевой башне соседство со штабом НАТО?

лет, можно ошибиться. Еще раз прошу меня извинить.

Директор встал:

— Давайте еще по рюмочке кальвадоса, выйдем к морю, глотнем ионов. Это полезнее и проще. Я не хочу с вами спорить, я не люблю спорить с представителями народа, который так любит мою Францию, с людьми, которые так часто вместе с нами проливали кровь в борьбе с общим врагом.

* * *

Я возвращался из Кан в Париж экспрессом.

...В купе вагона шла оживленная беседа на самые разнообразные темы — от обсуждения достоинств популярной французской кинозвезды Бриджит Бардо до стоимости телятины, которая, как уверяла пожилая дама, страшно подорожала. «Это ужасно, это ужасно!» — вздохнула она. Сидевший до этого совершенно неподвижно брюнет средних лет вдруг вскочил и, судорожно подняв рукава пиджака и рубашки, начал показывать выжженную на руке пятизначную цифру. «Вот это ужасно, это ужасно, — в страшном возбуждении говорил он, — к черту телятину, я клейменный, это меня пронумеровали в гроссбухе в Равенсбруке, у меня нет имени, нет фамилии, я человек № 20431».

Из соседнего купе вышла очень старая женщина и, взяв его под руки, повела к себе. Это была мать человека № 20431.

В ту минуту я невольно вспомнил два надгробных памятника, которые видел в Париже. Первый стоял на могиле неизвестной женщины, угнанной в фашистскую Германию: из огромной глыбы темно-серого гранита, как из каменного ада, рвется уже усталая рука женщины, зовущей на помощь. Другой памятник — на могиле неизвестного рабочего-строителя, также угнанного к нацистам, — воздвигнут в виде каменной лестницы, высеченной из темного мрамора; согнувшись в три погибели, с огромной каменной ношей на спине, в кандалах подымается весь обессиленный, мокрый от пота строитель.

Смотреть на эти надгробные памятники без содрогания невозможно. Они говорят о том, что фашизм, нацизм, капитуляция, немецкая оккупация не прошли бесследно для сознания, психики, мира чувств французов. Последнюю войну они пережили, как великую трагедию, рана, нанесенная стране, все еще зияет. И едва ли какому-нибудь политическому деятелю Франции удастся повернуть страну лицом к наследникам третьего рейха, которые сейчас обосновались в Западной Германии и мечтают о реванше на Западе и Востоке. О Западе, правда, они пока из тактических соображений помалкивают, а о Востоке аденауэры, оберлендеры и штраусы кричат так истошно, что по другую сторону Рейна, во Франции, многие граждане весьма сильно шокированы и смущены. Один из них мне как-то сказал: «У нас опять все надежды на вас».

* * *

Перед отъездом из Франции я пришел на Пер-Лашез. И хотя на большом и подробном плане кладбища почему-то не отмечена стена коммунаров, этих пионеров штурма устоев капитализма, — я нашел ее без труда. Неподалеку от стены коммунаров покоится прах великого гражданина Франции, нашего близкого друга и товарища по борьбе Марселя Кашена. Рядом с его могилой я увидел два надгробья, два небольших простых памятника — Анри Барбюсу и Полю Элюару. Сразу вспомнились годы, когда М. Кашен, А. Барбюс, П. Элюар были гостями Грузии, вспомнились задушевные разговоры с ними.

...Был душный день лета 1927 года. На аэродроме в Орджоникидзе собрались представители грузинских писателей, среди них — Сильвестр Тодрия, Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Арчил Микадзе и другие товарищи, тут же были представители северо-осетинской общественности. Из только что приземлившегося самолета по трапу спустился очень высокий, несколько сутулый улыбающийся человек. За ним шла его стенографистка Сюзанн Дюма. Я побежал к ним навстречу. Выразительные, задумчивые глаза А. Барбюса говорили о непрестанной, напряженной работе мысли. Быстрым, крупным шагом он шел к нам навстречу. Поздоровался. Когда он нам протянул руку, я не мог не заметить длинных, очень красивых пальцев.

...Потом я вспомнил яркую лунную ночь в Пасанаури, А. Барбюса, зачарованного величием и красотой Кавказа. Он долго, задумчиво глядел на бурную Арагви, в пенистых и искрящихся водах которой лучи луны как бы извивались в бешеном темпе моховского танца, а затем, присев на камень, слушал Паоло Яшвили и Тициана Табидзе, которые читали ему стихи на французском и грузинском языках. — Это великолепно, — говорил наш гость, обнимая и благодаря наших поэтов. А. Барбюса я много раз видел в Москве, во Франции, бывал у него на даче под Парижем, в Вижиере. Он очень любил нашу страну, Грузию, ее людей, о которых много и проникновенно писал. А. Барбюс очень хорошо знал, как мы все любили его Францию, его народ, его литературу.

...Позднее, в 1933 году в Тбилиси приехал Марсель Кашен. Выдающегося политического деятеля Франции, одного из основателей Французской Коммунистической партии восторженно встретили в Грузии. Мне посчастливилось быть переводчиком во время выступлений Марселя Кашена на пленуме Тбилисского Комитета Компартии Грузии, на митинге рабочих паровозо-вагоноремонтного завода имени Сталина, мне выпала честь сопровождать его в поездке по городу. Я помню восторженные отзывы Кашена об успехах социалистического строительства, о достижениях национального и культурного строительства в Грузии.

Здесь, на Пер-Лашез, в этот пасмурный день конца августа я поклонился и другой могиле. Здесь покоился прах Поля Элюара, поэта-гуманиста; замечательного сына Франции.

...Поль Элюар также приезжал в Грузию с группой французских писателей, публицистов, журналистов, среди которых были Андрэ Вюрмсер, Рене де Жувеналь и многие другие. На плато горы Мтацминда французские писатели встретились с грузинскими коллегами, много беседовали, дискутировали о путях развития литературы, ее задачах, ее назначении. Встреча затянулась. Казалось, все устали. И хотя рано утром гости улетали, Поль Элюар с супругой, возвращаясь в город, не захотели сесть в трамвай фуникулера. Мы спустились в город по горной тропинке, и по дороге я показал нашему прославленному гостю могилы великих сынов моей земли. Элюар шел молча, задумчиво, потом, словно самому себе, прочел свою знаменитую «Прощай, печаль». И как бы аккомпанируя поэту, в чаще начали заливаться соловьи. Элюар улыбнулся: «Удивительная ситуация, под нами город весь в электрических огнях, а здесь соловьи». «Грузинские соловьи, зачарованные вашими стихами, тоже хотят быть гостеприимными, они приветствуют французского россиньоля», — заметил я ему в шутку. «Что вы, что вы, они очень мелодичны, ваши соловьи, а мне говорят, что я суховат, интеллектуален, рассудителен, что мои стихи живут силой интонации, а не мелодикой; я не знаю, насколько все это верно, но мне все равно далеко до ваших соловьев».

Я вспомнил последние слова Элюара перед отлетом, на аэродроме Тбилиси: «У вас огромная страна, бескрайние степи России, заоблачная высь Кавказа, разный темперамент, разная история, разные традиции народов, ее населяющих, но все это слито сейчас воедино, сплочено единой верой, одним порывом вашей партии».

Сейчас у могилы П. Элюара я думал о пути, который прошел большой

поэт Франции от сюрреализма к Сопротивлению, к героической партии французских коммунистов, к бессмертию.

* * *

Во Франции, как и во всех капиталистических странах, немало людей, сеющих семена недоверия и даже вражды к нашей стране, к нашему народу. Но земля Франции не дает больших урожаев от подобных семян. Это чувствует каждый, кто бывает во Франции. Выражением дружеских чувств, пониманием встречали и нас, тридцать работников просвещения СССР. Эти чувства мы ощущали и на приеме в муниципалитете города Кан, где нас приветствовали представители всех политических партий, и в речах руководителей «Лиги просвещения», и в Нормандии, и в Шамони, и на приеме в обществе «Франция — СССР» в Париже — в речах генерала Пети и других деятелей общества.

Французы горячей, чистой любовью любят свою красавицу «La France». О ней они всегда говорят с нежностью матери и суровой гордостью отца. Французы умели и умеют сражаться за честь, достоинство, свободу своей родины. Кому, как не нам, понять эти их чувства. Нам, видевшим развалины Сталинграда и освобожденный от блокады Ленинград, нетрудно было понять и почувствовать трагедию Орадура и гордость нормандцев, восстанавливающих Кан.

Во время пребывания во Франции мы часто поднимали бокалы, чтобы с радостью присоединиться к тосту наших французских хозяев за вечную дружбу наших народов, дружбу, завоеванную и сердцем, и разумом, и скрепленную кровью на полях сражений у Марны и в небе Подмосковья.

Советский народ, народ Грузии в том числе, уверен, что эта дружба еще более окрепнет после посещения Франции главой нашего государства, знаменосцем мира Никитой Сергеевичем Хрущевым.

«Лицом к лицу с Америкой»

Полгода прошло уже со времени исторического визита главы Советского правительства Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки. Но кажется, что выдающееся событие это произошло только вчера, так сильно продолжает сказываться его влияние, такой глубокий отпечаток наложило оно на весь ход международной жизни.

Незабываемые дни этого исторического визита запечатлены на страницах вышедшей недавно книги «Лицом к лицу с Америкой». Книгу эту написали А. Аджубей, Н. Грибачев, Г. Жуков, Л. Ильичев, В. Лебедев, Е. Литошко, В. Матвеев, В. Орлов, П. Сатюков, О. Трояновский, А. Шевченко, Г. Шуйский — группа журналистов из числа сопровождавших Никиту Сергеевича Хрущева в его поездке по Соединенным Штатам Америки.

В живой повествовательной форме рассказывают они во всех подробностях об этих памятных днях. В книге — и блестящая публицистика, и искусный репортаж, а также огромное количество познавательного материала, который позволяет увидеть Америку без прикрас, такой, какая она есть в действительности. Особую ценность представляют приведенные в книге ранее не известные высказывания товарища Н. С. Хрущева, сделанные им во время поездки, но не вошедшие в газетные отчеты.

Визит товарища Н. С. Хрущева в США ознаменовал наступление нового этапа в развитии международных отношений, явился неопределимым вкладом в дело сглаживания международной напряженности.

Приглашение «коммуниста номер один» (как называла американская пресса Н. С. Хрущева) в США — цитадель капитализма, еще недавно многим казалось невозможным. Но неумолимый ход истории сделал свое дело. «Акт приглашения Н. С. Хрущева в США, — пишут авторы книги, — это не следствие христианской любви к ближнему, а результат необходимости, перед которой была поставлена современная Америка». Без мира социализма не могут ныне решаться главные вопросы международных от-

ношений. Именно признание этого, признание великих успехов Советского Союза и всего могучего социалистического лагеря, сделало необходимой и возможной историческую встречу за океаном.

Читая книгу советских журналистов, сопровождавших товарища Н. С. Хрущева, как бы сам становишься свидетелем той огромной, поистине титанической работы, которую проделал в США в сентябрьские дни прошлого года посланец советского народа, прибывший туда с благородной миссией мира и дружбы. К каждому его слову прислушивались вся Америка, весь мир. Поездку главы Советского правительства по США обслуживало 5 тысяч корреспондентов. 1755 ежедневных американских газет посвящали пребыванию Н. С. Хрущева по несколько страниц в каждом номере. Речь главы Советского правительства с предложением о всеобщем и полном разоружении, произнесенная в Организации Объединенных Наций, транслировалась через 1200 радиостанций и передавалась через 800 телевизионных станций.

«Разбуженная Америка встречала, слушала, узнавала... — пишут авторы. — Мы, так же как и все советские люди, находившиеся в США в дни визита, были очень взволнованы, испытывали большую радость и гордость за величие Советской Родины, нашей коммунистической идеологии, за ее гуманизм. Мы были счастливы наблюдать, видеть, слышать, с каким покоряющим мастерством, силой убеждения и верой в его величество рабочий класс представитель советского народа Никита Сергеевич Хрущев говорил американскому народу и всему миру о великой, неодолимой силе марксизма-ленинизма, коммунистических идеалах, исторических победах советских людей в строительстве нового общества».

Никита Сергеевич на протяжении всей поездки разъяснял многомиллионной аудитории ленинский принцип мирного сосуществования. Этот принцип отнюдь не исключает борьбы между коммунистическим и буржуазным мировоззрением; здесь не может быть компромиссов. Но

идеологическая борьба ведется мирными средствами. Мирное соревнование двух систем на поприще развития экономики и культуры отвечает коренным интересам всех народов. Глава Советского правительства говорил о стремлении советских людей к миру, он указал простой и ясный путь сохранения и упрочения мира во всем мире.

Приезду товарища Н. С. Хрущева в США предшествовали долгие годы «холодной войны». Реакция не останавливалась ни перед чем, стремясь дезинформировать общественное мнение, настроить американцев против советских людей. Тщетным оказалось все это! После первых же выступлений Н. С. Хрущева в США стало очевидным, что симпатии простых людей Америки сразу же были завоеваны посланцем советского народа.

Несмотря на то, что определенные круги прилагали немалые усилия, чтобы отгородить главу Советского правительства от американского народа, не дать ему возможности беседовать с простыми людьми, повсюду, где бы ни появлялся Никита Сергеевич, его встречали огромные толпы американцев. Люди занимали места на крышах домов, на балконах, многие даже взбирались на памятники, деревья. Визит посланца советского народа в США принял характер триумфальной поездки.

Нельзя без волнения читать те места в книге, где говорится о встречах главы Советского правительства с американскими рабочими, о посещении им профсоюза портовых грузчиков и складских рабочих в Сан-Франциско. «...Никита Сергеевич, — говорится в книге, — буквально расцвел, оказавшись в самой гуще толпы, в крепких объятиях грузчиков. Со всех сторон тянулись руки для дружеских пожатий, слышались приветствия». Бурную овацию вызвали слова товарища Н. С. Хрущева, пожелавшего докерам, чтобы был мир, чтобы они всегда имели работу и хороший заработок.

Авторы подробно описывают беседы Никиты Сергеевича с крупнейшими финансовыми магнатами США. Данная определенным лицам директива «переспорить Хрущева» не смогла быть осуществлена. Глава Советского правительства повсюду выступал как коммунист, не скрывающий своих взглядов. Каждое его выступление отличалось железной логикой, непоколебимой уверенностью в преимуществах социалистической системы перед капиталистической, в окончательной победе коммунизма.

На обеде, данном Экономическим клубом Нью-Йорка, в ответ на имевшие там место провокационные реплики, Никита Сергеевич с чувством исключительного достоинства говорит:

«Я приехал в США не как проситель. Я представляю великое Советское государство, великий народ, совершивший Великую Октябрьскую революцию. И не заглушить вам, господа, никакими репликами того, чего достиг, что сделал и что хочет сделать наш великий народ».

«Сражение проиграно» — так резюмировала американская печать бесславную попытку определенных кругов «поставить Хрущева на колени» в Экономическом клубе Нью-Йорка».

Среди деловых людей Америки идет напряженная борьба сторонников «холодной войны» против поборников нового, реалистического курса в отношениях с Советским Союзом, со всеми странами социализма. В Соединенных Штатах все чаще и громче раздаются трезвые голоса, требующие принять вызов Советского Союза на мирное экономическое соревнование, встать на путь развития взаимовыгодной торговли.

Визит главы Советского правительства в США закончился беседами Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева с президентом США Д. Эйзенхауэром. В коммюнике, опубликованном в результате этих бесед, подчеркивается, что главы правительств двух самых могущественных держав в мире «согласились, что все неурегулированные международные вопросы должны быть решены не путем применения силы, а мирными средствами, путем переговоров».

Последние три главы книги содержат письма советских людей, трудящихся братских социалистических стран и американских граждан Никите Сергеевичу Хрущеву. Эти исключительные по своей силе человеческие документы никого не оставят безразличным. Письма простых людей Америки, несмотря на различие авторов во взглядах, говорят о растущем стремлении американского народа положить конец «холодной войне», крепить дело мира. Трудящиеся стран народной демократии благодарят Советский Союз, товарища Н. С. Хрущева за их последовательную и настойчивую борьбу за мир. В письмах советских людей неутомимому борцу за мир и счастье народов товарищу Н. С. Хрущеву выражена горячая поддержка ленинской миролюбивой внешней политики Советского государства.

Книга «Лицом к лицу с Америкой» встречена с огромным интересом нашей общественностью, высоко оценивающей этот талантливый рассказ о важном историческом событии наших дней.

И. ЧХИКВИШВИЛИ,
председатель Союза журналистов
Грузии.

Как поэт и как гражданин своей страны я горячо поддерживаю представление на Ленинскую премию книг Максима Рыльского. Как поэт, я не могу не восхищаться отточенными, умными и сердечными строками замечательного украинского поэта, как гражданин я благодарен ему за то, что в своей поэзии — всегда искренней, мыслящей и живой, он стоит лицом к лицу с действительностью, живет самыми смелыми, самыми захватывающими, самыми важными деяниями наших людей.

В сборнике «Розы и виноград» Максим Рыльский поместил стихотворение «Песни»:

Когда плывут и замирают
Родные песни в голосах,
То мнится мне, что я собираю
Траву целебную в лугах.

В тех песнях труд и даль похода,
Усмешка, горе и любовь,
В них гнев великого народа,
За волю пролитая кровь...

Мне кажется, что эти строки полно и своеобразно характеризуют не только народные песни, а и песни самого Максима Рыльского. Давно уже Максим Рыльский — поэт народный в лучшем, прекраснейшем значении этого слова. И стихи его народные. И поистине это потому, что он в своих стихах верен своему же призыву, обращенному к читателю, в каждой речи, в каждом слове «искать красу грядущих лет».

О таком большом явлении в нашей многонациональной литературе, как поэзия Максима Рыльского, трудно говорить коротко и, конечно же, не скажешь всего даже в том случае, если ограничишься перечислением тех или иных свойств его поэзии, понравившихся тебе произведений. Но об одной черте его поэзии, его творческого облика, его человеческой сущности не сказать я не могу. Конечно же, это постоянный, глубокий, активный, а главное, сердечный (не боюсь повторить это слово) интерес к жизни и поэзии братских народов.

С полным правом мог сказать он: «С любовью слухом прикипаю я к песням братьев дорогих» и назвать в числе своих братьев и нас, грузин.

Украинцы и вы, россияне, —
Я и вас называю — мои! —
Вам весною, зарей осиянной,
Звонко славу поют соловьи.

Белорусы мои и грузины,
И армяне — мои вы навек.
Наша верная дружба не сгинет,
Недруг наших не высушит рек!

Да, действительно так. Никакому недругу не высушить наших рек, не уничтожить родников, питающих бессмертную советскую поэзию, в которой драгоценным самоцветным камнем сверкает поэзия Максима Рыльского.

Георгий ЛЕОНИДЗЕ,
народный поэт Грузии.

„Судьба человека“

Каждый раз, когда смотришь на экране по-настоящему художественное произведение, еще раз убеждаешься, какая огромная сила воздействия заключена в искусстве кино.

Совсем недавно я еще раз смотрела фильм «Судьба человека», эту трагическую повесть о простом солдате, и мне захотелось принести большую благодарность актеру Бондарчуку — создателю одного из самых сильных, впечатляющих образов, когда-нибудь существовавших на экране, — образа Андрея Соколова; режиссеру Бондарчуку, который сумел с великолепным мастерством, с предель-

ным проникновением в существо рассказа Шолохова создать произведение большой правды, большой души, глубоко втягивающее зрителя в атмосферу подлинной жизни. Нигде не впадая в пафос, в аффектацию, ничего не приукрашивая, Бондарчук вылепил образ большого философско-героического масштаба, большой идейной направленности. Бондарчук прожил жизнь своего героя с такой полной отдачей душевных и физических сил, что у тебя, зрителя, начинает болеть сердце, душа наполняется протестом против ужасов войны.

Бондарчук играет необыкновенно

скупо, сдержанно и просто, глубоко раскрывая сложную душу человека. В глазах актера мы читаем и радость, и горе, и ненависть, и надежду, и смерть. Вот он любит, и столько света, ласки и любви в глазах! Вот он за колючей проволокой — со страшным темпераментом клочет, надрывается все нутро его, но только глаза говорят об этом. Вот он бежит от страдания, от смерти, нечеловеческое напряжение дает ему силы бежать долго по страшному пути (с какой предельной пластической выразительностью сделаны кадры этого эпизода), и в глазах, мы видим, мелькают страх и надежда, и такая жажда, наперекор всему, вы-

жить, добраться к своим дорогим. А вот он, согбенный, разбитый, потерявший всех своих близких, сидит и тихим, монотонным голосом рассказывает, — а в глазах — вера в жизнь.

Нет, не сломился, не упал советский человек Андрей Соколов, а выжил, и истрадавшееся сердце его еще будет биться для новой жизни.

«Судьба человека» — это прекрасное творение большого художника — звучит, как набат, зовущий людей бороться за жизнь против смерти.

Верико АНДЖАПАРИДЗЕ,
народная артистка СССР.

Пейзажи Армении

Среди множества картин сразу можно узнать работы Сарьяна. Нас, художников, пленяют их творческая искренность, своего рода откровение в живописи, сочные цвета, своеобразие технических приемов, всегда в его руках являющихся только профессиональными средствами передачи реалистического образа и содержания.

Полотна Сарьяна представляют собой творения экспрессивные, темпераментные, но лишены суетности и беспокойства, назойливого мудрствования и технической изощренности. Это плод труда не старательного и кропотливого, а вдохновенного. Его творчество легко и просто, как все поистине высокое и прекрасное.

Это Армения. Сарьяновская Армения. Древняя, но возрожденная человеком земля. По-своему видит свою родину художник, и такой, какой чувствует ее, такой запечатлел в своем творчестве.

И это творчество, всегда в основе своей реалистичное и объективное, силой своего искусства убеждает и пленяет.

Пейзажи Армении достаточно богаты, и пусть каждый художник, подобно большому мастеру Сарьяну, изображает эти пейзажи по-иному, по-своему открывая перед нами всю красоту природы.

Да, на всем творчестве народного ху-

дожника СССР, действительного члена Академии художеств СССР Мартироса Сергеевича Сарьяна лежит печать яркой индивидуальности художника. Она проявляется, прежде всего, в его видении действительности, в присущей только ему живописной манере, сочетающей все средства изображения, в своеобразном колорите, в особенности трактовки темы и образа.

И потому, на мой взгляд, выдвижение М. Сарьяна на соискание Ленинской премии в 1960 году — прежде всего признание огромного значения индивидуального облика художника в реалистической советской живописи.

Я считаю — чем выше признание значения искусства, отличающегося бесконечным оптимизмом, жизнерадостностью, высоким профессиональным мастерством и главное — ярко выраженным творческим лицом художника, — как у Мартироса Сарьяна, — тем правильнее определяется дальнейший путь советского реалистического искусства станковой живописи.

С. КОБУЛАДЗЕ,

народный художник Грузинской ССР, член-корреспондент Академии художеств СССР.

„Тропою грома“

Автор балета «Тропою грома» азербайджанский композитор Кара Караев принадлежит к числу самых ярких и самобытных представителей многонационального советского музыкального творчества.

Воспитанник крупнейшего современного композитора — Д. Д. Шостаковича, Кара Караев за сравнительно короткий период творческой деятельности завоевал признание советской музыкальной общественности; произведения его широко известны не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами. В их числе — балет «Семь красавиц», написанный композитором по мотивам поэзии Низами. Музыка балета национальна, колоритна, самобытна и красочна. Впрочем, этими чертами характеризуется все творчество Кара Караева.

Тема балета «Тропою грома», созданного Кара Караевым на сюжет одноименного романа южно-африканского писателя П. Абрахамса — борьба колониальных народов за свое национальное освобождение. Это произведение — по-настоящему крупная творческая победа композитора. Музыка балета в высшей степени выразительна, образна и кон-

кретна, — слушатель ощущает в ней любовь и ненависть, героический пафос и нежную лирику, мужество и страдание, гамму самых различных чувств — от нежных до самых трагических и разрушительных. В музыке балета ощущается живая, свежая интонация, полнота эмоционального высказывания и большой темперамент. Драматические конфликты развиваются в контрастных сопоставлениях и острых столкновениях.

Большое достоинство дарования Караева — умение воплощать сценическую драматургию в музыке. Композитор, не имеющий такого дарования, не может добиться непрерывного развития музыкального и сценического действия.

Балет «Тропою грома» в 1958 году был успешно поставлен Ленинградским государственным академическим театром оперы и балета им. С. М. Кирова, а, начиная с прошлого, 1959 года, с большим успехом идет на сцене Большого театра Союза ССР.

Желательно, чтобы этот прекрасный балет был поставлен и в Тбилиси.

А. МАЧАВАРИАНИ,
народный артист СССР.

С. Трезуб

„На холмах Грузии“

С детства помнятся лирические пушкинские строки, написанные во время путешествия в Арзрум:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною...

«На холмах Грузии» — так названа новая книга стихов Карло Каладзе, изданная «Зарей Востока».

В чем ее особенности? Что составляет ее пафос?

Трудно, конечно, судить о поэте, о «магическом кристалле» его творчества по переводам, к тому же не всегда совершенным. Но книга стала уже явлением не только грузинской, а и русской поэзии. И мы, естественно, вправе взглянуть на нее глазами русского читателя.

Буквально в каждом стихотворении видна страна поэта. Читатель найдет здесь живописные картины грузинской природы, быта, ему откроются героические страницы прошлого. Всюду он услышит голос сердца поэта.

Карло Каладзе по складу своей души лирик. Темы, образы приобретают в его творчестве личную окраску, находят свое опосредствование.

Его стих жизнерадостен, энергичен, молод. Он обращен к людям,

---

Карло Каладзе. «На холмах Грузии». Издательство «Заря Востока». Тбилиси, 1959 г.

как рука друга, которой можно довериться.

«Я чаще жизни рад, чем горем согнут», — говорит о себе поэт. Это не голая декларация, а лейтмотив его творчества, его поэтическая палитра. Именно в этом и состоит личная окраска, свое опосредствование.

Сколько написано о виноградной лозе! Но вот слова, принадлежащие Каладзе:

Словно юноши руки, ловка и смела,
Молодая лоза по стене поползла...

Он посвящает стихотворение жаворонку, который, упиваясь песней, так высоко взлетает, что сердце его не выдерживает, и он замертво падает на землю. И вот заключительные слова:

Как жаворонок...

Умру я в небе с песней о земле!

Стихи, собранные в книге «На холмах Грузии», — это песни о земле, песни своеобразного грузинского Кола Брюньона, влюбленного в жизнь, радующегося каждому ее проявлению. В доказательство тому можно сослаться на десятки произведений, таких, например, как: «Семья справляет рождение сына», «Волны Куры», «Выстрел», «Ламискана», «Винные чаны», «Родник», «Пастух из Гудамакари», «Притча о гуда и гуда-ствири»...

Поэт прав, когда пишет в своей биографии:

СОННО
1984-1990

«Я уже перешагнул пятьдесят и, конечно, зачислен в разряд «седых». Но если спросят, когда отошла моя юность, искренне отвечу: — Не знаю! И не поймите это, как бахвальство, нет, тут дело не во мне, а в нашем времени, в нашей жизни. И я, как многие мои ровесники, с улыбкой гляжу на свою седую молодость...»

Каждый, кто лично знаком с Карло Каладзе, знает, что, несмотря на свои седины, он действительно завидно молод. А его произведения неотделимы от его природы: они рождены ею, и она в них проявляется.

Это очевидно.

Мне хочется обратить внимание и на другую существенную черту его творчества.

Владимир Маяковский, будучи в Америке и давая интервью одному журналисту, подчеркнул: «Надо, чтобы поэт был певцом нового».

В творчестве Карло Каладзе особенно дорого то, что он — певец того нового, что постоянно возникает на холмах прекрасной Грузии. Здесь — источник его вдохновения.

Не надо мне протоптанной тропы,
Зовут меня все новые исканья.

Не камень я, чтобы молчать, когда
Весна моя справляет день рожденья...

Известные, традиционные темы и образы перемежаются с другими: его радует, что в привычку входит «необычайное», что сыновья старого аробщика Отия делают в Кутаиси грузовики, что «от деревни к деревне — как музыка — электростанций протянуты струны», что озеро «Бычий глаз» узнало сейчас «и лязг лопат, и грохот аммонала», что дорога в Ткибули ведет мимо угольных шахт. Поэт слышит гул взрываемых скал и восторженно произносит:

...Я очень вас, горы,
Люблю в молчанье,
Но больше —
ей-богу —

такими люблю!

О как вы сегодня меня воскресили,
В стихи превратиться вот-вот поровя.
И старый Гелати,
И старый Хресици,
Своим обновленьем
Меня обновя!
Бьет не в глаза мне,
А в душу солнце,
И около тракторной колеи

Греет усталые кости свои...
Греет старинная крепость,
Поезд песется
По перелескам,
Через ущелье,
Через ручей...
И скоро Ткибули
Нас встретит блеском
Угольных черных своих очей!

(Перевод Евг. Евтушенко).

Отдавая дань прошлому, Карло Каладзе всей душой с теми, кто «распахнул в будущее двери». Он певец социалистической нови.

В книге «На холмах Грузии» читатель найдет стихи о Москве и о Мингечауре, «Синий дым над Даугавой», «Назьму Хикмету», «Самед» (обращенное к Самеду Вургуну). Грузинский поэт с гордостью называет себя москвичом и счастлив видеть, как расцветает Азербайджан. Но поэтические его корни, естественно, в родной грузинской почве.

Ему близко и дорого все то, что связано на его родной земле с именем бессмертного Ленина. И сам образ Ленина, который возникает в стихотворении «Ленин в Тбилиси», как бы олицетворяет Грузию — ее настоящее и будущее.

В той же биографии поэта, на которую я уже сослался, есть такое обобщающее место:

«Я всегда любил путешествовать, и это, видимо, нашло отражение в моих книгах, я старался увидеть, почувствовать и нарисовать картины жизни братских народов. Но где бы я ни был, я всегда тянулся к горам и долинам родной Грузии, здесь мое утро и мой вечер. Здесь у памятников древней культуры я воочию вижу, как создается наше новое социалистическое и национальное будущее. И я стараюсь, чтобы мой глаз ничего не оставил незамеченным, стараюсь быть активным участником того нового, что в героическом труде создает мой народ.

Пафос моих стихов — в изображении и воспевании наших горячих дней».

Да, творчество Карло Каладзе служит тому убедительнейшим подтверждением.

Теперь я задержу внимание читателей на поэме «Солнце вставало в дыму пожарищ». Она занимает в книге большое место.

Что удалось в ней автору? Лири-

ческие отступления: места, в которых он раскрывает замысел поэмы, представляет нам ее героев — Арчила, Инну, Лали, говорит о новом Тбилиси, в котором гул подъемных кранов слился с гулом его сердца, рисует родные пейзажи. Его стих душевен и выразителен.

«Я решилась писать потому,
Что утаивать дальше печально.
И хоть я вам совсем неизвестна,
Не дивитесь письму моему.

Колебалась я долго... И вот
Посылаю письмо вам, в надежде,
Что живете вы там же, где прежде,
Что письмо вас в Тбилиси найдет.

Мы чужими на свете живем,
Но судьба нас давно породнила —
Повстречались мы в сердце Арчила —
И скорбеть суждено нам вдвоем.

Боль утраты и ныне остра,
Снова страшное вижу мгновенье...
Не вините Арчила в измене,
Протяните мне руку, сестра!

Вы, наверно, живете мечтой,
Голубой и безбрежной, как море.
Мне ж мерещится черный, как горе,
Берег Терека, берег крутой.

Вы следили за взлетом орла
И лелеяли сладкие грезы,
Я у Терека горькие слезы
На разбитые крылья лила...»
(Перевод Ю. Вронского)

Это из письма русской девушки Инны к грузинской девушке Лали. Они обе любили Арчила и обе потеряли его; Арчил погиб в боях с фашистами.

Что, как мне кажется, не удалось автору?

Поэт начинает свое произведение с того, как однажды он укрылся от майского ливня в доме своих друзей. Дверь в этот дом была дверью в его поэму: из уст хозяина он услышал рассказ, который и стал ее содержанием.

...1942 год. Тяжело раненный боец Арчил, которому должны были ампутировать правую руку, сбежал из госпиталя, чтобы участвовать в бою. Далее, со слов рассказчиков, мы узнаем о мыслях и чувствах героя:

Что мне жизнь, что делать мне
Если без руки останусь вдруг?
Мне для схватки с вражеской ордою
Не хватало и обеих рук!

Верностью своей родному краю,
Скромным вкладом в наше торжество,
Может быть, я все же оправдаю
Безрассудность бегства своего!

Герой произносит длинный монолог о том, что ему-де противопоказан покой, что он, мол, не хочет госпитальных коек, что он верит в грядущую победу и уже греется у ее огня. Он думает, разумеется, и о том, что его ждут дома мама и любимая девушка, но решает: если врачи отсекут ему раненую руку, это значит, что он возвратится домой «победленным». Тут идет место, которое следует процитировать:

Ну, зачем, зачем мне возвращаться? —
В сотый раз я думаю опять.
Встретиться с безруким, — что
за счастье!..
Даже не смогу ее обнять...

И Арчил решает:

Лучше вовсе не вернусь назад.

В свое оправдание он произносит еще много разных патетических фраз и просит товарища (рассказчика) передать матери, что сын ее жив.

Возле Арчила находится влюбленная в него русская девушка — «сказочная фея» (?) — Инна. Ее полевая сумка набита, оказывается, письмами Арчила, адресованными его матери и тбилисской девушке Лали. «Это он в палатке медсанбата, чтоб тоску прогнать, писал все дни...» Девушка многие письма уже отослала, «а до этих не дошел черед...»

Рассказчик, который сам является участником событий, уходит за врачами, приводит их, но на месте, где он оставил Арчила и Инну, только «груды глыб и пыль».

Мы стояли, онемев от ужаса...
У остатков этой вот стены.
Инна и Арчил —
Любовь и мужество —
Рядом навсегда погребены...

Однако далее выясняется, что Инна не погибла вместе с Арчилом. Она осталась в живых и продолжала до конца войны посылать матери

Арчила письма, те самые, которые накопились в ее сумке. И мать была, конечно, убеждена, что сын ее жив. Инна же написала письмо Лали, то самое, отрывок из которого я уже приводил. Учительница и, по характеристике переводчика, «лучший друг села» (!) Лали узнает, наконец, правду об Арчиле. Рассказчик утешает ее. Он готов даже объясниться ей в любви. Но смиряет себя, так как на его пути стоит Арчил. Девушка же многозначительно произносит: «Все-таки с Арчилом я останусь...»

Замечу, в этой связи, одну немаловажную вещь: Лали никогда не видела даже человека, которому решила остаться верной и после его смерти. Она приехала в село, где жил Арчил, уже в войну и познакомилась с ним лишь по фотографии, которая хранилась у матери.

Теперь можно судить о том, странно или не странно вела себя девушка.

И другое: надуманной, противостественной выглядит основная сюжетная предпосылка. Читатель вправе счесть за странность не только поведение Лали. Трудно поверить в решение Арчила: лучше погибнуть, чем лишиться руки; остаться без руки — значит быть побежденным.

Но чего стоит сия «философия»?

Основной сюжетный узел поэмы, решающая мотивировка вызывают сомнение. А отсюда тянутся, как мы видим, и другие авторские «белые нитки».

Не все благополучно и с переводом поэмы. Здесь можно встретить такие, например, места:

...Увидать домов незрячий взгляд...

А людей всегда чарует тайна,
И тем паче тайна с красотой.
Рев и грохот Терека вначале
Называл я праздною гурьбой.

Переводчик пользуется такими образами, как: «войны железный хохот», и пишет «пара окон» вместо «два окна».

Языковые огрехи встречаются, к сожалению, и в других переводах, которые принадлежат перу более опытных поэтов.

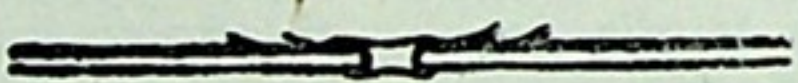
Можно ли, например, сказать: «Эта притча со мной бывает»?

В стихотворении «Лист бумаги» речь всюду идет о сосне, которая шумела «звонкой хвоей», у которой хвоя дрожала, как «длинные ресницы». И вдруг: у той же сосны появляется «кудрявая корона».

Сгорит этот уголь, и вспыхнут в ночи
Большие созвездья в зените?

Почему в зените? Разве что для рифмы «горите».

Но в этой же книге есть много хороших переводов Н. Заболоцкого, М. Луконина, А. Межирова, П. Антокольского, М. Максимова, Евг. Евтушенко и других. По ним русский читатель может создать верное представление о талантливом грузинском поэте.

Творчество перевода

Каким аксиоматичным, само собой разумеющимся, кажется с первого взгляда ответ автора статьи «Переводчик или автор?» Л. Хихадзе на сложный вопрос о специфике переводческого искусства, о границах действия законов необходимости и свободы, которым подчиняется переводчик, уверенно утверждающий, что «какие бы не предлагались формулировки, они лишь подчеркнут необходимость при анализе переводов руководствоваться сопоставлением подлинника и перевода. В этом главное».

Итак — главное в сопоставлении подлинника и перевода. Верно ли это? Не будем спешить с ответом на этот вопрос. Он не так прост. Не так прост хотя бы потому, что само требование сопоставления подлинника и перевода нуждается в толковании, расшифровке. Только уяснив со всей определенностью, что именно здесь имеется в виду, что именно понимается под «сопоставлением», какой смысл вкладывается в это требование, можно пытаться ответить и на заданный вопрос. **Сопоставление чего с чем в подлиннике и в переводе?** Вот в чем суть вопроса. Михаил Заверин в интересной и по основным своим установкам верной статье, продолжающей обсуждение вопросов, поднятых Л. Хихадзе, считает все же, что Л. Хихадзе права в самой постановке вопроса, в попытке фиксировать внимание читателя на тех или иных несоответствиях подстрочного значения и художественного перевода ряда поэтических произведений. А как раз в этом и сказалась методологическая ошибка Л. Хихадзе, вернее, отсутствие у нее какой бы то ни было

методологии. Дело не в том, что, как пишет М. Заверин, Л. Хихадзе ограничилась фиксацией и не пошла дальше по пути анализа; дело в том, что она подменила анализ фиксацией, подстрочным сопоставлением, выдала это последнее за анализ. Не спорю, в ряде случаев она таким путем тоже смогла указать на действительные переводческие промахи (точно так же, как любой эмпирический или натуралистический подход к явлению не исключает верности частных наблюдений), указав в иных случаях и на промахи мнимые. Но верность отдельных эмпирических наблюдений отнюдь не определяет верности метода в целом. О, как легко в этом будет убедиться, если с подобным принципом анализа, с «методом» подстрочного сопоставления подступиться к лучшему, общепризнанному достижению любой переводной литературы! Какой чудесный мир будет «разрушен», не выдержав «ударов» грозного тарана «сопоставления»! В том же номере «Литературной Грузии», в котором напечатана статья М. Заверина, публикуется интересный материал о встрече грузинских журналистов с М. Шолоховым, который во время беседы вдохновенно и увлеченно прочел наизусть в русском переводе чудесное лирическое стихотворение Н. Бараташвили «Синий цвет». Стихотворение это любимо за пределами Грузии не одним только Шолоховым. Оно приобщило к гению Бараташвили, к народу и стране, его породившим, тысячи и тысячи людей как в Советском Союзе, так и за его пределами. Имеет ли после этого хоть какой-либо смысл путем подстрочного сопоставления выискивать существующие и несуществующие отступления, подстрочные несоответствия между оригиналом и переводом? Ведь основная, благороднейшая

Настоящей статьей продолжаем обсуждение вопросов поэтического перевода. См. №№ 1 и 2 журнала «Литературная Грузия» за 1960 г.

цель перевода, достигнута — нужно ли компрометировать средства, которыми эта цель была осуществлена? Тут меня могут поймать на слове — «значит, вы считаете, что цель оправдывает любые средства?» Нет, я всего лишь считаю, что нельзя отгораживать средства от цели, что между ними существует глубоко диалектическая связь, что хороши те средства, которые ведут к действительному, а не мнимому достижению цели, что природу этих «средств» нельзя познать, отгородившись от цели! Сколько, о боже мой, было и есть переводов, которые могли бы удовлетворить наистрожайшим требованиям «подстрочного сопоставления», но которые не способны ни «глаголом жечь сердца людей», ни «сеять разумное, доброе, вечное», ни проникать в «артезианские глубины» душ, ни тем более стать «полководцем человечьей силы»!

Так в чем же дело?

Во-первых, начать с того, что «средства» все-таки не должны подменять собою цель, то есть не должны быть для переводчика самоцелью. Достижение того идейно-художественного воздействия на читателя, которое испытываешь при чтении оригинала, при знании оригинала, при понимании оригинала, при максимально полном идейно-эстетическом постижении оригинала не только современником автора, но и современником переводчика — вот задача задач, вот конечная и главнейшая цель художественного перевода.

К этому надо добавить и еще одно немаловажное обстоятельство. Уже стало элементарной истиной, что переводное произведение (с какого бы языка оно не переводилось) становится полноправным явлением и той литературы, на язык которой оно переведено. Таким образом, оставаясь могучим средством ознакомления одного народа с иноязычной культурой, перевод получает наряду с этим и право на «вторую» (в чем-то самостоятельную) жизнь. И действительно, разве мы перестали бы зачитываться, скажем, переводами Жуковского, Пушкина, Лермонтова или Мачабели, даже если бы в совершенстве владели всеми языками, с которых переводили эти гении перевода? Нет, эстетическая функция поэзии гораздо шире простой коммуникативной

функции и только этим можно объяснить, что необходимость художественного перевода не отпадает в культурном общении даже тех народов, которые свободно владеют языками друг друга.

Вот эта чудесная «двойная» жизнь перевода и определяет его значение для читателя. Не учитывать же читателя, читательского восприятия, то есть не учитывать общественной, социальной функции художественного (в данном случае переводного) произведения — это наименее прощательная из ошибок, которую только можно в этом вопросе допустить.

Один из лучших советских практиков и теоретиков художественного перевода Иван Кашкин говорит о «тройной, но единой по существу верности», которую предполагает реалистический перевод — «верности подлиннику, верности действительности и верности читателю». Это единство и есть диалектическое единство средств, цели и конкретной исторической обстановки, в которой эта цель ставится и достигается. И тут нет раз и навсегда данных решений — ведь историческая действительность постоянно меняется, а с нею меняются и «средства», развивается и обогащается даже само понимание «цели»! И если существуют десятки переводов «Фауста» и «Гамлета», то не потому, что каждый раз ставилась задача достичь эдакого безотносительного, отвлеченного совершенства перевода, а потому, что возникла, возникает и будет возникать потребность взглянуть на великие творения прошлого глазами современника, «перевыразить» его языком современника, «оживить» его для современника. Но и этого мало. Одна и та же вещь может быть несколько раз переведена в одну и ту же эпоху, даже одновременно. Нет, это не изобретение уже изобретенного велосипеда. И даже не усовершенствование уже сконструированной модели. Так же, как любой художник обращается к объекту своего творческого постижения, не смущаясь тем, что этот объект уже был кем-то отображен в искусстве, точно так же художник-переводчик одержим задачей открыть в оригинале все новые и новые грани, сделать достоянием человечества все новые и новые таящиеся в нем богатства. Аналогия с живописью, к которой прибегает М. Заверин, при всей своей ус-

ловности, очень удачна. Но там речь шла только о копиистах, о разнице в творческой индивидуальности хотя бы простых копиистов. Продолжим же аналогию. Представим себе художников-портретистов, которые задались целью изобразить лицо одного и того же человека. Возможно ли тут одно обязательное решение? Разумеется, нет. Каждый из художников, ставя перед собой задачу наиболее полной и яркой передачи натуры, несомненно откроет в ней особые, новые грани, увидит в ней то, что, возможно, не удалось увидеть другому художнику. Индивидуальность оригинала, помноженная на индивидуальность художника, даст в каждом отдельном случае особые результаты. Что же в таком случае может служить критерием верности портретного изображения? Станем ли мы тут говорить о материале (масло, акварель, карандаш), или, может быть, о творческих приемах, о манере, «почерке» художника, то есть о «средствах» в узком и широком смысле этого слова? Только лишь в той степени, в какой они способствовали достижению цели, — верному воссозданию человеческого образа, наиболее глубокому раскрытию «души» оригинала, независимо от степени внешнего соответствия отдельных элементов того или иного творческого приема художника с соответствующей «деталью» натуры. Какой знаток или ценитель живописи станет сегодня упрекать художника в том, что эффекта передачи черных волос он достиг, не прибегая к черной краске, или что румянец на щеках он изобразил без помощи красного цвета? Ведь главное — эффект, которого достигает художник. А пути к этому эффекту, учитывая современное развитие, скажем, живописи, а вместе с ней и обогащение современного восприятия живописи, поразительно многообразны. Составляет ли изобразительное искусство в этом отношении исключение? Отнюдь нет. Большой и сложный путь пройден всем искусством, в том числе и искусством поэзии. Разумеется, перевод, в этом смысле, область весьма специфическая — поэт-переводчик, в отличие от просто поэта, связан исторической и национальной обусловленностью подлинника, но он связан также и собственной обусловленностью сво-

ей эпохой, своим языком! Это еще один источник многообразия художественного перевода, еще одна первопричина того, что «в переводе все живет в динамике и развитии», давая переводчику «право на современное отношение к образу» (И. Кашкин). И М. Заверин, конечно, прав, подчеркивая первостепенную важность вопроса о многообразии путей и художественных решений в поэтическом переводе. Прав он и тогда, когда проводит грань между принципами поэтического перевыражения повествовательно-эпических и собственно лирических произведений, указывая на совершенно различный характер «верности» перевода в первом и во втором случаях. Не будем придирааться к далеко не точному определению М. Завериным специфики лирической поэзии, которая заключается якобы в ее «близости к мелосу», в «непременной музыкальности стиха», — ясно, что такое определение не только не исчерпывает специфики лирической поэзии, но и вообще может быть отнесено лишь к ее определенной части. (Нельзя, например, говорить о музыкальности Маяковского в том смысле, в каком мы говорим о музыкальности Блока, тем более, подразумевая под музыкальностью собственно мелодическое начало). Но М. Заверин прав в основном — в своем выводе, что «в лирике путь простого переложения — далеко не всегда лучший путь!». Это подтверждается всей практикой художественного перевода. Это было до конца осмыслено еще и Пушкиным, и Гоголем, и Белинским, и Ильей Чавчавадзе, и Иваном Мачабели. Белинский всегда выступал, говоря его же словами, против «ложного понятия о близости перевода» и его «видимой ответственности». Он настойчиво подчеркивал необходимость того, «чтобы внутренняя жизнь переводного... соответствовала внутренней жизни оригинала» и даже усматривал «тайну переводов» в том, что переводчик — иногда отдаляясь от подлинника, этим самым верно выражает его». Это не парадокс — это мудрый и гонимый вывод, сделанный на основе старательнейшего изучения огромной переводной продукции, и, если хотите, на основе все того же сопоставления перевода с оригиналом.

Но опять-таки **чего с чем** в переводе и оригинале? Как видим, мы вернулись к нашему исходному вопросу. Пора и его рассмотреть более конкретно.

В самом общем плане здесь можно было бы указать на необходимость соответствия **силы** перевода и оригинала. Талантливое должно и в переводе звучать талантливо. Это как будто азбучная истина, но в нескольких статьях и рецензиях, посвященных переводам, идет речь о чем угодно, о любом соответствии и несоответствии, кроме главного из них — адекватности эстетического, идейно-художественного, эмоционального воздействия перевода и подлинника на читателя! Гоголь писал А. Максимовичу о сборнике украинских песен: «Иногда нужно отдаляться от слов подлинника, нарочно для того, чтобы быть к нему ближе. Есть пропасть таких фраз, выражений, оборотов, которые нам, малороссиянам, кажется, очень будут понятны для русских, если мы переведем их слово в слово, но которые иногда **уничтожают половину силы подлинника** (подчеркнуто мною — Г. М.). Почти всегда сильное лаконическое место становится непонятным на русском, потому что оно не в духе русского языка, и тогда лучше десятью словами определить всю обширность его, нежели скрыть его...» Энгельс в статье «Как не следует переводить Маркса» категорически требовал «**сильный** немецкий язык следует переводить **сильным** английским языком» (подчеркнуто мною — Г. М.). Как видим, Энгельс настаивает на силе выразительности перевода научных и политических сочинений. Каково же должно быть требование «силы» применительно к произведениям собственно художественным!

Вернемся к лирике. Часто ли, анализируя переводы лирической поэзии, останавливаемся мы на соответствии черт **лирического героя** в оригинале и переводе? Я говорю о **целостном** восприятии читателем этого лирического героя. Интересуемся ли мы, где этот герой «безукоризненно нежный», а где он «от мяса бешеный», где и как он мыслит, чувствует, реагирует на что-то, любит, ненавидит и в каких формах (пока даже не поэтических, а чисто ду-

шевных) выражает он свои **чувства**, оттенки этих чувств, их **переходы**, их контрастные столкновения, их борьбу и гармонию? Ну, а чтобы достичь такого сопоставления, мало сравнить слово со словом, образ с образом, строку со строкой, строфу со строфой, а иной раз даже стихотворение со стихотворением. Нужно сравнить **поэзию с поэзией**. Поэтический мир с поэтическим миром. Нужно обратиться ко **всему творчеству переводимого автора**. И давайте уж условимся: если мы обнаружим соответствие **в этом**, если к тому же будет налицо и поэтическая сила, о которой мы выше говорили, то обо всем остальном (слово, строка, строфа, даже иное стихотворение) следует судить, не забывая, что выполнена главная задача, и не упуская из виду истинной соизмеримости этой сверхзадачи и частных задач. Да, «что взято штыком, должно быть удержано лопатой», но не будем переоценивать роли лопаты и не будем с дотошной педантичностью спорить о ее форме, величине, окраске, когда битва-то выиграна, а штык сделал свое дело!

До сих пор мы говорили о поэтическом мире в смысле его человеческого содержания, но он, этот мир, выражается через образную систему автора. Человек — это стиль. Человек-поэт — тем более. Но и стиль — это отнюдь не набор метафор и сравнений, размеров и ритмов, что, якобы, может поддаться простому подстрочному сопоставлению. И тут я не могу не солидаризироваться вновь с М. Завериним, который лишней раз напомнил в своей статье о необходимости целостного восприятия всего произведения (переводчиком, а вслед за ним и читателем), как единства его идейно-художественных компонентов. Я бы только добавил: с учетом единства всего поэтического стиля автора во всем его движении.

По-разному может воссоздаваться, «перевыражаться» в переводе этот стиль. Тут допустима и лаконичность графика, который несколькими выразительными штрихами раскрывает и передает натуру, тут возможна и многокрасочность живописца, достигающего той же цели иными путями. Гоголь, как мы помним,

говорил о возможности достижения лаконического эффекта подлинника внешне более «обширной», но внутренне соразмерной по силе разработкой в переводе. Возможен, разумеется, и обратный случай. Такие «случаи» в искусстве не только многообразны, но и неисчислимы. И один не отменяется другим.

...Мне не мало приходилось писать по вопросам перевода. Еще больше мне приходилось читать. Я восхищался и восхищаюсь великолепной работой больших русских мастеров, которые за какие-то четверть века сделали достоянием мирового читателя почти всю сокровищницу классической и современной грузинской поэзии. Но никакие теоретизирования не убедили меня с такой очевидностью в чуде поэтического перевыражения, совершенного этими мастерами, как работа моя и моих коллег-критиков над изучением творчества тех или иных грузинских поэтов, вернее, то, с чем сталкиваешься во время этой работы. Дело в том, что нам часто приходится писать и публиковать одни и те же статьи на грузинском и русском языках, и какой строгой проверкой оказывается эта двукратная публикация для переводов! Ведь, предположим, литературный портрет поэта, написанный на грузинском языке, поскольку в нем была хотя бы попытка характеристики и анализа силы и специфики таланта данного поэта, черт его лирического героя, поэтического мира, образной системы и стиля его — ведь этот литературный портрет мог существовать на русском языке только в том случае, если бы поэтический материал перевода оказался адекватным оригиналу! Именно тут с особенной силой убеждаешься в необходимости не подстрочных соответствий (кстати, сами по себе подстрочные несоответствия никогда и нигде не мешают без каких-либо изменений повторять анализ на другом языке), а в необходимости соответствия духа подлинника и перевода, силы их, облика лирического героя, человеческого и поэтического мира, образной системы и стиля в его целостном восприятии в оригинале и в его иноязычном перевыражении.

Это действительно редкостная проверка жизнестойкости перевода. Причем проверку эту выдержали не только такие большие (хотя и очень разные) мастера, я бы сказал, академического перевода, как Тихонов и Заболоцкий, Антокольский и Кочетков, Лозинский и Державин, но и талантливые представители более молодого поэтического поколения, которые в пределах общей школы советского перевода образовали свое особое (тоже внутренне весьма многообразное) течение — от Межжирова, Луконина, Гудзенко и Максимова — до Евтушенко, Винокурова, Соколова и, наконец, Ахмадулиной.

Разница же между этими, очень, конечно условно разграниченными течениями, существует, является объективной данностью и от нее нельзя отмахнуться непрофессиональными разговорами о том, что одни переводят, мол, ближе и, поэтому, лучше, а другие вольнее и, следовательно, хуже. Нужно разобраться в причинах самого явления, в природе нового течения в советской переводческой школе. И тут опять-таки приходится напомнить об азбучной истине — о том, что переводчики являются поэтами и не только в том смысле, что они, кроме переводов, занимаются собственным оригинальным творчеством, но и в том смысле, что художественный перевод сам по себе также является одной из интереснейших и сложнейших форм поэтического творчества, и по сему подвержен воздействию тех же исторических закономерностей развития, которым подвержено искусство в целом. И если — подчеркнем это со всей определенностью — в искусстве социалистического реализма на разных этапах его развития, в его обусловленности пафосом современности, в его зависимости от духа времени, выдвигалась на передний план, акцентировалась, становилась доминирующей одна из трех возможных или по крайней мере основных форм отношения искусства к действительности — форма романтическая, классицистическая или реалистическая, слитые воедино в искусстве социалистического реализма, то на каком основании должны

выделять мы из общего потока нашего искусства — творчество поэта-переводчика? Другое дело, что специфика данного вида творчества обуславливает и специфические формы воздействия на него общих закономерностей.

Каковы же эти закономерности? Не будем углубляться в дебри теории. Обратимся к конкретным примерам. Вспомним, что и Горький, и Маяковский, и Галактион Табидзе, и советское искусство в целом знали и ослепительность романтических порывов, и самодисциплину классицистического сознания, и всепроникающую глубину и остроту реалистического видения, миропонимания и мирочувствования. Известно, что Горький, утверждавший, что «многоплановый реализм должен лечь в основу творчества наших художников», под «многоплановым реализмом» понимал такое искусство, в котором, по его же словам, «есть элементы и реализма, и романтизма, и классицизма». Здесь условны, разумеется, и все эти термины, и само разграничение явлений, которые они выражают, — как в искусстве в целом, так и в творчестве отдельных художников, но, как всякая условная схема, и эта схема должна нам помочь разобраться в закономерностях действительной, сложной и многообразной в своей реальности жизни искусства.

Кто станет отрицать, что первый этап развития советской поэзии был **романтическим**? Достаточно вспомнить «150.000.000» и «Мистерию-Буфф» Маяковского, или «Революционную Грузию» и «Джона Рида» Галактиона Табидзе. Кто станет отрицать, что, если бы в те первые революционно-романтические годы было бы сильно развито искусство перевода, то и оно было бы (независимо от исторической обусловленности оригинала) преимущественно романтическим по своему духу и пафосу? Мог ли иначе переводить, например, Маяковский, если бы он вообще переводил? Кстати, именно такими и были те, не очень многочисленные, образцы лирики и драматургии, которые в те годы все же переводились, скажем, на русский

или на грузинский языки. В качестве примера назовем хотя бы несколько более поздние, но очень характерные для своего времени, переводы Э. Багрицкого и Н. Дементьева из Назыма Хикмета (не говоря уже об «уленшпигелевской» романтике в более ранних стихах и переводах Багрицкого).

В дальнейшем в развитии советского переводческого искусства наступает своеобразный **рационалистический** период. Не будем на нем особо задерживаться, так как плодотворность этого периода была во многом ограничена, а порою даже сведена на нет обилием чисто умозрительных нетворческих концепций, одна из которых, например, была довольно последовательно изложена В. Федоровым в своем послесловии к сборнику «Грузинские романтики». (Лишь очень и очень немногим поэтам-переводчикам удалось в этом сборнике творчески преодолеть порочность положенных в его основу теоретических принципов и создать высокохудожественные переводы. В их числе, в первую очередь, нужно назвать М. Лозинского, переводчика бараташвилиевского «Мерани»).

Высочайших высот достиг советский **реалистический** перевод со второй половины тридцатых и на протяжении сороковых и пятидесятых годов. Если взять только грузинскую поэзию, то достаточно назвать имена Тихонова, Заболоцкого, Пастернака, Антокольского, Светлова, Державина, Кочеткова, Тарковского, Межирова, Луконина, чтобы напомнить читателю достижения русской переводческой культуры в эти годы.

Так чем же все-таки объяснить возникновение отчасти и в рядах перечисленных выше мастеров, а главным образом среди талантливой поэтической молодежи, занявшейся искусством перевода в самые последние годы, нового, как мы уже сказали, течения, которое, добавим, характеризуется весьма заметно выраженными романтическими чертами? Я и здесь не собираюсь теоретизировать. Хочу лишь указать на объективно существующее в поэзии последнего времени своеобразное возрождение на новой основе рево-

люционно-романтических традиций двадцатых годов, возрождение, которое (в лучшем своем выражении) связано с историческими процессами, происходящими в нашей действительности, в самой нашей жизни за последние годы. Здесь можно и нужно говорить и о съездах партии, и о новом этапе в международном коммунистическом движении, и о новом этапе во всемирной борьбе за мир, и о фантастических достижениях советской и мировой науки, и — может быть, это самое главное — о новой невиданной активизации советского человека и гражданина.

Не будем гадать, как оно будет дальше развиваться, но согласимся, что оно уже существует — новое романтическое течение в советской поэзии — еще одна (хотя далеко не единственная) форма многообразного в своем единстве искусства социалистического реализма. Существует и, как всегда, проявляется во всех сферах поэтического творчества, исключения из которого не составляет и творчество перевода. Да, Е. Евтушенко, В. Солоухин, Г. Поженян, Р. Рождественский, Д. Самойлов, С. Сорин, В. Коростылев, Е. Винокуров, К. Ваншенкин, В. Соколов, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Ю. Панкратов, И. Харабаров, Р. Казакова и другие их сверстники и некоторые старшие товарищи, все они, независимо от степени зрелости и силы своего таланта — романтики, лелеющие в своей душе новую, особо свежую и сильную, страстную, задористую, буйную любовь ко всему тому, что было создано и создается в жизни и поэзии их отцами и учителями. И те из них, кто работает (как поэт-переводчик) также и на благодатной ниве поэзии других — братских — народов, не могут не вложить и в эту свою работу сердца и души, чувства и мысли — то есть смысла своей жизни в искусстве.

Только так, только с этих позиций, только в этом ключе можно и должно воспринимать переводческую работу Евгения Евтушенко и Беллы Ахмадулиной — двух русских поэтов, за последние годы потрясших (пусть никому не покажется это преувеличением) читателя своими «открытиями» в грузинской

поэзии. Грузинская советская поэзия, которая дважды была до этого «открыта» — сначала поэтами старшего поколения, а затем — Межировым, Лукониным и другими, и к которой, казалось бы, уже привык читатель, навсегда ее полюбивший и чуть ли не до конца познавший, — вдруг зажила новой трепетной жизнью, обернулась скрытым лицом, вновь обрела неувядаемую молодость. Такие чудеса может творить только любовь, новая любовь — обновляющая, возрождающая, возвышающая...

Не подумайте, что речь идет лишь об открытии дотоле неведомых русскому читателю имен в грузинской поэзии (хотя они тоже есть — достаточно назвать имена Анны Каландадзе и Мухрана Мачавариани) — волшебство новой любви коснулось и старых ее знаменосцев — Георгия Леонидзе, и Георгия Кучишвили, Симона Чиковани и Ираклия Абашидзе, Алио Мирцхулава и Карло Каладзе. Большинство этих поэтов переведены Евгением Евтушенко, стихи Симона Чиковани переведены как Евтушенко, так и Ахмадулиной. С поэзией Мухрана Мачавариани познакомил русского читателя Евтушенко, а с поэзией Анны Каландадзе — Белла Ахмадулина.

Вот и у меня сорвалось это слово — «познакомили». Каким холодным, безжизненным кажется оно по сравнению с теми чувствами, которые вызвало само это «знакомство». Не познакомили, а зажгли любовью, отверзли им их душу, раскрыли их тайное тайных, заставили пережить — не каждую строчку, нет! — каждое чувство и каждую мысль в их неразрывной слитности, то есть, всю их поэзию. Мы требуем силы? Вот вам сила! Мы хотим взглядеться в любимые и близкие черты лирического героя? Вот он — герой. Разве это не он? А если в нем появилось что-то новое, если новым блеском зажглись его глаза, если его дыхание и сердцебиение чуть участились, если в знакомом голосе звучат порою новые нотки, если знакомые черты в чем-то незаметно преобразились, — так ведь все это сделала любовь! Это ее чародейство и диво! Лишь не способные на вза-

имность истуканы могут сохранить олимпийское спокойствие, не обрадоваться, не ожить, не затрепетать, не измениться в лице, поймав на себе влюбленный взгляд, почувствовав прикосновение любящей руки. А поэзия-то способна на взаимность! Она отвечает любовью на любовь, страстью на страсть, дружбой на дружбу. Так рождаются стихи, а не «просто переводы», так утверждают «права», а не просто — «правила», так свершается «воля», а не просто «вольничанье». Таковы переводы Евтушенко и Ахмадулиной.

Не страшен вольный перевод.
Ничто не вольность, если любишь.

Быть может, и сам автор этих строк — Евгений Евтушенко не осознавал до конца всей психологической глубины этой мысли, когда ее высказывал. Взять хотя бы ту «вольность» и те «измены», которые он иногда все же допускает. Почти железная закономерность: Евтушенко всегда «верен», когда он действительно любит и не обманывает себя. И он почти всегда вольно или невольно «изменяет», когда заставляет себя полюбить; дотрагиваясь до нелюбимой строфы, он как бы закрывает глаза и воображает на ее месте другую, любимую. Иногда он бежит от нее, иногда старается приукрасить, чтоб хоть как-то оправдать свое к ней отношение. Но если уж поэт действительно любит — он сразу, мгновенно постигает душу «чужой» поэзии, угадывает ее чувства и мысли, схватывает на лету, понимает все с полуслова, до боли остро видит еле заметное, до боли остро слышит еле слышимое. И тут «ничто не вольность», потому что все от любви, от понимания, от постижения, от озарения...

Так входит в душу и сердце русского читателя поэзия Мухрана Мачавариани. Так пленяет его сильная и нежная, гордая и чистая, нестигаемая и трепетная поэзия Анны Каландадзе — не просто любовно, а именно влюбленно воссозданная, возрожденная, воскрешенная на русском языке Ахмадулиной.

Нет, я не дал бы переводам Евтушенко, как предлагает М. Заверин,

подзаголовков, «По мотивам грузинской поэзии», «После чтения стихов М. Мачавариани», даже если отдельные стихотворения и оправдывают такие подзаголовки. Правда, М. Заверин тоже имеет в виду не все переводы, но общий тон конкретной части его статьи оставляет явное впечатление, что речь идет все-таки о большинстве переводов Евтушенко. Я бы скорее назвал некоторые из них «вольными переводами». Но и в этом нет необходимости: сам Евтушенко заявил об этом в цитированных нами выше строчках. Что же касается правомочности таких переводов, то, если и не апеллировать к классикам (Жуковский, Церетели), достаточно вспомнить переведенные К. Симоновым последние стихи Самеда Вургуна, с подзаголовком «Вольные переводы», чтобы оценить подлинное значение этого жанра. Я не думаю, что ошибусь, если скажу, что редко в каких других переводах ощущали мы такую духовную, душевную, человеческую близость к большому азербайджанскому поэту. И все по той же причине: была подлинная любовь и поэтому «ничто не было вольностью».

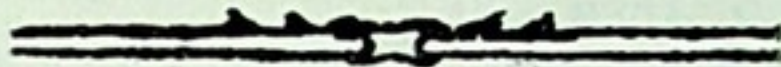
Мы назвали переводы Евтушенко романтическими. Это помогает нам объяснить и выбор поэтом переводимых произведений, и акценты, которые он в них ставит, и природу «верности» переводчика оригиналу, и характер его «измен» подлиннику. Это помогает нам уяснить работу Евтушенко, как поэтическое творчество перевода, а не как бесстрастное переложение чужих и чуждых стихов с целью «ознакомления» читателя с «основными мотивами творчества» того или иного поэта.

Ахмадулина — тоже романтик, но несколько иного склада, иной душевной конституции. Поэтика Ахмадулиной в чем-то родственна поэтике Евтушенко (система рифмовки, некоторые ритмико-интонационные совпадения), но, судя даже по переводам, поэзия ее сосредоточеннее уже по охвату, но выдержаннее по стилю; она любит не многих, но и изменяет реже, взгляд ее не рассеян и поэтому более разборчив. Никакой эклектики, никакой разно-

стильности. И это достигается не трезвой разборчивостью, а каким-то внутренним чутьем, сокровенным талантом воспринимать и воспроизводить только свое, близкое, органичное. До сих пор, во всяком случае, было так. Евтушенко активнее, дерзновеннее, даже бесстрашнее. Он идет на больший риск, но он не так разборчив, постоянен и целен в своих увлечениях. Для него главное — его гражданская задача, его лирико-публицистическая тема, его борь-

ба — ей он подчиняет все. Ахматулина через немного идет ко многому. Евтушенко через многое продвигается к одному. Надеюсь, никто не задаст вопроса — что лучше? Я могу только сказать, что было бы хуже: если бы был только один путь, если бы не было поэтов хороших и разных, если бы однообразным было творчество, а, поскольку речь идет о переводах, — если бы было однообразным творчество перевода.

САТИРА

И

Басенная история

Молодой поэт написал басню:

Лягушка однажды быка повстречала
И так она ему сказала:
«Скажи мне, бык, скажи мне, почему,
Я это в жизни что-то не пойму:
Толстеют от еды коза, свинья и гусь
Лишь я всегда такой же остаюсь?»
Ответил бык: «Я тут не вижу дива:
Ты тоже много ешь,
Но только торопливо».

И отнес он басню в редакцию газеты.
«Бред какой-то, — подумал заведующий
отделом, прочтя про себя басню... — И мо-
рали никакой не уловлю». Но, подняв глаза
на поэта, он, улыбаясь, сказал:

— Чудная вещица. Но знаете... У нас
уже есть басня на эту тему. Даем в бли-
жайшем номере.

— Хорошо, — ответил поэт и отнес басню
в другую редакцию.

В другой редакции басню прочли несколь-
ко раз. Потом ответственный секретарь ска-
зал автору:

— Басня вам, несомненно, удалась. К со-
жалению, она не отвечает профилю нашей
газеты...

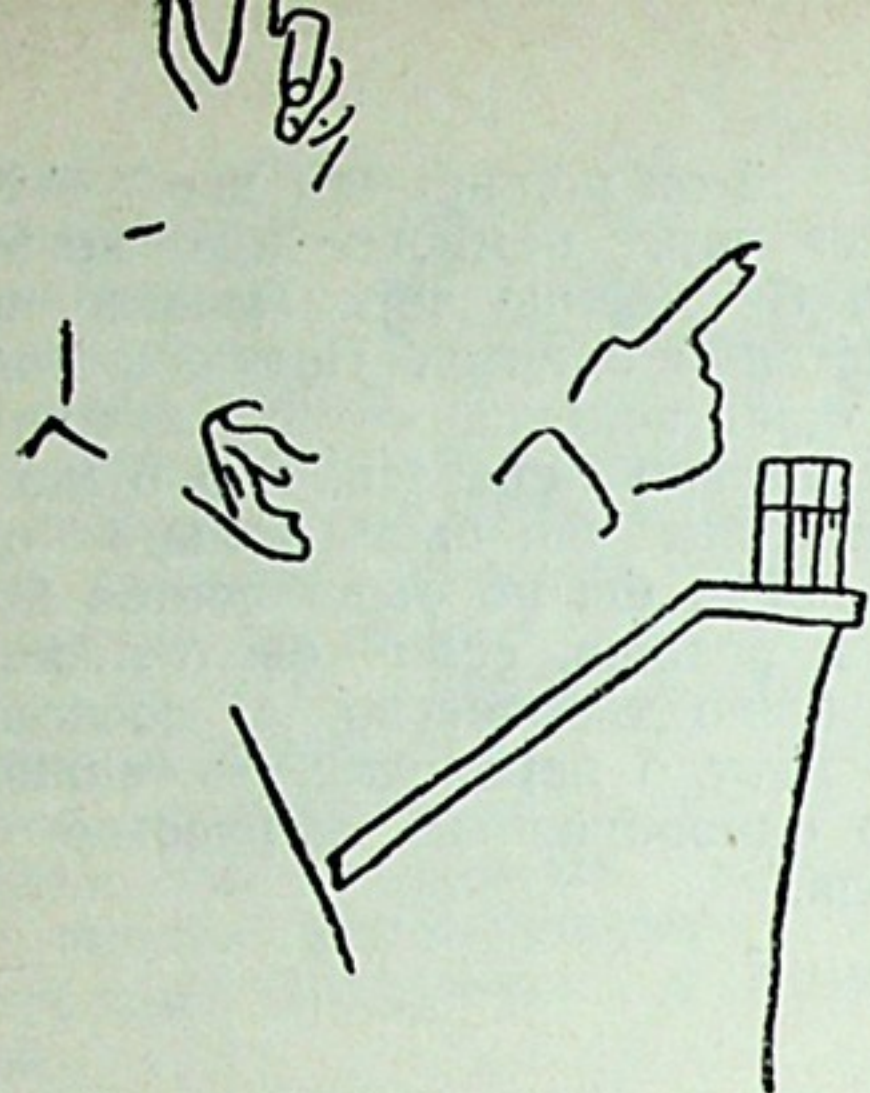
— Ладно, — ответил поэт и отнес басню
в третью редакцию.

— Знаете, дорогой товарищ, — медленно
произнес редактор, — я давно уже не читал
такой превосходной вещи. Вы, ей-богу, та-
лант. Но, видите ли, наша газета басен не
публикует... Жаль, конечно, но таково ре-
шение редакционной коллегии...

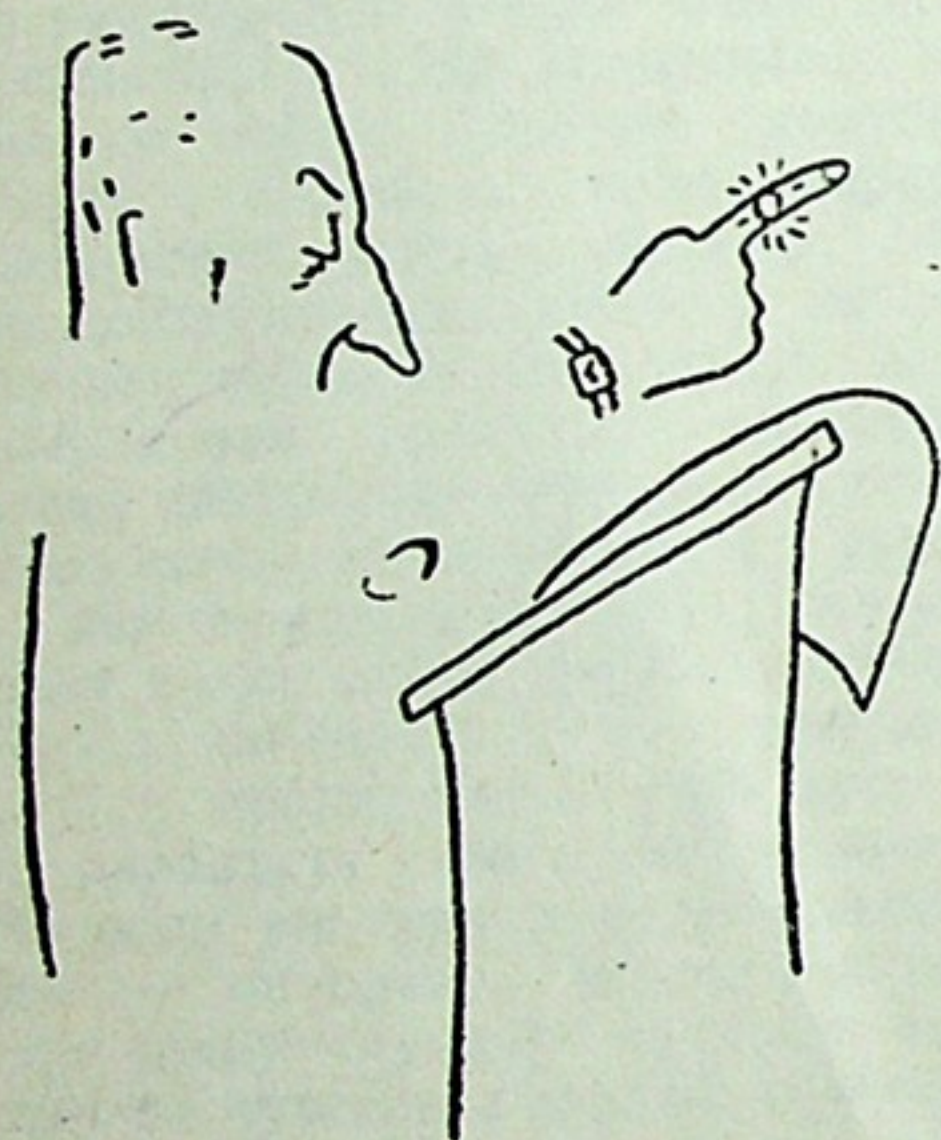
— Безобразие, — метал громы и молнии
поэт, возвратившись домой. — Так-то они
заботятся о росте молодых дарований?!

— А, может быть, басня им не понравилась? — робко спросила жена...

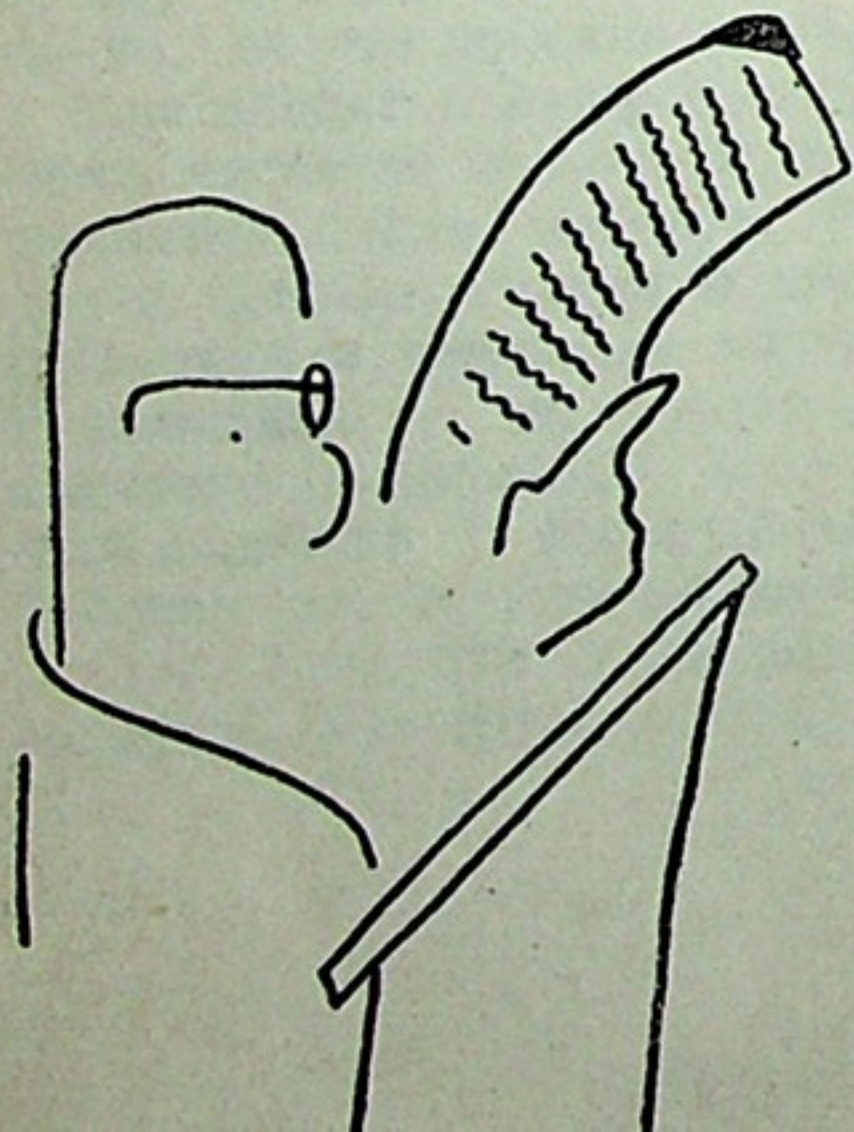
И. ИОСЕЛИАНИ.

«Ни на одну минуту не выпустим перо из рук своих!» — призвал БЕСО ЖГЕНТИ, открывая совещание, длившееся всю пятницу, половину субботы, весь понедельник и вторник.

К. ГАМСАХУРДИА: «Не сотвори себе кумира!»

Ш. РАДИАНИ: «...Говоря об этих полярных точках зрения, должен прямо заявить, что, по-моему, они правильны обе».

Ю М О Р

Иностранный юмор

Мирбо и Капю начали издавать маленький еженедельник «Гримасы». Однажды, когда вся редакция находилась в кафе во время завтрака, они увидели похоронную процессию.

Капю, взглянув на Мирбо, сказал:

— Дай бог, чтобы это был не наш подписчик.

* * *

— Что мне делать? — спрашивал у Оскара Уайльда безвестный поэт. — Против меня организован настоящий заговор молчания. Что же мне делать?

Уайльд ответил:

— Примкните к заговору.

Перевод с французского.

* * *

Интересное заведение — театр. Автор пишет одно, артисты играют другое, зрители видят что-то третье, наконец, критика говорит о чем-то четвертом.

* * *

Отрывок из рецензии:

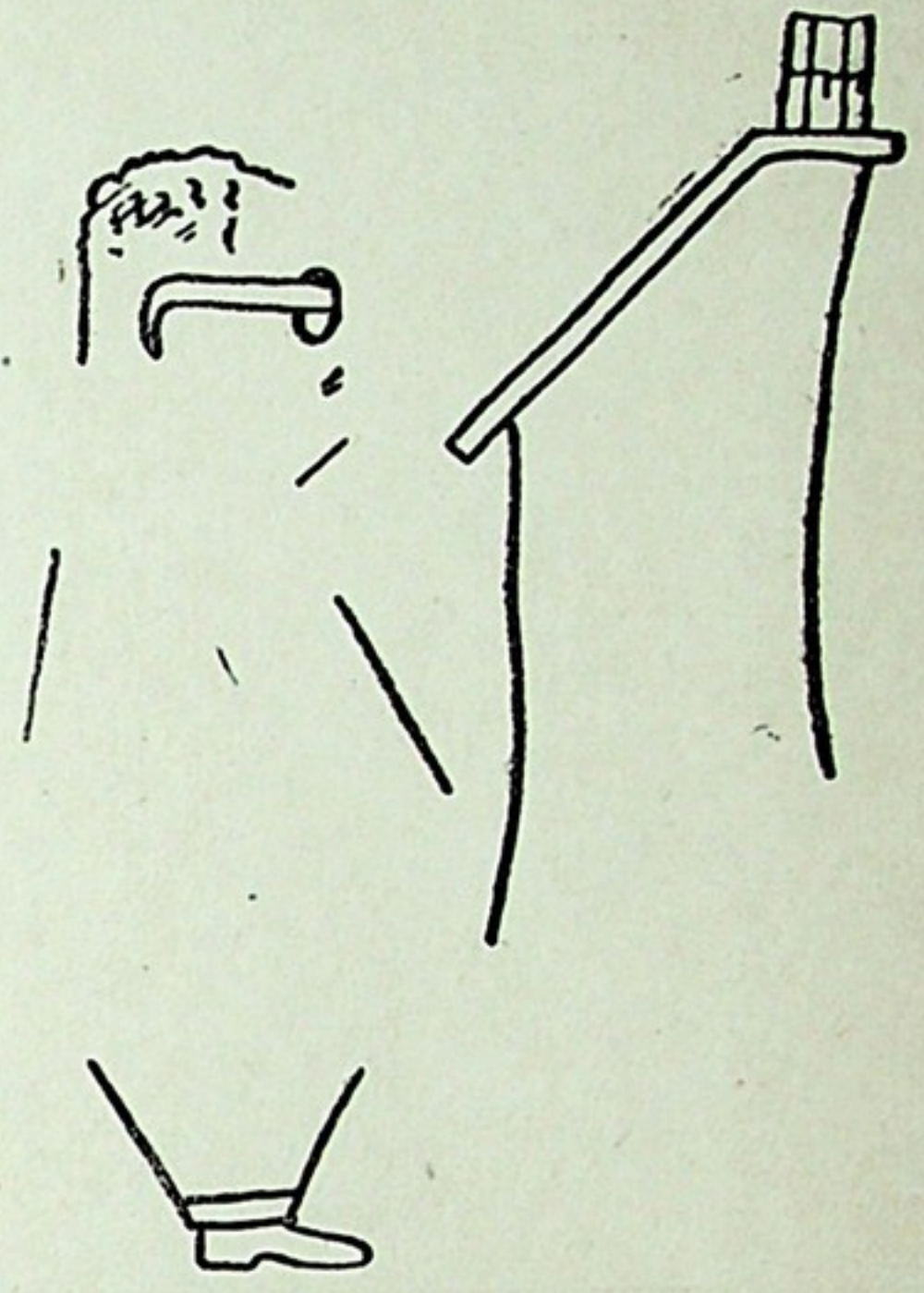
«Оркестр совершил, казалось бы, невозможное: взял музыку, о которой говорили, что она будет жить века, и убил ее в течение одного, одного только вечера».

* * *

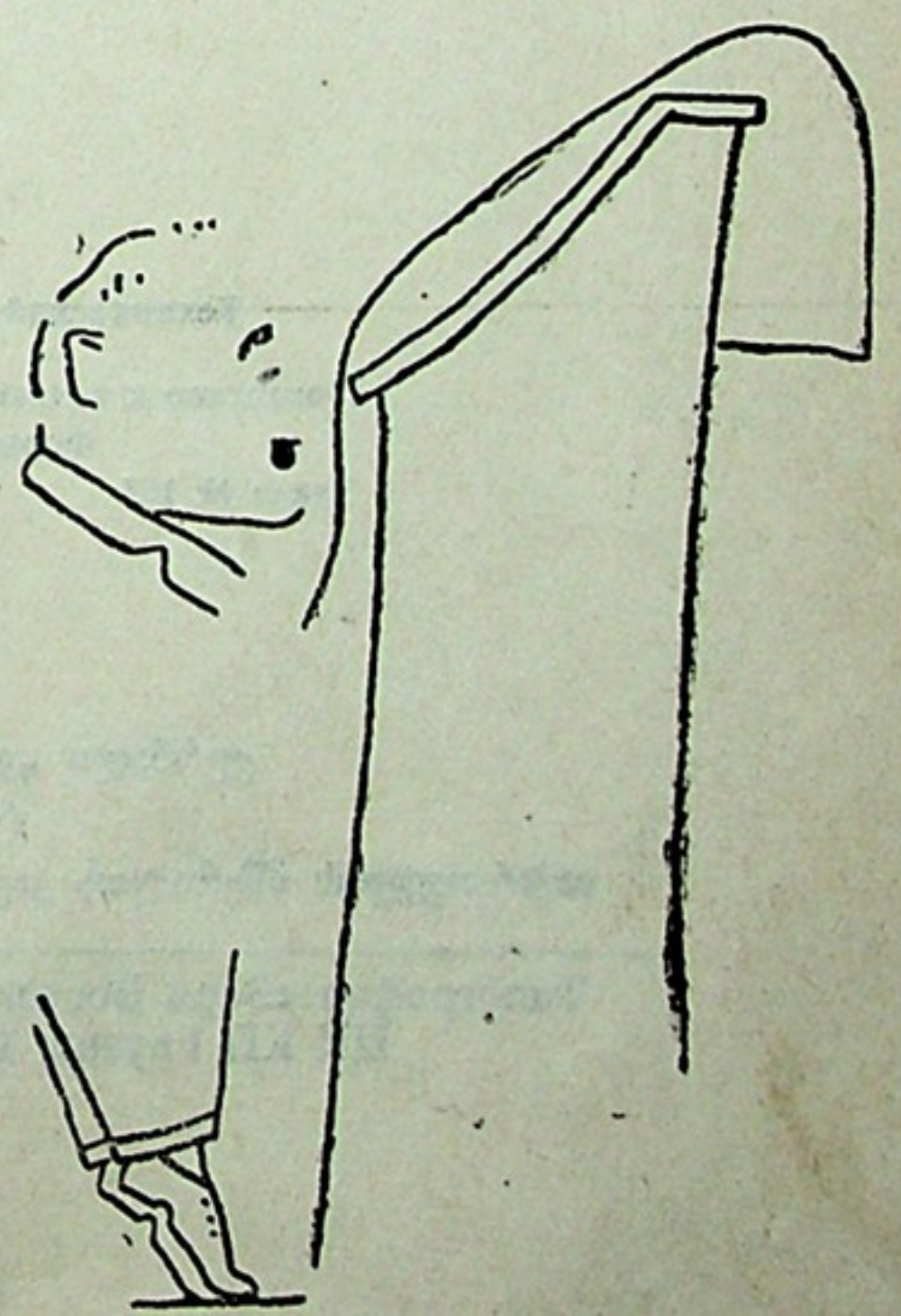
У каждого писателя два желания: в молодости он хочет познать мир, в старости же желает, чтобы мир познал его.

Перевод с польского.

С. ЧИЛАЯ — подвел итоги.

Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ: «...Возможно, я и ошибался, но я был прав».

Технический редактор М. Соселва

Подписано к печати 3 апреля 1960 г. 6 печ. лист. + 2 вкл.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 167

Тираж 8.000

УЭ 01455

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ბარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

1870

